

ISSN 2686-7249

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Литературоведение.
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Literary Theory.
Linguistics. Cultural Studies”
Series

Academic Journal

ARBOR MUNDI
МИРОВОЕ ДРЕВО

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

1
2021

VESTNIK RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series
Academic Journal

There are 10 issues of the journal a year.

Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing Ph.D. research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

10.01.00 Philology:

10.01.01 Russian literature

10.01.03 Foreign literature

10.01.08 Literary theory. Textology

10.01.09 Folkloristics

10.02.00 Linguistics:

10.02.14 Classical philology, Byzantine and modern Greek studies

10.02.01 Russian language

10.02.02 Languages of the Russian Federation

10.02.19 Theoretical linguistics

10.02.20 Historical-comparative, typological and contrastive linguistics

24.00.00 Culturology:

24.00.01 Cultural history and theory

24.00.03 Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects

GOALS OF THE JOURNAL: presentation of the results of the latest researches in the field of philology, linguistics and culturology, which have an unquestionable theoretical and practical value and are promising for the development of research in these fields of knowledge.

Advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

OBJECTIVES OF THE JOURNAL: implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integrated approaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the educational process as examples of correct scientific work; attraction of new authors, researchers, showing high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993

e-mail: leonidardo@yandex.ru

Выходит 10 номеров печатной версии журнала в год

Учредитель и издатель: Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

10.01.00 Литературоведение:

10.01.01 Русская литература

10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)

10.01.08 Теория литературы. Текстология

10.01.09 Фольклористика

10.02.00 Языкознание:

10.02.14 Классическая филология, византийская и новогреческая филология

10.02.01 Русский язык

10.02.02 Языки народов Российской Федерации

(с указанием конкретного языка или языковой семьи)

10.02.19 Теория языка

10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание

24.00.00 Культурология:

24.00.01 Теория и история культуры

24.00.03 Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов

ЦЕЛЬ ЖУРНАЛА: представление результатов новейших исследований в области литературоведения, языкознания и культурологии, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этих областях знания. Продвижение эмпирически ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институциями.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

электронный адрес: leonidardo@yandex.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University
for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

- D.I. Antonov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)
- P.M. Arkadiev*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Slavic Studies RAS/Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)
- O.L. Akhunova*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.I. Baranova*, Dr. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- L.V. Belovinskiy*, Dr. of Sci. (History), professor, Moscow State Art and Cultural University, Moscow, Russian Federation
- Yu.V. Domanskiy*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.V. Dybo*, RAS corr. memb., Dr. of Sci. (Philology), professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation
- V.V. Gudkova*, Dr. of Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russian Federation
- N.P. Grintser*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I. Rzepnikowska*, Dr. of Sci. (Philology), Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland
- I.I. Isaev*, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- G.I. Kabakova*, Dr. of Sci. (Philology), Université de Paris-Sorbonne, Paris, France
- N.V. Kapustin*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation
- A.A. Kholikov*, Dr. of Sci. (Philology), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
- O.B. Khristoforova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Kimmelman*, Ph.D., Bergen University, Bergen, Norway
- J.D. Clayton*, Ph.D., University of Ottawa, Ottawa, Canada
- I.V. Kondakov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- G.Ye. Kreidlin*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- L.I. Kulikov*, Cand. of Sci. (Philology), Ph.D., Ghent University, Ghent, Belgium
- M.N. Lipovetskiy*, Dr. of Sci. (Philology), professor, University of Colorado, Boulder, USA
- D.M. Magomedova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

- I.V. Morozova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.G. Mostovaya*, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.Yu. Neklyudov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Podlesskaya*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Polovinkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- E.Yu. Protasova*, Dr. of Sci. (Pedagogy), University of Helsinki, Helsinki, Finland
- R.I. Rozina*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- J. Sadowski*, Dr. of Sci. (History), Jagellonian University, Krakow, Poland
- I.O. Shaytanov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.Yu. Sorochan*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Tver State University, Tver, Russian Federation
- Ya.G. Testeleets*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Togoyeva*, Dr. of Sci. (History), RAS Institute of General History, Moscow, Russian Federation
- V.I. Tyupa*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.A. Yatsenko*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- G.I. Zvereva*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

Executives editors:

- I.G. Matyushina* (comp.), Dr. of Sci. (Philology), RSUH
- L.P. Petrik*, Cand. of Sci. (Philology), RSUH

Учредитель и издатель – Российский государственный
гуманитарный университет (РГГУ)

Редакционная коллегия

Главный редактор:

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор,
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ),
Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия:

- Д.И. Антонов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)
- П.М. Аркадьев*, доктор филологических наук, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)
- О.Л. Ахунова*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.И. Баранова*, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Л.В. Беловинский*, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный институт культуры, Москва, Российская Федерация
- В.В. Гудкова*, доктор искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация
- Н.П. Гришцер*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Ю.В. Доманский*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.В. Дыбо*, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация
- И. Жетниковская*, доктор филологических наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша
- Г.И. Зверева*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)
- И.И. Исаев*, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Г.И. Кабакова*, доктор филологических наук, Университет Сорбонны, Париж, Франция
- Н.В. Капустин*, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация
- В.И. Киммельман*, Ph.D., Берген, Королевство Норвегия
- Д.Д. Клейтон*, доктор филологических наук, Оттавский университет, Оттава, Канада
- И.В. Кондаков*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Г.Е. Крейдлин*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- Л.И. Куликов*, кандидат филологических наук, Ph.D., Гентский университет, Гент, Королевство Бельгия
- М.Н. Литовецкий*, доктор филологических наук, профессор, Университет Колорадо, Болдер, США
- Д.М. Магомедова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Морозова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.Г. Мостовая*, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Неклюдов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Подлеская*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Половинкина*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.Ю. Протасова*, доктор педагогических наук, Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндская Республика
- Р.И. Розина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Я. Садовский*, доктор исторических наук, Ягеллонский университет, Краков, Республика Польша
- А.Ю. Сорочан*, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
- Я.Г. Тестелец*, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Тогоева*, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- В.И. Тюпа*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.А. Холиков*, доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Б. Христофорова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.О. Шайтанов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.А. Яценко*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

- И.Г. Матюшина* (составитель), доктор филологических наук, РГГУ
- Л.П. Петрик*, кандидат филологических наук, РГГУ

CONTENTS

Narrative Art in the Middle Ages and the Renaissance

Latin Literature

Aleksandr E. Makhov

The *Concordia Discors* Topos in Medieval Literature:
Contexts, Meanings, Rhetorical Variations 10

Maria R. Nenarokova

The Symbolism of Birds in Medieval Latin Hymnography 24

The Sagas of Icelanders

Tatjana N. Jackson

The Author and his Text (Based on the Old Icelandic *Knýtlinga saga*) 42

Daria S. Glebova

Clumsy Sagas: Repetitions and Loose Structure
in the Sagas of Icelanders 58

Skaldic Poetry

Denis A. Golovanenko, Fedor B. Uspenskii

Playing with the Canon as an Iconic Device in Skaldic Poetry 73

The Anglo-Saxon Chronicle

Inna G. Matyushina

William the Conqueror in the Anglo-Saxon Chronicle:
from Coronation to Death 86

German Chivalric Romance

Ol'ga V. Popova

Narrative Strategies in the Bavarian Poem *Lohengrin* 116

French Literature of the Renaissance

Irina K. Staf

Late Renaissance Dialogue, Conversation and Novella in France 128

СОДЕРЖАНИЕ

Искусство повествования в литературе Средних веков и Возрождения

Латинская литература

- Александр Е. Махов*
Топос “concordia discors” в средневековой словесности:
контексты, смыслы, риторические вариации 10
- Мария Р. Ненарокова*
Символика птиц в средневековой латинской гимнографии 24

Исландские саги

- Татьяна Н. Джаксон*
Автор и его текст (на материале
древнеисландской «Саги о Кнютлингах») 42
- Дарья С. Глебова*
Неуклюжая сага: повторы и неоднородная композиция
в «сагах об исландцах» 58

Скальдическая поэзия

- Денис А. Голованенко, Фёдор Б. Успенский*
Игра с канонами как иконический прием в поэзии скальдов 73

Англосаксонская хроника

- Инна Г. Матюшина*
Вильгельм Завоеватель в Англосаксонской хронике:
от коронации до кончины 86

Немецкий рыцарский роман

- Ольга В. Попова*
Повествовательные стратегии в баварской поэме о Лоэнгрине 116

Французская литература Возрождения

- Ирина К. Стаф*
Диалог, беседа и новелла во Франции эпохи позднего Ренессанса 128

ИСКУССТВО ПОВЕСТВОВАНИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ СРЕДНИХ ВЕКОВ И ВОЗРОЖДЕНИЯ

Латинская литература

УДК 82-131

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-10-23

Топос “concordia discors” в средневековой словесности: контексты, смыслы, риторические вариации

Александр Е. Махов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, makhov636@yandex.ru*

Аннотация. В статье дан обзор контекстов, в которых средневековые авторы используют топос “concordia discors”, восходящий к римской поэзии. Выделены шесть таких контекстов, в каждом из которых топос получает особый смысл. В космологических контекстах топос отображает ситуацию согласия стихий, которые по своей сути противоположны и даже враждебны друг другу. В социальные контекстах он выражает идею разнообразия, сохраняемого в некоем социальном единстве (церкви, государства, общины верующих). В антропологических контекстах топос может быть применен к устройству человеческого тела, взаимодействию тела и души, смешению противоположных чувств внутри души. В экзегетических контекстах топос передает парадокс согласия между противоречащими друг другу утверждениями в Священном Писании; в поэтологических контекстах – гармонию разнородных элементов в поэтическом произведении. В музыковедческих контекстах топос описывает реальный феномен одновременного звучания нескольких голосов в полифонической музыке (лишь в этих контекстах топос имеет не метафорический, но буквальный смысл).

Ключевые слова: concordia discors, топос, оксюморон, антиметабола, средневековая словесность

Для цитирования: Махов А.Е. Топос “concordia discors” в средневековой словесности: контексты, смыслы, риторические вариации // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 1. С. 10–23. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-10-23

© Махов А.Е., 2021

The *Concordia Discors* Topos in Medieval Literature: Contexts, Meanings, Rhetorical Variations

Aleksandr E. Makhov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
makhov636@yandex.ru*

Abstract. The article provides an overview of the contexts in which medieval authors use the “concordia discors” topos dating back to Roman poetry. Six such contexts are identified, in each of which the topos receives a special meaning. In cosmological contexts the topos reflects a situation of harmony between the elements, which are inherently opposite and even hostile to each other. In social contexts it expresses the idea of diversity preserved in a certain social unity (church, state, community of believers). In anthropological contexts the topos can be applied to the structure of the human body, the interaction of body and soul, the mixture of opposite feelings within the soul. In exegetical contexts the topos conveys the paradox of agreement between conflicting statements in the Holy Scriptures; in poetological contexts – the harmony of heterogeneous elements in a poetic work. In musicological contexts the topos describes the real phenomenon of the simultaneous sounding of several voices in polyphonic music (only in these contexts the topos has a literal, not metaphorical, meaning).

Keywords: concordia discors, topos, oxymoron, antimetabole, medieval literature

For citation: Makhov, A.E. (2021), “The *Concordia Discors* Topos in Medieval Literature: Contexts, Meanings, Rhetorical Variations”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 1, pp. 10–23, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-10-23

Выражение “concordia discors”, передающее оксюморонную идею несогласного согласия, появляется в римской поэзии, где оно использовано преимущественно в космологическом контексте. “*Regum concordia discors*” у Горация («Послания», I, 12, 19) отсылает к учению Эмпедокла о любви и ненависти, поочередно овладевающих четырьмя стихиями. Как характеристика союза противоположных стихий выражение, слегка варьируемое, фигурирует в «Метаморфозах» Овидия (I, 433: “*discors concordia*”) и в «Астрономии» Манилия (I, 143), утверждающего, что связи (nexus) между стихиями поддерживаются «согласным несогласием (*discordia concors*)» (Manilius 1998, p. 5). Особняком стоит «Фарсалия» Лукана, где выражение “concordia discors” (I, 98) передает состояние неустойчивого мира накануне войны. “*Symphonia discors*”

из «Поэтического искусства» Горация (374) напоминает формулу “concordia discors”, но сходство лишь внешнее, поскольку выражение “symphonia discors” лишено оксюморонного смысла, просто обозначая неслаженную, плохую музыку.

В античной литературе формула “concordia discors” встречается довольно редко, и лишь Средние века превращают ее в настоящий топос, который обладает присущим всякому топосу свойством «всеприсутствия» [Curtius 1972, p. 14]: он появляется в текстах разных жанров, наделяется различными смыслами, а на словесном уровне варьируется посредством ряда риторических приемов. Будучи не готовой застывшей формулой, но «схемой мысли и выражения» [Curtius 1941, p. 1], любой топос может модифицироваться на словесном уровне, но при этом сохранять узнаваемость благодаря определенным ключевым элементам, которые в нем удерживаются. Таков и топос “concordia discors”. Заключение в нем «схема мысли» состоит в том, что противоположные, даже враждебные друг другу сущности трактуются как образующие согласие, гармонию; этим парадоксом и порождается оксюморон несогласия согласия. «Схема выражения» требует наличия в данном топосе двух словесных элементов – discor- и concor-, которые могут выступать в разных грамматических формах: элементы римской формулы становятся подвижными, модифицируемыми, но при этом сохраняют узнаваемость.

Средневековые используют топос в разных смысловых контекстах, на что уже обращали внимание исследователи. Лео Шпитцер в своем обзоре античных и христианских трактовок идеи мировой гармонии упоминает формулу “concordia discors” и ее вариации главным образом в связи с космологическими и музыкальными контекстами, но также обращает внимание на применение понятия “concordia” в контексте экзегетическом, для обозначения согласия различных мест Священного Писания друг с другом – согласия, которое трактуется средневековыми авторами как «музыкальная гармония» [Spitzer 1944, p. 443, 450–451]. Дитмар Пайль рассматривает формулу в контексте античных, средневековых и современных представлений о политической гармонии [Peil 1984]; Ф. Харди выявляет в позднеантичной латинской поэзии политические, религиозные и эстетические «фигуры» “concordia” и “discordia”, не ограничивая себя случаями, когда эти слова или производные от них образуют оксюморон [Hardie 2019, p. 103–134]. На средневековой словесности сосредоточивается Ами Энвельд в статье, специально посвященной «эмблематической формуле» “concordia discors” [Heneveld 2014, p. 28]; помимо уже традиционных космологических контекстов она затрагивает и контексты поэтологические.

Ниже мы попытаемся дать максимально полный обзор контекстов, в которых топос “concordia discors” появляется в латинской средневековой словесности. Приводимые нами примеры ограничены случаями, когда слова, содержащие элементы *conco-* и *disco-*, передают либо мирное сосуществование противоположностей, либо гармонизацию разлада, который переходит в согласие. Именно идеи сосуществования или гармонизации, вкупе с приемом соположения упомянутых словесных элементов *conco-* и *disco-*, определяют границы топоса.

Космологические контексты

Здесь топос в основном передает парадоксальную ситуацию согласия стихий, которые по своей сути противоположны и даже враждебны друг другу. Мысль о союзе стихий как о *concordia discors* появляется у Овидия – но у него это несогласное согласие служит для порождения жизни; Сенека усматривает в нем естественное состояние мира вообще: «Разве не видишь, сколь различны между собой стихии? Тяжелое и легкое, холодное и горячее, влажное и сухое: все согласие этого мира состоит из несогласных [начал] (*tota haec mundi concordia ex discordibus constat*)»¹. С текста Сенеки начинается словесное варьирование топоса: элементы *conco-* и *disco-* образуют здесь новую грамматическую конструкцию. Другая вариация присутствует и в вышецитированном фрагменте из «Астрономии» Манилия: его “*discordia concors*”, вероятно, первый случай инверсии первоначальной формулы “*concordia discors*”; элементы *conco-* и *disco-* обмениваются грамматическими функциями.

У христианских авторов союз стихий поддерживает Бог: именно он, как утверждает Новациан, «соединяет несогласные матери в согласие всех стихий (*in concordiam elementorum omnium discordantes materias*)»². Косвенно эта идея выражена в анонимном «Бревиарии на Псалтирь» – в толковании строк из 148-го псалма, где сказано, что Господа должны хвалить и огонь, и вода (Пс. 148, 4, 8): «Узрите согласное разногласие воды и огня (*concordantem discordiam aquae et ignis*), они вместе восхваляют Бога»³. Алан

¹ *Seneca. Naturales quaestiones. 1, 27 // L. Annaei Senecae opera omnia. Vol. 5. Augustae Taurinorum: Pombo, 1831. P. 667.*

² *Novatianus. De trinitate // Patrologiae cursus completus. Series latina (далее – PL). Vol. 3. Paris: J.P. Migne, 1844. Col. 889.*

³ *Breviarium in Psalmos // PL. Vol. 26. Paris: J.P. Migne, 1845. Col. 1264.*

Лилльский, питавший к нашему топосу особое пристрастие, вводит его в свою космологию: Бог примиряет стихии и даже заставляет взаимно враждебные начала обменяться поцелуями в знак мира, после чего «в мирном союзе множественное вернулось к единству, различное – к тождественности, нестройность – к гармонии, разногласие – к согласию (*ad consonantiam dissonantia, ad concordiam discordia*)»⁴.

Топос в его христианизированной версии обычно передает не устойчивое состояние несогласного согласия стихий (как у Сенеки), но совершаемое Богом превращение их несогласия в согласие. Неудивительно, что ситуация совмещения *concordia* и *discordia* может оцениваться негативно, как в «Антиклавдиане» Алана Лилльского, где персонификация Согласия (*Concordia*) утверждает, что ничто – ни «истинная любовь, ни договор любви, ни благочестие, ни чистая вера» не смогут «сохранить в оставшихся вещах даже след мира, если с нами пребудет несогласное согласие (*si nostra manet concordia discors*)»⁵.

Лишь в одном из известных нам случаев топос в космологическом контексте получает иной смысл. В сочинении Стефанардо да Вимеркате «О контроверзе человека и фортуны» он появляется в речи Минервы, обращенной к Богу: «Ты низводишь звезды в быстром беге на землю, в то же время направляя каждую по предустановленному пути; стройно звучит согласное несогласие гармонического движения (*consonat armonici concors discordia motus*), когда ты со своего более высокого престола ускоряешь (*rapis*) звезды» (Stefanardo da Vimercate 1950, p. 154). Топос передает здесь не согласие стихий, но музыку космоса, звучащее движение звезд.

Социальные контексты

Здесь топос выражает идею разнообразия, сохраняемого в неком социальном единстве (церкви, государства, общины верующих и т. п.). Языческий философ Максим из Мадауры заканчивает письмо к Августину фразой, содержащей топос именно в таком его смысле: «Да хранят тебя боги, с помощью которых все мы, смертные... почитаем и чтим тысячью способов и в согласном разногласии (*mille modis concordia discordia*) Отца, общего и для богов, и для

⁴ *Alanus de Insulis*. De planctu naturae // PL. Vol. 210. Paris: J.P. Migne, 1855. Col. 453.

⁵ *Alanus de Insulis*. Anticlaudianus // PL. Vol. 210. Col. 503.

всех смертных»⁶. Максим, при всем своем политеизме признающий существование высшего Бога, хочет сказать, что язычники и христиане едины в своем почитании Бога-Отца, хотя и почитают его по-разному; топос передает эту ситуацию единства при сохранении различия.

Тема единства христианской церкви, сохраняющегося при различии ее «членов», также дает повод для появления топоса. Лев IX в письме к патриарху Михаилу развивает метафору церкви как единого тела, члены которого наделены разными функциями. Мы, христиане, «одно тело (*sumus unum corpus*)»; однако в человеческом теле – много членов, которые выполняют разные обязанности. Если член пожелает выполнять обязанности другого члена, если глаз захочет быть рукой – это нарушит порядок тела. Но в телесных членах царит «такое разногласное согласие (*tam discors concordia est in eis*), что любой из них откажется отдать свои обязанности другому»⁷.

Видукинд Корвейский в предисловии к третьей книге «Деяний саксов» также использует топос в социальном контексте, но теперь уже светском: «Как лицо неба и земли, голоса, лица и нравы людей видоизменяются на тысячу ладов в согласном разногласии (*mille modis concordia discordia variantur*), но под руководством единого света и разума соединяются в одно целое провидением правящего всем Бога, так и для людей, занятых общественными и личными вещами, существует один только руль справедливости и одно только мерило добродетели – имперское достоинство...»⁸.

Если Бог соединяет в единство «согласное разногласие» мира и общества, то император должен нечто подобное проделывать в своем государстве. Иначе говоря: разногласие людей становится согласным благодаря имперской власти. Выражение “*mille modis concordia discordia*”, которое мы встретили в религиозном рассуждении Максима, корреспондента Августина, теперь применено в чисто светском смысле.

⁶Maximus grammaticus Madaurensis ad Augustinum // PL. Vol. 33. Paris: J.P. Migne, 1841. Col. 82.

⁷Leonis IX epistola ad Michaelem Constantinopolitanum patriarcham // PL. Vol. 143. Paris: J.P. Migne, 1853. Col. 767–768.

⁸*Widukindus Corbeiensis. Res gestae Saxonicae* // PL. Vol. 137. Paris: J.P. Migne, 1853. Col. 179.

Антропологические контексты

Как антропологическая метафора, характеризующая те или стороны человеческой природы, топос выступает в трех вариантах. Во-первых, он передает согласное несогласие в устройстве человеческого тела. Так у Алана Лилльского: «как согласное несогласие четырех стихий (*quatuor elementorum concors discordia*)... соединяет части всемирного чертога, так сходное несходство четырех комплекций (*quatuor complexionum compar disparitas*)... скрепляет здание человеческого тела»⁹.

Из дальнейшего становится понятно, что под “*complexio*” Алан имеет в виду телесные гуморы, которые связаны тем же согласным несогласием, что и космические стихии. Во-вторых, топос может выражать разногласие души и тела, диссонанс душевного устремления и телесной слабости. Браулио Сарагосский в письме к аббату Эмилиану просит прощения, что не смог с ним встретиться: душа хотела, а слабое тело не смогло. «...Несогласное согласно, и согласное несогласно (*discordia concors, et concordia discors est*), и так, подвластные несчастью, мы не делаем, что хотим, и делаем, что не хотим»¹⁰. Наконец, в-третьих, топос передает несогласное согласие внутри души – смешение противоположных чувств, испытываемых одновременно. Выражение «радуйтесь в трепете (*exultate in tremore*)» из второго псалма (Пс. 2, 11) дает повод Паулину Ноланскому в его стихотворном переложении этого псалма ввести наш топос: «Да наступит несогласное согласие, соединяя несходные чувства в одной груди (*fiat discordia concors dissimiles socians affectus pectore in uno*)...»¹¹. Речь идет о смешении радости и страха: «*tremor*» латинской версии псалма Паулин заменяет на “*metus*”. Другой пример на тот же вариант использования топоса дает «Житие св. Адальхарда», приписываемое Геральду, аббату монастыря Сов-Мажор. Адальхард, сосланный в аббатство на острове Нуармутье, а затем помилованный, покидает аббатство, монахи которого по этому поводу испытывают смешанные чувства: они «радуются и печалются (*gaudent et dolent*), ибо хотели бы, чтобы он всегда был с ними, и все же предпочитали, чтобы он вернулся к себе. Таковое было

⁹ *Alanus de Insulis*. De planctu naturae // PL. Vol. 210. Col. 442.

¹⁰ *Braulio Caesaraugustanus*. Epistola XXVIII // PL. Vol. 80. Paris: J.P. Migne, 1850. Col. 675.

¹¹ *Paulinus Nolanus*. Paraphrasis psalmi II // PL. Vol. 61. Paris: J.P. Migne, 1847. Col. 450.

среди них согласное несогласие и в равной степени несогласное согласие (*haec erat inter eos discors concordia, et concors pariter discordia*)»¹².

Экзегетические контексты

Экзегеты используют топос, чтобы охарактеризовать парадоксальную согласованность противоречащих (или якобы противоречащих) друг другу речений из Священного Писания. Петр Хризолог усматривает проблему в двух соседствующих предложениях Иисуса: «Огонь пришел Я низвести на землю»; «Крещением должен Я креститься» (Лк. 12, 49, 50). Так Иисус – с огнем или с водой? «Следует обдумать такую, столь разделенную связь (*tam divisa conjunctio*). Волна теснит пламя, пламя приумножает волну. Что же это за такое согласное несогласие (*tam concors ista discordia*)?» Разгадка – в стратегии «божественного земледельца (*agricola divinus*)», которому, чтобы возвращать и питать мир, нужны и огонь, и вода: «Всё произрастает, когда полно тепла, а питается влагой. И Бог, родитель вещей, нас порождает, нас питает союзом огня и воды...»¹³. Григорий Великий сравнивает два высказывания апостолов Павла и Иоанна: «Которого [Бога] никто из человеков не видел и видеть не может» (1 Тим. 6, 16); «Будем подобны Ему, потому что увидим Его как Он есть» (1 Иоан. 3, 2). Он усматривает в них одновременно и противоречие, и согласие – парадокс, который передан тем же топосом, только с заменой “*discordo*” на близкое по смыслу “*dissono*”: «В этих двух свидетельствах два святых апостола полностью несогласны, но, будучи несогласны, поистине согласны (*omnino dissonant, sed dissonando veraciter concordant*)». Разрешение парадокса состоит в том, что ап. Павел говорит о земной жизни, в которой Бог дает себя увидеть лишь опосредованно, “*per creaturas*”, а ап. Иоанн – о жизни небесной¹⁴.

¹² *Geraldus Silvae maioris. Vita S. Adalhardi* // PL. Vol. 147. Paris: J.P. Migne, 1853. Col. 1056.

¹³ *Petrus Chrysologus. Sermo CLXIV* // PL. Vol. 52. Paris: J.P. Migne, 1846. Col. 631–632.

¹⁴ *Gregorius I. Concordia quorundam testimoniorum S. Scripturae* // PL. Vol. 79. Paris: J.P. Migne, 1849. Col. 677.

Поэтологические контексты

Топос передает словесное разнообразие – соединение разнородных элементов в поэтическом произведении или в стиле. Первый случай представлен в рассуждении Макробия («Сатурналии», V, 1, 18) о «красноречии» Вергилия, которое являет соединение всех стилей. Стремясь к разнообразию, Вергилий «ни за каким иным вождем не следовал, как за самой природой, матерью всех вещей», и в своем красноречии «выткнул, как в музыке, согласие различных звучаний (*pertexuit velut in musica concordiam dissonorum*)» (Macrobius 2011, p. 222–224). “*Concordia dissonorum*” – еще одна вариация, производная от “*concordia discors*”, почти с той же заменой, что и в вышеприведенном рассуждении Григория Великого (“*dissonus*” вместо “*discors*”). Далее идет знаменитое сравнение – по признаку разнообразия – поэтического произведения с Божественным универсумом; по мнению Э.Р. Курциуса, здесь впервые в европейской традиции поэт уподобляется творцу мироздания [Curtius 1973, p. 404].

При обсуждении поэтического стиля топос всплывает в «Новой поэтике» Джеффри Винсофского (Гальфрида Винсальвского). Метафорическую речь в украшенном высоком стиле Джеффри трактует как соединение противоположностей: «Так смешиваются противоположности, но они заключают мир, и враги становятся друзьями (*sic se contraria miscent, / Sed pacem spondent hostesque morantur amici*). Так говори, так сочетай трудное и легкое, чтобы... согласное разногласие утихомиривало свой спор (*pacificetque suam concors discordia litem*)». Пример такой несогласно-согласной метафоры: «пред ликом Божиим благоговейное молчание вызывает (*ante Dei faciem devota silentia clamant*)» [Gallo 1971, p. 58–60].

Риторика и поэтика XVII в. подобные метафоры будут трактовать как проявление остроумия, главной творческой способности поэта, – и теперь топос переносится со стилистических проявлений остроумия в определение самого остроумия как умения соединять в одном высказывании противоположные, «диссонирующие» представления и идеи. Согласно теоретику риторики Михаэлю Радау, «остроумие есть согласие несогласного или несогласие согласного (*Acumen est concors discordia seu discors concordia*)»¹⁵. Джон Ньютон в своем «Введении в искусство риторики» переводит топос на английский, сохраняя его структуру: «Как материальная острота есть встреча двух линий или сторон в одной точке, так метафорическая острота (*Sharpness*)

¹⁵ Radau M. Orator extemporaneus. Amstelodami: Janssonium, 1673. P. 33.

есть согласное несогласие, или несогласное согласие (an agreeing discord, or a disagreeing concord); таким образом, можно сказать, что мы говорим остроумно, когда предикат и субъект речи в чем-то одним согласуются друг с другом, а в другом – вступают в разногласие»¹⁶.

Музыковедческие контексты

После рождения полифонической музыки (первоначально именуемой «диафония») топос появляется в трактатах и иных текстах, ее определяющих. Пожалуй, это единственный контекст, где топос имеет не метафорический, но вполне буквальный смысл, описывая реально существующее согласное разногласие одновременно звучащих равноправных музыкальных голосов. В диафонии «разъединенные голоса и согласно диссонируют, и, будучи разногласными, консонируют (voces et concorditer dissonant, et dissonantes concordant)»¹⁷; в органуме, ранней форме многоголосия, «каждый из двух голосов поет согласно-несогласно своему товарищу (canit utraque pars discors concorsque sodali)» (Summa musicae 1991, p. 202). То же определение фигурирует, в варьированном виде, и в других текстах – например, в стихотворном описании многоголосной музыки из кондукта XIII в. “Trinae vocis tripudio”: «В хороводе тройного голоса да зазвучит согласное несогласие (sonet concors discordia)...»¹⁸. Далее топос расширяет свое музыкальное значение, применяясь к музыке вообще или к гармонии: на рисунке из трактата Франкино Гафури «О гармонии музыкальных инструментов» (1518) автор изображен на профессорской кафедре изрекающим перед слушателями фразу “Harmonia est discordia concors”.

Во всех контекстах, где топос связан со сферой «эстетического», заключенная в нем сема разногласия (discor-) не имеет той негативной коннотации, которая есть в горацианской “symphonia discors”: разногласие, сведенное к согласию, видимо, всегда позитивно воспринимается Средневековьем.

¹⁶ Newton J. An Introduction to the Art of Rhetorick. London: Passenger, 1671. P. 28.

¹⁷ Guido Aretinus. Micrologus // PL. Vol. 141. Paris: J.P. Migne, 1853. Col. 401.

¹⁸ Analecta Hymnica Medii Aevi. Vol. XXI. Lieder und Mottetten des Mittelalters / Hrsg. von G.M. Dreves. Leipzig: Reiland, 1895. S. 148.

Риторика топоса

Воспринятый с риторической точки зрения, в качестве «фигуры», топос нам представляется оксюмороном. Как понимали его риторическую функцию средневековые авторы? Нам удалось найти лишь одну риторическую дефиницию топоса – в «Бернских глоссах» к Лукану, а именно, к вышеупомянутому месту из «Фарсалии»: «Разногласное согласие, неверная дружба. И это паронимасия (Concordia discors, amicitia infidelis. Et est paronomasia)»¹⁹. Пример «неверной дружбы», в которой автор видит риторический аналог «несогласного согласия», показывает, что он имеет в виду совсем не паронимасию (термин, неправомерно примененный к данному случаю), но именно оксюморон. Практика же использования топоса показывает, что риторическая оксюморонная природа топоса хорошо осознается многими авторами, которые втягивают топос в общую риторическую разработку текста. Упомянем два характерных приема такой разработки.

В первом случае топос включается в серию аналогичных оксюморонных построений, особенно любимых Аланом Лилльским. Приведем два примера. В «Антиклавдиане» Мудрость (Phronesis) говорит об удивительном мирном сосуществовании враждебных стихий – огня и воды, которые «связывает разногласное согласие, согласное разногласие, враждебный мир, доверие, не заслуживающее доверия, ложный союз любви, обманчивая дружба, призрачный договор (ligat assensus discors, discordia concors, / Pax inimica, fides phantastica, falsus amoris / Nexus, amicitia fallax, umbratile foedus)»²⁰. Сходная серия – в рассуждении о «небесном единстве (unitas coelestis)» из сочинения Алана «Об искусстве проповеди». Это «небесное единство» оказывается столь же оксюморонным: «Есть там согласное разнозвучие, созвучное разногласие, противоречивое единство, единая противоречивость (concors dissonantia, consonans discordia, diversa unitas, unita diversitas)»²¹ и т. д.

Во втором случае топос принимает форму риторической «фигуры мысли», в латинской терминологии именуемой *commutatio*, а в греческой – антиметабола. Согласно определению Генриха Лаусберга, *commutatio* «состоит в противопоставлении мысли и ее обращения, достигаемого повторением двух корней, причем

¹⁹ M. Annei Lucani Commenta Bernensia / Ed. H. Usener. Lipsiae: Teubner, 1869. P. 18.

²⁰ *Alanus de Insulis. Anticlaudianus* // PL. Vol. 210. Col. 535.

²¹ *Alanus de Insulis. De arte praedicatoria* // PL. Vol. 210. Col. 190.

в повторении корни обмениваются синтаксическими функциями» [Lausberg 1960, p. 395]; пример, приводимый уже в римской «Риторике к Гереннию»: «есть нужно, чтобы ты жил, а не жить, чтобы ты ел» (“*Rhetorica ad Herennium*”, IV, 28, 39). Эта фигура, которая может всплывать и в вышеупомянутых сериях оксюморонов, уже появлялась в приведенных нами примерах (“*discors concordia, et concors pariter discordia*” в «Житии св. Адальхарда»; “*an agreeing discord, or a disagreeing concord*” у Джона Ньютона). Бернард Клервоский, использовавший *commutatio* в знаменитой характеристике декора романских храмов из «Апологии к Вильгельму» – “*deformis formositas ac formosa deformitas*”, в том же тексте развернул в антиметаболу и наш топос. Церковь, рассуждает Бернард, обладает и единством (*unitas*), которое состоит в «единой любви», и различием (*diversitas*), состоящем в «разнообразном разделении должностей и деяний»; сосуществование единства и различия в церковной жизни далее передается антиметаболой – как «несогласное согласие или согласное несогласие (*discordem concordiam, concordemve discordiam*)»²².

Границы топоса

Приведенный нами материал может создать впечатление, что топос присутствует в любом тексте, где рядом стоят слова с элементами *discor-* и *concor-*. Однако топос – не сочетание слов, но схема мысли, которая в данном случае состоит в снятии антитетичности: согласие и несогласие не противопоставлены, но либо мыслятся как сосуществующие в «мирном союзе», по выражению Алана Лилльского, либо разногласие мирно «разрешается» в согласие. Как только это сосуществование или разрешение заменяются простым статичным противопоставлением, топос исчезает. Приведем в качестве примера популярное речение, появляющееся в «Югуртинской войне» Саллюстия (10, 6), «Письмах к Луцилию» Сенеки (94, 46), а затем (с вариациями) и во множестве более поздних текстов: «*Concordia res parvae crescunt discordia maxime dilabuntur* (Согласием и малое [государство] вырастает; раздором рушится и великое)». Элементы *discor-* и *concor-* тут антитетически разделены; сочетание слов сохраняется – но схемы мысли, которая создает топос, уже нет.

²² *Bernardus Claraevallensis. Apologia ad Guillelmum // PL. Vol. 182. Paris: J.P. Migne, 1854. Col. 904.*

Источники

- Macrobius 2011 – *Macrobius*. Saturnalia. Vol. 2: Books 3–5 / Ed. and transl. by R.A. Kaster. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2011. 485 p.
- Manilius 1998 – *Manilius*. Astronomica / Hrsg. von G. Goold. Stuttgart: Teubner, 1998. 185 S.
- Stefanardo da Vimercate 1950 – *Stefanardo da Vimercate*. De controversia hominis et fortune / Ed. G. Cremaschi. Milano: Vita e pensiero, 1950. 191 p.
- Summa musice 1991 – Summa musice: A thirteenth-century manual for singers / Ed., with transl. and introd. by Ch. Page. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 275 p.

Литература

- Curtius 1941 – *Curtius E.R.* Beiträge zur Topik der mittellateinischen Literatur // Corona Quernea. Festgabe Karl Strecker zum 80. Geburtstag. Leipzig: Hiersemann, 1941. S. 1–14.
- Curtius 1972 – *Curtius E.R.* Zum Begriff einer historischen Topik (1938–1949) // Toposforschung. Eine Dokumentation / Hrsg. von P. Jehn. Frankfurt a. M.: Athenäum, 1972. S. 3–19.
- Curtius 1973 – *Curtius E.R.* Europäische Literatur und lateinische Mittelalter. 8 Aufl. Bern: Francke, 1973. 608 S.
- Gallo 1971 – *Gallo E.* The “Poetria Nova” and its Sources in Early Rhetorical Doctrine. The Hague: Mouton, 1971. 241 p.
- Hardie 2019 – *Hardie Ph.* Classicism and Christianity in late antique Latin poetry. Oakland: University of California Press, 2019. 293 p.
- Heneveld 2014 – *Heneveld A.* Concordia discors: l’harmonie de l’écriture médiévale // Médiévales: Langues, Textes, Histoire. 2014. no 66. P. 25–41.
- Lausberg 1960 – *Lausberg H.* Handbuch der literarischen Rhetorik. Bd 1. München: Hueber, 1960. 601 S.
- Peil 1984 – *Peil D.* Concordia discors. Anmerkungen zu einem politischen Harmonie modell von der Antike bis in die Neuzeit // Geistliche Denkformen in der Literatur des Mittelalters. München: Fink, 1984. S. 401–434.
- Spitzer 1944 – *Spitzer L.* Classical and Christian ideas of World Harmony: Prolegomena to an Interpretation of the Word “Stimmung”: Part I // Traditio. Vol. 2 (1944), P. 409–464.

References

- Curtius, E.R. (1941), “Beiträge zur Topik der mittellateinischen Literatur”, *Corona Quernea, Festgabe Karl Strecker zum 80. Geburtstag*, Hiersemann, Leipzig, Germany, pp. 1–14.

- Curtius, E.R. (1972), “Zum Begriff einer historischen Topik (1938–1949)”, Jehn, P. (ed.), *Toposforschung. Eine Dokumentation*, Athenäum, Frankfurt am Main, Germany, pp. 3–19.
- Curtius, E.R. (1973), *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*, 8 Aufl., Francke, Bern, Switzerland.
- Gallo, E. (1971), *The “Poetria Nova” and its Sources in Early Rhetorical Doctrine*, Mouton, The Hague, Netherlands.
- Hardie, Ph. (2019), *Classicism and Christianity in late antique Latin poetry*, University of California Press, Oakland, USA.
- Heneveld, A. (2014), “Concordia discors: l’harmonie de l’écriture médiévale”, *Médiévales: Langues, Textes, Histoire*, 66, pp. 25–41.
- Lausberg, H. (1960), *Handbuch der literarischen Rhetorik*, Bd 1, Hueber, München, Germany.
- Peil, D. (1984), “Concordia discors. Anmerkungen zu einem politischen Harmoniemodell von der Antike bis in die Neuzeit”, *Geistliche Denkformen in der Literatur des Mittelalters*, Fink, München, Germany.
- Spitzer, L. (1944), “Classical and Christian Ideas of World Harmony: Prolegomena to an Interpretation of the Word Stimmung”, part I, *Traditio*, vol. 2, pp. 409–464.

Информация об авторе

Александр Е. Махов, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; makhov636@yandex.ru

Information about the author

Aleksandr E. Makhov, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; makhov636@yandex.ru

Символика птиц в средневековой латинской гимнографии

Мария Р. Ненарокова

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Москва, Россия, maria.nenarokova@yandex.ru*

Аннотация. Аллегоричность мышления средневекового человека позволяла ему рассматривать весь окружающий мир как некое послание, состоящее из знаков, за которыми скрывается невидимая реальность. Этими знаками становились знакомые предметы, растения, живые существа. В средневековой латинской гимнографии аллегорические образы птиц составляют довольно многочисленную группу. Для выражения наиболее общего понятия «птица» используются два слова – *avis* и *volucer*, причем первое слово обозначает птицу, близкую по поведению к человеку, тогда как второе слово обозначает птицу как обычное живое существо. Группа птичьих образов делится на три неравные части: птицы, которые встречаются только в положительных контекстах, – голубь, горлица и соловей; птицы, которые встречаются как в положительных, так и в отрицательных контекстах, – ворон, орел, ловчие птицы; птицы, которые встречаются только в отрицательных контекстах, – хищные птицы и коршун. Лебедь стоит особняком, обозначая грешную, но раскаявшуюся душу. Образ голубя наиболее частотен. Он обозначает духовную благодать, любовь, мир, кротость и является символом души. В паре с голубем появляется горлица, символизирующая целомудрие. Соловей всегда связан с весной, песней и Пасхой. Достаточно часто встречаем ворона, который может выступать как помощник святых и как воплощение демона. Орел может выступать как негативный персонаж, но и как символ Христа и св. Евангелиста Иоанна. Напротив, коршун всегда враждебен святым.

Ключевые слова: аллегория, средневековая латинская гимнография, птица, голубь, горлица, соловей, ворон, орел, коршун, лебедь

Для цитирования: Ненарокова М.Р. Символика птиц в средневековой латинской гимнографии // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 1. С. 24–41. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-24-41

The Symbolism of Birds in Medieval Latin Hymnography

Maria R. Nenarokova

*A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, maria.nenarokova@yandex.ru*

Abstract. The allegorical thinking of a medieval man allowed him to consider the whole world around him as certain message in the form of signs concealing invisible reality. Familiar objects, plants, living things served as signs, letters, and words. In Medieval Latin hymnography, allegorical images of birds form a rather large group. Two words are used to express the most general concept of “bird”. They are *avis* and *volucer*. The former denotes a bird that is close in behaviour to man, while the latter denotes a bird as a living creature. The category of bird images is divided into three unequal parts: there are birds that occur only in positive contexts, including pigeon, dove and nightingale; other birds are found in both positive and negative contexts, such as raven, eagle, hunting birds; birds of prey and hawks occur only in negative contexts. The swan stands apart from all other birds, symbolizing a sinful but repentant soul. The image of a pigeon is the most frequent. It denotes spiritual grace, love, peace, meekness and is also a symbol of the soul. A turtledove, symbolizing chastity, often appears together with a dove. Nightingales are always associated with spring, song and Easter. Quite often we encounter a raven who can act both as a helper to the saints and as the embodiment of a demon. An eagle can act as a negative character, but also as a symbol of Christ and of the Evangelist St John. On the contrary, the hawks are always hostile to saints.

Keywords: allegory, medieval latin hymnography, bird, dove, turtledove, nightingale, raven, eagle, hawk, swan

For citation: Nenarokova, M.R. (2021), “The Symbolism of Birds in Medieval Latin Hymnography”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 1, pp. 24–41, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-24-41

Окружающий мир для средневекового человека был многозначен. Все, что окружало его, воспринималось как видимые знаки, использовавшиеся «для прикровенного изображения некой идеи, например идеи богословской» [Ненарокова 2012, с. 296]. Соединение этих знаков в аллегории содержало в себе «тайны духовного понимания» (PL 1993–1995, vol. 75, col. 866A). По мысли средневековых богословов, «посредством известных нам вещей, из которых составляются аллегории, скрываются божественные суждения,

и когда мы опознаем внешние слова, достигаем внутреннего смысла» (PL 1993–1995, vol. 79, col. 473A–473B), и человек, глядя вокруг себя, мог познавать волю Божию из окружающих его предметов, живых существ, растений, звезд. Так, согласно свт. Амвросию Медиоланскому, используя видимые образы, можно передавать представления о невидимом мире: «Многие творения видимы и невидимы: невидимые, как Начала, Силы, Престолы и Господства; видимые, как солнце, луна, звезды, человек, земля. Различны виды, и различна сущность творений. Следовательно, если ты хочешь выразить особенность какого-нибудь творения, ты назовешь его либо солнцем, либо луной, либо звездами; и так станет понятно, что, как ты думаешь, должно означать название» (PL 1993–1995, vol. 16, col. 842C). Все, что перечисляет свт. Амвросий: и звезды, и светила, и земля, и сам человек являются «известными нам вещами» (PL 1993–1995, vol. 79, col. 473A), поэтому мир для средневекового человека полон аллегорических посланий.

Дидактическая ценность аллегории раскрывается у св. Григория Великого: «аллегория для души, далеко отстоящей от Бога, представляет как бы некое орудие, чтобы посредством нее подняться к Богу. В то время как пускаются в ход загадки, когда она узнает в словах нечто свое, она в смысле слов понимает и то, что для нее не является своим, и чрез земные слова отделяется от земли. Ибо посредством того, от чего она не отвращается как от познанного, она понимает нечто непознанное» (PL 1993–1995, vol. 79, col. 473A).

Среди нескольких групп аллегорических образов, встречающихся в средневековой церковной поэзии, образы птиц весьма многочисленны. Мир птиц, представленный в средневековой латинской религиозной литературе, богат и разнообразен.

1. В гимнографических сочинениях встречаем чаще всего два слова, обозначающие птиц вообще, – *avis* «птица», но и «вещая птица», т. е. вестница невидимого мира, и *volucer* «птица, букв. летающая», производное от *volo* – «летать»; так называются все существа, имеющие крылья, включая и насекомых. Один раз встречаем *ales* – «крупная птица», когда речь идет о лебедь.

Говоря о птицах, мы связываем их с небом. Так, в IV воскресенье Рождественского поста в секвенции упоминались «обширные пространства воздуха, где туда-сюда бегают птицы, ветры и дожди» (АН 52, 1909, s. 9). Птицы здесь *aves*. В богословских же трактатах в таком контексте встречаем равно оба слова – *avis* и *volucer*: *in aere volucres* – «в небе птицы» (PL 1993–1995, vol. 6, col. 791B), *aves coeli* – «птицы небесные» (PL 1993–1995, vol. 14, col. 224).

Изучение контекстов показывает, что в церковных песнопениях *volucer* встречаются тогда, когда речь идет о жизни птиц, какую им

диктует природа. Отличительной чертой птиц – *volucres* – оказывается пение: «Птиц приятное стройное пение [Господа] восхваляет в полях» (АН 50, 1907, s. 216); «По этой причине, различные птицы, / Создателя хвалами воспойте стройно с / «аллилуиа»» (АН 52, 1909, s. 61). Обязательно пение птиц на Пасху, когда все творение славит Воскресение Христово: «Ныне различные птицы смягчают воздух песнью, / передают высокие победы необычайными музыкальными инструментами» (АН 50, 1907, s. 230). Поэтому *volucres* служат примером и человеку, подают пример святым в молитве: св. Галл «по примеру певчей птицы / деяниями самого себя прежде укрепил, / чтобы то, что вложила энергия наставляющего, / жизнью доказать» (АН 50, 1907, s. 171). Птицы-*volucres* вместе со всем творением благословляют Бога: «И все птицы небесные, благословите Христа» (АН 43, 1903, s. 17). Птицы-*volucres* встречаются и в эпизодах из житий святых, но при этом они просто являются живыми существами, покрытыми перьями, в них нет ничего таинственного. Так, в гимне «О св. Власии» *volucres* выступают как все птичье общество в противовес зверям: «Ты часто приходиющий туда друг зверей, устремляются к тебе равно и птицы, и твоего благословения испрашивают, славный Власий» (АН 23, 1896, s. 144).

Кроме того, что птицы поют и своим пением славят Бога и подают пример людям, они еще помогают людям тогда, когда человеческая помощь по каким-то причинам невозможна. Так, птицы приносят святым пищу. Чаще всего в таких контекстах находим упоминание ворона. Наиболее известен ворон св. пророка Илии, но и другим святым вороны помогали таким же образом: в гимне «О св. Эразме» упоминается «ворон, раскладывавший [перед святым еду]» (АН 4, 1888, s. 124). В гимне «О св. отшельнике Антонии», в нашей традиции известном как прп. Антоний Великий, так рассказывается о встрече Павла и Антония, двух великих отцов-пустынников: «Удивительное чудо и исцеление нетвердой веры: был ангельский хлеб [принесен] целым к трапезе, от которого столько лет подряд раньше ворон приносил половину» (АН 4, 1888, s. 87). Так же говорится и о св. Эгидии: «Ворон прокормил в пустыне раба Божия» (АН 50, 1907, s. 517). Интересно, что ворон может кормить святого не только хлебом. В случае св. отшельника Венерия это, на удивление, мясо: «Там, Искупитель всяческих, Посредством ворона, Твоего вестника, мясом тучных быков, Ты прокормил своего раба» (АН 43, 1903, s. 304).

Если святых мужского пола кормят вороны, то святым женского пола так же помогают голуби. Так, например, в «Житии св. Екатерины», составленном Иаковом Ворагинским, говорится, что «в течение двенадцати дней тиран, [заклучивший святуго в тем-

ницу], приказал не давать ей еды, Христос в те дни подкреплял ее небесной пищей, послав с неба белоснежного голубя» (Iasoro da Varazze 1998, p. 1209). Голубь, приносящий небесные яства святой, появляется во всех ее житиях, а также и в прославляющих ее песнопениях: «Тебя постоянно истощал [голод]. / И тебя голубка белая / Ободряла тем временем, / Когда приносила небесные яства» (АН 15, 1893, s. 217) («О св. Екатерине»), «Голубка, посланная с неба, / Яствами подкрепляет ее по воле Божией» (АН 16, 1894, s. 192) («О св. Екатерине»).

В тех же контекстах, где поведение птицы указывает на ее участие в духовных делах, обнаруживаем слово *avis*, видимо, свою роль играет второе значение слова – «вещая птица». Так, например, птицы, охраняющие тела святых, называются *aves*: «Птицы их тела охраняли славные» (АН 22, 1895, s. 104). Но и те птицы, которые враждебны святым и пытаются нападать на их останки, тоже называются *aves*: в гимне «О св. Винценте» ворон «стражу неся, находится на месте, где прочих птиц гонит прочь от его святого тела» (АН 43, 1903, s. 307). Если птица испытывает человеческие эмоции, она совершенно определенно является *avis*. В еще одном гимне о св. Винценте говорится, что «В скором времени в широкие поля / тело бросают / непогребенное, боятся собаки, / трепещут [от страха] птицы / ближе подойти» (АН 48, 1905, s. 77). И тем не менее душа оказывается похожа на *volucres*, возможно, потому, что она не птица, но крылата: в гимне «О св. Григории Великом» вспоминается и видение, в котором он увидел душу своей сестры Схоластики: «И после трех дней оставаясь на месте, блаженный / узрел, что душа этой же сестры / взлетела к высоким тайнам / с быстротой птицы» (АН 14, 1989, s. 64). В то же время у свт. Амвросия Медиоланского душа называется *ales interior* – «внутренняя птица» (PL 1993–1995, vol. 16, col. 294A). А к человеку свт. Амвросий обращается: «Ты птица, о человек...» (PL 1993–1995, vol. 14, col. 548B).

Далеко не все птицы, которые упоминаются в богословских сочинениях, переходят в поэзию, в частности в церковные песнопения. Те, что мы встречаем в церковных песнопениях, представляют собой довольно пеструю группу, которая делится на две части. В одну часть входят птицы, которые всегда появляются в положительных контекстах. Это голубь и соловей. К другой группе относятся птицы, встречающиеся как в положительных, так и в отрицательных контекстах. Их больше: это ворон, орел, *accipitres* – ловчие птицы. Хищные птицы – *vultures* – и *milvus* «коршун» встречаются в отрицательных контекстах. Особняком стоит лебедь. Этой птице посвящена одна секвенция, называемая *Cygnia* – «Лебединая» – и представляющая собой аллегорию, правда, сопровождающуюся ключами.

2. Одним из наиболее частотных и известных «птичьих» образов является образ голубя. В святоотеческих текстах голубь символизирует духовную благодать, любовь, простоту, прямодушие, мир, единение, кротость, душевную чистоту. Некоторые из этих значений прихожане, даже неграмотные, могли усвоить, слушая песнопения, входившие в состав службы: «Голубки невинности, / ...мира и согласия...»; «Голубки невинность / И взаимное согласие...» (АН 15, 1893, s. 102) («На Сретение»). Однажды встречаем значение «душевная чистота»: «Голубь вверх поднимается, / Голуби летят к небу, / Это проповедует жизнь святого, / Это проповедует его блаженный конец» (АН 22, 1895, s. 13) («О св. Агабии»). В богословской литературе голубь наиболее часто понимался как Дух Святой. В этом значении голубь упоминается в новозаветных отрывках, посвященных праздникам Господним – Богоявлению (Мф 3:16; Лк 3:22) и Сретению (Лк 2:22–24). Некоторые фрагменты песнопений, исполнявшихся на Богоявление, представляют собой близкий к тексту пересказ евангельских цитат, например: «В Иордан Христос входит, / Раб крестит Господина, / С неба голос слышится, / Голубь несет помазание» (АН 12, 1892, s. 35) («На Богоявление»).

Евангельская цитата «будьте... просты, как голуби» дала начало двум образам, связанным с этой птицей. У святых отцов Сам Христос называется Голубем: «Он есть Голубь, ибо своим святым предписал быть, как голуби, говоря: “...будьте... просты, как голуби”» (Мф 10:16). И христиане должны быть как голуби, иметь «голубиную душу»: «Когда мы поем Богу / голубиной душой, / Нам дается, без сомнения, / благодать Божия» (АН 15, 1893, s. 260).

Пресв. Богородица также выступает в латинской гимнографии как голубка, причем и в этом случае источником образа служит Песнь Песней. Так, цитата «сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя!» (Песнь Песней 5:2) напоминает гимн, прославляющий Пресв. Деву: «Голубка, Невеста Прекрасная, / Мать, Сестра и Госпожа, / Совершенная, Христа носившая, / Источник Запечатанный в славе» (АН 2, 1888, s. 45) («Гимн о Препблж. Марии»). Таковы же святые девы и жены. Белый цвет символизирует невинность, чистоту души, кротость, поэтому в песнопениях, посвященных святым девам, подчеркивается белизна голубиноного оперения: «голубка молочно-белая» (АН 22, 1895, s. 65) («О перенесении мощей св. Бригитты»); «Это Люция светлая, / Прекраснее белой голубки» (АН 22, 1895, s. 166) («О св. Люции»); «голубки, молоком омытые» (АН 10, 1890, s. 324) («О св. Урсуле»). Человек может уподобиться голубю, только омывшись в купели крещения: «Как голубка, возрожденная / Сияющей купелью, благочестивым /

Делам она посвятила себя, / Подавляя змеиное жало» (АН 13, 1892, s. 159) («О св. Годаберте»).

В богословской литературе, в разных ее жанрах, голубка символизирует душу: «душа – единственная и совершенная голубка, которая безыскусна и духовна, и не мучима страстями плоти, в которой снаружи битвы, внутри страхи» (PL 1993–1995, vol. 14, col. 524В–524С). Когда умерла св. Евлалия, свидетели ее казни видели белую голубку, вылетевшую из ее уст: «Когда расторглись члены тела, / Из ее уст голубка / Вырвалась удивительным образом по воздуху, / И в полете весьма быстром / В Небесных жилищах / Объявила, что дева победила...» (АН 16, 1894, s. 117) («О св. Евлалии»).

3. И в богословских трактатах, и в гимнографических текстах в паре с голубкой часто выступает горлица. Их объединяет «плач вместо песни», поэтому они «в веке сем обозначают плач святых» (PL 1993–1995, vol. 95, col. 1203А), либо «слезы смиренных» (PL 1993–1995, vol. 92, col. 342С). Обе птицы упоминаются в песнопениях, написанных для праздника Обрезания Господня, когда, согласно Евангелию от Луки, «родители принесли Младенца Иисуса, чтобы совершить над Ним законный обряд» (Лк 2:27). Обряд включал в себя жертвоприношение, причем бедняки могли принести в жертву «двух горлиц, или двух молодых голубей» (Числ 6:10). Жертвоприношение упоминается в гимнах, исполнявшихся во время праздника, например: «В храм Мать Отрока, / Радостная, ведет, Величайшего, / Представляет Богу Сына, / Самого Бога Славного, / Голубей и горлиц / Предлагает Богу как умиловительные [дары]» (АН 4, 1888, s. 54) или «Тогда благоговейные по закону / Предлагаются дары / Горлиц и голубей / Пары в жертву, / Которые на тела и души / Чистоту указывали» (АН 27, 1897, s. 117). Причину, по которой Пресв. Богородица и св. Иосиф принесли в храм птиц, объясняет Беда Досточтимый: «...Господь Христос Иисус, хотя Он был богат, сделавшись бедняком ради нас, пожелал, чтобы за Него была дана бедная жертва» (PL 1993–1995, vol. 92, col. 342С).

Соединение в одном контексте голубей и горлиц требовало объяснений. Довольно часто утверждается, что «голубь означает простоту, горлица – целомудрие». Эти птицы по достоинству приносятся в храм, так как «простая и целомудренная жизнь святых являет приятнейшую жертву Всемогущему Богу» (PL 1993–1995, vol. 95, col. 1203А–1203В). С некоторыми изменениями эти идеи перешли и в гимнографию: «В голубке любовь / Взаимная навсегда, / В горлице целомудрие / И сходная святость, / Ибо Дева удостоилась того, / Птиц должна была принести [в жертву]» (АН 4, 1888, s. 54); «Голубок / Невинность / И горлиц / Непорочность /

Принесены / С Ним дары / Таинственные» (АН 7, 1889, s. 117). У Беды Досточтимого находим другое, не менее интересное, объяснение: по его мнению, голубка «означает усердие деятельной жизни»; тогда как горлица «являет вершины созерцательной жизни» (PL 1993–1995, vol. 92, col. 343В–343С).

Простота и целомудрие, символами которых становятся эти птицы, позволяют вводить их названия в гимны, посвященные святым девам. Так, о св. Урсуле и ее спутницах говорится: «Что касается вас, вы, о блаженная дружина, / ...Голубки, горлицы...» (АН 4, 1888, s. 248). Св. Бригитта сравнивается с целомудренной горлицей: «Кто эта вот, которая летала туда-сюда / Среди облачков небесных? / И, как горлица, вила гнездо / В покое Жениха?» (АН 22, 1895, s. 58).

Образ горлицы появляется в песнопениях на праздники Пресв. Богородицы. Так, мы слышим воркование горлицы в гимне «О встрече Марии и Елисаветы»: «Голос ясный приятный прозвучал, / Голос горлицы слышен, / Когда Дева Богородица / Приветствовала Елисавету» (АН 12, 1892, s. 58). Интересно, что в евангельских текстах, излагающих этот эпизод, горлица не упоминается. Призывание горлицы видим и в гимне на праздник Явления Пресв. Богородицы: «Да уйдут траурные одежды, / Плач, скорбь, вздохи, / Ушла ужасная зима, / Уже прозвучи, голос горлицы» (АН 16, 1894, s. 55). В гимне на праздник Рождества Пресв. Богородицы горлица появляется вместе с голубкой: «Ибо косматая / Зима уже прошла, / Сильный дождь, / Удаляясь, ушел, / Весна приятная / Земле явилась. / Появляются цветы, / И горлица запела: / Подруга, поднимись, поспеши, / Голубка прекрасная, прилетай» (АН 8, 1890, s. 46). Во всех трех случаях горлица воспринимается как весенняя птица, а ее песня становится символом наступления теплого времени года и возрождения природы.

4. Уже в античности самым главным признаком соловья была песня, его быстро стали изображать как весеннего певца. Представление о соловье как о весенней, сладко поющей птице, возникает у позднеантичных поэтов. Таким соловей и остается для всего Средневековья. Описание песни соловья встречается у Блаж. Августина: «соловей хорошо поет весной, ибо и богата ритмами и весьма приятна эта песня, и... подходит к времени года» (PL 1993–1995, vol. 32, col. 1086). У Венанция Фортуната (530/540–600/609) находим: «Здесь Филомела приспособливает песни для своей свирели / И воздух делается приятнее, когда отражает песню» (Libellus 1958, p. 287).

Не случайно в гимнографических текстах соловей появляется на Пасху: «Ныне летучий народ пчел, радуясь трудам, / из пур-

пурных цветов, жужжа, лапками мед собирает. / Ныне различные птицы услаждают воздух пением, / Умеряет и поющая всю ночь ныне Филомела песню»; «...сорадуются небо, волна, земля, славу Христу воспевают, ликуя, стремительные в полете ныне соловьи» (АН 50, 1907, s. 235, 236).

5. Как говорилось выше, лебедь появляется в гимнографических текстах один раз. В секвенции «Лебединая» описываются злоключения «птицы лебеда» (АН 7, 1889, s. 253) в бурном море и его спасение, причем безымянный гимнограф употребляет слово *ales* – «большая птица». Читатель или слушатель секвенции видит лебеда, который «перелетел водные просторы» и был застигнут бурей. И потому он горько плачет, ибо он «оставил цветоносную землю и устремился в глубокое море». Лебедь причитает вполне по-человечески: «Несчастливая я птичка! Увы мне! Что делать мне, жалкой?!» Положение лебеда действительно незавидно: перья намокли, волны сотрясают его, сидящего на воде. «Утесняюсь среди вершушек высоких волн, сетую, теряю силы, видя смертоносные [волны], не поднимаясь в небо». Даже и прокормиться в бурю лебедь не может: видя множество рыб в морской глубине, он не может их поймать. Ему остается лишь взывать к небесам: «Восток, запад, стороны света, управьте ясными светилами, усмирите Орион, прогоняя тучи закатные», т. е. приближающие его к смерти, поскольку запад ассоциировался с гибелью. Пока лебедь молча оплакивал свою участь, «приходит золотая управительница заря», и птица лебедь, «подкрепленная вдохновением, начинает восстанавливать силы» (АН 7, 1889, s. 253). История лебеда заканчивается вполне благополучно: он собирается с силами и, ликуя, поднимается к звездам.

Секвенция эта представляет собой аллгорию, причем гимнограф по всему тексту рассыпает ключи – слова, которые должны вызвать у читателя или слушателя ассоциации, они помогут ему правильно понять полученную информацию. Первый ключ – то слово, которое гимнограф выбирает для обозначения лебеда – *ales*. Если вспомнить, что свт. Амвросий называл душу *ales interior* – «внутренняя птица» (PL 1993–1995, vol. 16, col. 294A), то становится ясно, что секвенция рассказывает вовсе не о лебеде. Другим ключом является выбор героя: в богословской традиции лебедь толкуется как «гордыня» (PL 1993–1995, vol. 111, col. 245C), например, у Храбана Мавра. Иными словами, «несчастной птичкой» (АН 7, 1889, s. 253) называет себя душа, пораженная грехом гордыни и осознавшая свой грех. Есть в секвенции и отсылка к евангельской притче о блудном сыне. Когда голодный лебедь сокрушается о том, что он не может добыть себе пищу, он говорит

буквально следующее: «Видя обильные стручки рыб, не могу в глубине пучин принять лучшее пропитание» (АН 7, 1889, s. 253). На первый взгляд *piscium legumina* – «стручки рыб» – могут показаться смелой, необычной метафорой. Действительно по форме небольшая рыбка напоминает продолговатый стручок. Однако существительное *legume* – «стручковое растение (преим. горох, бобы)» – имеет синоним, который должен был приходиться на мысль образованному средневековому человеку, чья жизнь была связана с чтением Свящ. Писания, – *siliqua* – «стручок» или бобовое растение «сладкие рожки». И вот этот синоним отсылает нас к Евангелию от Луки, к истории блудного сына, который по своей воле отправился на чужбину, как и лебедь, который покинул «цветоносную землю» ради морских глубин: «он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему» (Лк 15:16), так голодал и лебедь, который не мог поймать себе рыбок. Последним ключом к аллегории о лебеде–заблудшей душе становится существительное *afflumen* – «вдохновение». На заре, предвещающей появление солнца (Солнце правды – Христос), лебедь «подкреплен *afflamine*-вдохновением» (АН 7, 1889, s. 253). Существительное *afflumen* в аблативе встречается в одном тексте, хорошо известном в Средневековье всем образованным людям, поскольку этот текст входил в так называемый школьный канон, т. е. изучался в школе. Это стихотворная «Евангельская история» Ювенка. Эпизод, в котором встречается *afflumen*, посвящен встрече Пресв. Богородицы и Елизаветы. Младенец во чреве Елизаветы исповедал Гостью как Матерь Господа, и «...замолчала мать, потрясенная дрожью [от звука] Божественного гласа, исполненная Святого Вдохновения» (PL 1993–1995, vol. 19, col. 74A), т. е. Святого Духа. При том что в секвенции эпитет *sanctus* – «святой» опущен, в памяти слушателя или читателя, который знал текст Ювенка, он легко восстанавливался. Вот таким образом история птицы могла быть прочитана как история грешной души, осознавшей свои заблуждения и вернувшейся к первозданной чистоте.

6. Появление группы птиц, встречающихся и в положительных, и в отрицательных контекстах, можно объяснить цитатой из Тертуллиана: «Всякий дух есть птица. Таковы и ангелы, и демоны» (PL 1993–1995, vol. 1, col. 407A), потому и некоторые птицы примыкают то к ангелам, то к демонам.

Одной из таких птиц является ворон. Как говорилось выше, вороны в гимнографических сочинениях приносят пищу святым, охраняют их тела, как ворон св. Винцента, но встречаются и в негативном контексте. На связь с темными силами намекает окраска ворона: как пишет Евхерий Лионский, «ворон [символизирует]

черноту грехов или демонов» (PL 1993–1995, vol. 50, col. 749D) И вот в гимне «О св. Ромуальде» мы встречаем таких воронов: «Когда святой пребывал в келье, он видел, что, словно вороны и хищные птицы, перед ним часто появлялись нечистые духи» (АН 22, 1895, s. 239).

Этот контекст позволяет нам обратиться и к *vultures* – «хищным птицам», которые под таким обобщающим названием появляются в латинской гимнографии. Слыша это слово, средневековый человек сразу вспоминал определение «хищных птиц» – «птицы стремительные, прожорливые хищники, то есть птицы воздуха, которые суть всякие духовные непотребства» (PL 1993–1995, vol. 52, col. 476C). К этим птицам относятся, кроме безымянных «хищников... коршуны...орлы» (PL 1993–1995, vol. 52, col. 648A). Им обычно противопоставляются голуби, которых хищные птицы гонят и убивают.

7. Что касается *aquila* – «орла», он, как и ворон, может быть и положительным, и отрицательным персонажем. Объединяясь в одну группу с *vultures* – «хищниками», орел преследует голубку, а также склонен питаться падалью: «А хищные птицы, как и орлы, еще по ту сторону моря чувят трупы, ибо, высоко летая, многое, что скрывается мраком гор, с высоты они видят» (PL 1993–1995, vol. 82, col. 460B–460C). Подобное толкование вполне возможно, ибо, как пишет Беда Досточтимый, «орел означает злого врага» (PL 1993–1995, vol. 91, col. 1025C), т. е. дьявола.

Тем не менее и в богословских сочинениях, и в гимнографических текстах орел чаще всего оказывается в весьма положительных контекстах. «Орел означает Христа» (PL 1993–1995, vol. 50, col. 749C), – пишет Евхерий Лионский. Это же повторяет и Беда Досточтимый: «Орел подлинно есть Христос» (PL 1993–1995, vol. 91, col. 316C). Следовательно, одно из Имен Божиих – «Орел, ибо после Воскресения Он возлетел к звездам» (PL 1993–1995, vol. 96, col. 975D). Восприятие Христа как Орла сохранилось и в песнопении «О Господе Христе», где перечисляются в противопоставлении друг другу все Имена Божии: «Агнец и Лев, Кроткий и Ужасный, Орел и Червь, Вознесенный и Смиренный, Спаситель мира, Христос, Сын Божий» (АН 19, 1895, s. 14). Самым распространенным контекстом, в котором упоминается орел, оказываются песнопения на праздник св. Евангелиста Иоанна Богослова. Орел был его символом, о чем средневековый христианин в разных вариациях слышал за богослужением, например: «Иоанн, великий орел, озирающий ось неба, написал, что Богочеловек был Словом до [земного] времени» (АН 4, 1888, s. 159), или «Святой Иоанн, орел небесный» (АН 52, 1909, s. 204), или «О удивительно летя-

щий орел» (АН 22, 1895, s. 140), или «орел престола» (АН 12, 1892, s. 198).

У Евхерия Лионского находим также утверждение: «Орлы суть святые» (PL 1993–1995, vol. 50, col. 749C). Оно также отражено в гимнографии. Вот гимн «О св. Эгидии»: «Когда прошло два года, святой муж с Цезарием возрадовался желанному покою, оставаясь в уединении, получив крылья, подобные орлиным, улетев из бури мира сего» (АН 52, 1909, s. 330).

Поскольку мы помним, что крылаты и демоны, и ангелы, в одном из песнопений, посвященных св. Антонину, встречаем «двоих ангелов – обликом орлы» (АН 16, 1894, s. 79).

8. Однажды встречаем коршуна – *milvus*, который причисляется к «хищным птицам» (PL 1993–1995, vol. 64, col. 178C). Тем более велико чудо, которое описывается в секвенции «На обращение св. ап. Павла»: «Так голубь поражает коршуна» (АН 9, 1890, s. 236), где голубь символизирует Св. Духа, а коршун – бывшего жестокого гонителя христиан. В богословской литературе о коршуне никогда не говорится хорошо: он по природе жесток, «по природе своей всегда стремится подстергать птенцов» (PL 1993–1995, vol. 75, col. 1073B), а также коварен: «Этим вот образом и коршун, когда его отпугнут, не сможет схватить птенцов, называет себя голубем» (PL 1993–1995, vol. 43, col. 315–316).

9. От хищных птиц отличаются «ловчие птицы», и главное их отличие в том, что они покоряются «руке [человеческой]» (PL 1993–1995, vol. 82, col. 459A–459B). Они по сути своей не отличаются от хищных птиц: «эта птица неутомима в поимке других птиц, потому и называется “ловец”, то есть “хищник”» (PL 1993–1995, vol. 82, col. 466C–467A). Однако подчинение человеку позволяет рассматривать «ловчих птиц» в положительном контексте: «Ловчая птица... святой, как думаю, восхищающий Царство Божие» (PL 1993–1995, vol. 50, col. 750B), пишет Евхерий Лионский. За этим значением стоит евангельская цитата: «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11:12,13).

Это значение «ловчих птиц» отразилось и в гимнографии, например, «И стремительные ловчие птицы, и птицы певчие/щебечущие» (АН 48, 1905, s. 73), т. е. и те подвижники, которые подвигами завоевывают Царство Божие, и те, кто непрестанно молится.

10.1. В песнопениях, посвященных святым, чаще всего появляется голубь, причем часто понять, что имеется в виду, без знания самого жития довольно затруднительно. Таково, например, появление голубя в эпизоде пострижения св. Альдегунды. Ей пришлось преодолеть множество препятствий, прежде чем она оказалась в монастыре, и явление Св. Духа в виде голубя, которого увидели

все присутствующие на ее пострижении, убедило их в правильности решения девушки: «святым предстоятелям, поющим во время посвящения девы положенные гимны, явился Дух Святой в виде голубя и поддержал лапками и клювом освящаемый покров, который немного стал сползать. А чтобы не возникло какого-либо двусмысленного толкования такого чудесного явления, он на глазах у всех присутствующих в храме, подняв покров с земли, возложил его на главу блаженнейшей девы. Свершив это, голубь, посланный с неба, тотчас же исчез с глаз» (Хукбальд 2011, с. 115). Подобное событие не упоминается в житиях других святых, оно стало отличительным признаком образа св. Альдегунды, поэтому голубь, принеший покров, всегда упоминается в праздничных песнопениях в ее честь: «Радуйся, жизнь которой достойной объявляется чрез столько знамений, / Полученных свыше, / Тебе приносит голубка покрывало, / Знает земля, передает небо / В тебя дары Духа» (АН 15, 1893, s. 181) («О св. Альдегунде»). Интересно присутствие голубя в песнопениях, посвященных св. Маргарите. В ее кратком греческом житии, которое помещено в «Минологии Василия II», составленном в Византии в X в., рассказывается о том, как она была крещена. Св. Марина, или Маргарита, Антиохийская во время мучений «была брошена в озеро, и явившаяся голубка благословила воду и крестила деву» (PL 1993–1995, vol. 117, col. 547). Хотя в латинских житиях, начиная с «Мартирология» (PL 1993–1995, vol. 110, col. 1156B) Рабана Мавра, составленного в IX в., этот эпизод опущен, греческая агиографическая традиция была сохранена в латинских песнопениях. Если в одном из них голубка сообщает о духовной победе мученицы («Молится под мечом мученица благородная, / Лавр несет голубка...», – АН 4, 1888, s. 199, «О св. Маргарите»), то во втором песнопении излагается эпизод крещения, сохраненный в византийской агиографии: «Радуйся, дева, которую, спасши, / От вод уберег / Христос, Который тебя при посредстве голубки / Увещал к [мученическому] венцу» (АН 15, 1893, s. 221) («О св. Маргарите»).

Голубь участвует и в крещении короля Хлодвига, которое совершил св. Ремигий: «Он короля крестил, / с неба помазание / священное выпросил, / которое принесла голубка, / скажи, кто видел такое?»; «Когда в освященных водах король / Очищается от грехов, / Вот необыкновенное чудо: / Сосуд послан с неба / в виде дара от Святого Духа / Предстоятелю при посредстве голубки» (АН 10, 1890, s. 296–299) («О св. Ремигии»). Голубь часто оказывается вестником Божественной воли в ситуации, когда надо указать на достойного человека, который внешне не выделяется среди окружающих. Так, например, в «Истории франков»

Григория Турского появление голубя раскрывает всем духовные дарования св. Аредия, которые тот по своему смирению скрывает от монастырской братии. При королевском дворе юношу Аредия заметил епископ Ницетий, «муж необыкновенной святости», и взял с собой в монастырь, где тот принял постриг. Однажды, когда Аредий уже был монахом, «в то время как клирики пели в церкви псалмы, из-под свода спустился голубь и, полетав вокруг Аредия, сел ему на голову». По мнению автора «Истории франков», «сие означало... что он уже был исполнен благодати Духа Святого» (PL 1993–1995, vol. 71, col. 560B). Это событие отражено и в секвенции о св. Аредии: «Миролюбивый / Бог в образе голубя / Успокоил сердце короля, / Открыв, что Аредий избран свыше» (АН 7, 1889, s. 138) («О св. Аредии»). Еще более ярко подобная ситуация описана в «Книге об архиепископах Равенны» Агнелла Равеннского. Если св. Аредий, видимо, не отличался внешне от собратий-монахов, то св. Север, бедный ткач, неожиданно для всех избранный архиепископом Равенны, напротив, резко выделялся из толпы «по причине безобразия одеяний, ибо он был одет в грязное платье». Придя в городской собор посмотреть на выборы нового архиепископа, он постеснялся своей бедной, ненарядной одежды и спрятался за входной дверью. После того как была окончена общая молитва, «сию же минуту с неба спустился голубь белее снега и остановился над головой блаженного исповедника Христова Севера, прятавшегося за дверями. Когда же он отогнал от себя голубя, он, пролетев по воздуху, снова замер над святым мужем и во второй, и в третий раз» (PL 1993–1995, vol. 106, col. 494C–494D). Это событие, по свидетельству Агнелла, настолько потрясло Равенну, что память о нем осталась и в пословице («Блаженна та земля, где во время избрания понтифика сходит Дух Святой, подобный голубю, и рукополагается тот, над чьею головой Он останавливается») (PL 1993–1995, vol. 106, col. 491D), и в гимнах, исполнявшихся за службой святому, например: «О удивительная благодать Божия, / Когда стоит в церкви / Муж-мирянин, чтобы помолиться, / Голубку видят трижды, / Бедняка в дверях / Избирает клир, чтобы почтить его. / Как Иосиф, он изменяется / И украшается кольцом / Предстоятельской славы. / Север, стоящий в дверях, / Сделался по свидетельству голубки / Из бедняка прелатом» (АН 5, 1889, s. 217) («О св. Севере»).

10.2. Довольно часто нужно обращаться к житиям, чтобы узнать, какую роль играл ворон (или вороны) в том или ином эпизоде жизни. О воронах-кормильцах и воронах-стражах говорилось выше. Однако есть ситуации, не ставшие топосами, характерные для жизни одного святого. Так, в «Житии св. Колумбана» рассказывается,

что однажды святой муж пришел в монастырь Луксовию (Люксёй), чтобы разделить трапезу с братией. Перед тем как войти в трапезную, он положил на камень у входа свои рабочие рукавицы. К камню подлетел ворон и украл одну из рукавиц. После трапезы братия в недоумении стали искать рукавицу, но святой сказал им, что «ее унесла та птица, которая была послана Ноем [на поиски земли] и не вернулась назад». К сказанному святой прибавил, что ворон не сможет кормить своих птенцов, если не вернет украденное. Тут же появился ворон «и принес назад в клюве то, что он так бесчестно украл» (Jonas 1895, p. 15). Получив назад рукавицу, святой простил ворона и приказал ему улететь. Не зная этого эпизода, сложно понять следующую строфу из гимна «О святом Колумбане»: «Ворон, презирающий Ноя, / Хотя Илии служащий, / Рукавицы, которые унес / Тайком, вернул открыто» (АН 19, 1895, s. 115).

Эпизод с участием воронов включен в «Житие св. Альдегунды, девы», составленное Хукбальдом Сент-Амандским. Согласно житию, некий рыбак пожертвовал св. Альдегунде только что пойманную рыбу, и та, желая оставить ее для трапезы монастырских трудников, «приказала бросить в ближайший источник». Рыба, плавая у берега, «сделала прыжок в воздухе» и оказалась на суше, и «С карканьем черные тут отовсюду вороны слетались, / Бедную рыбу терзать и когтями, и клювом пытались». У воронов рыбу отбил маленький ягненок, пасшийся поблизости, «он быстро подбежал, выхватил рыбу у пожирающих ее, и сражаясь против ворон рожками и ножками, напрягши все тельце свое, отогнал их» (Хукбальд 2011, с. 115, 118). К удивлению прибежавших монахинь, рыба осталась невредимой. Этот эпизод отразился в следующих строфах гимнов, посвященных св. Альдегунде: «Агнец рыбу старается / у воронов отнять, / и ей не позволено получить повреждения / Даром Альдегунды» (АН 10, 1890, s. 125).

Не все вороны в житиях оказываются отрицательными героями. Слушая вразумляющего их святого, они способны меняться. Согласно житию, св. Катберт, живя отшельником на острове Фарн, посеял хлеб, а птицы, в том числе и вороны, повадились выклевывать семена. Святой обратился к ним с обличительной речью, и птицы раскаялись (PL 1993–1995, vol. 94, col. 759D–760B). Как говорится в песнопении, посвященном св. отшельнику, «Птицы повинуются святому, / Вороны, исправившись, возвращаются» (АН 13, 1892, s. 103).

Житие св. Бенедикта Нурсийского служит подтверждением тому, что ворон может помочь святому избавиться от смертельной опасности. Как рассказывает свт. Григорий Двоеслов, к святому мужу каждый день на обед прилетал ворон из соседнего леса и полу-

чал от него хлеб. Пресвитер соседней церкви по имени Флоренций, «ослепленный тьмою своей ненависти... дошел до того, что послал рабу всемогущего Бога, как бы для благословения, хлеб, испеченный с ядом». По приказанию св. Бенедикта ворон «схватил хлеб, поднял, улетел и бросил... спустя три часа возвратился и получил обычную часть хлеба из рук человека Божия» (Свт. Григорий 1999, с. 502, 503). Это чудо отражено в песнопениях, прославлявших святого: «Так как [пресвитер] завидовал отцу, увидел, / Что может убить / Святого отца, он принес хлеб / мужу, который отравил, / Святому предписал, чтобы тот его съел, / И правило жизни / Ныне, как ворон унес»; «Яд ворон отбросил» (АН 4, 1888, s. 106, 109).

10.3. Горлица появляется в гимне, излагающем житие и чудеса малоизвестной франкской святой, почитаемой в французском городе Труа, исторической столице Шампани. О св. Елене Труаской, покровительнице города, ничего не известно, кроме того, что ее мощи были перенесены в Труа в 1209 г. Гимн в ее честь упоминает чудо, совершившееся ради нее: «Когда под сосной она заснула / В полдень мгновенно, / Горлица, приведенная в движение, служила / В чрезвычайность зноя / И мух отгоняла / От лица Елены» (АН 19, 1895, s. 152).

Как видим, птицы, которых средневековый человек мог видеть каждый день, оказываются не только существами, почти не заметными в повседневной жизни, звуковым фоном, привычными элементами окружающего пейзажа, но и символами, подобными многозначным словам. Значения этих «слов» развивались и освящались текстами Свящ. Писания, житийной литературой, проповедями, церковной поэзией, позволяя читать земной мир как Небесную Книгу.

Источники

- Свт. Григорий 1999 – Свт. Григорий Двоеслов. Творения. М.: Паломник, 1999. Т. 7. 735 с.
- Хукбальд 2011 – Хукбальд Сент-Амандский. Житие св. Альдегунды. Девы / Пер. М.Р. Ненароковой // Антология «Памятники средневековой латинской литературы. X–XI века» / Отв. ред. М.С. Касьян. М.: Наука, 2011. С. 115.
- АН 2, 1888 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 2. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: Fues's Verlag (R. Reisland), 1888. 174 p.
- АН 4, 1888 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 4. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: Fues's Verlag (R. Reisland), 1888. 270 p.
- АН 5, 1889 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 5. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: Fues's Verlag (R. Reisland), 1889. 278 p.

- AH 7, 1889 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 7. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: Fues's Verlag (R. Reisland), 1889. 282 p.
- AH 8, 1890 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 8. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: Fues's Verlag (R. Reisland), 1890. 231 p.
- AH 9, 1890 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 9. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: O.R. Reisland, 1890. 296 p.
- AH 10, 1890 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 10. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: O.R. Reisland, 1890. 336 p.
- AH 12, 1892 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 12. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: O.R. Reisland, 1892. 272 p.
- AH 13, 1892 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 13. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: O.R. Reisland, 1892. 266 p.
- AH 14, 1899 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 14. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: O.R. Reisland, 1898. 262 p.
- AH 15, 1893 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 15. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: O.R. Reisland, 1893. 273 p.
- AH 16, 1894 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 16. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: O.R. Reisland, 1894. 290 p.
- AH 19, 1895 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 19. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: O.R. Reisland, 1895. 280 p.
- AH 22, 1895 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 22. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: O.R. Reisland, 1895. 300 p.
- AH 23, 1896 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 23. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: O.R. Reisland, 1896. 306 p.
- AH 27, 1897 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 27. ed. Clemens Blume. Leipzig: O.R. Reisland, 1897. 296 p.
- AH 43, 1903 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 43. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: O.R. Reisland, 1903. 324 p.
- AH 48, 1905 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 48. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: O.R. Reisland, 1905. 543 p.
- AH 50, 1907 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 50. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: O.R. Reisland, 1907. 664 p.
- AH 52, 1909 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 52. ed. Clemens Blume. Leipzig: O.R. Reisland, 1909. 358 p.
- Iacopo da Varazze 1998 – *Iacopo da Varazze*. *Legenda Aurea*. Edizione critica a cura di Giovanni Paolo Maggioni. 2 ed. Firenze, SISMEL – Edizioni del Galluzzo, 1998. T. 2. P. 1209.
- Jonas 1895 – *Translations and Reprints from The Original Sources of European History*. Jonas / Ed. by Dana Carleton Munro. Life of St. Columban. Philadelphia, Pa., 1895. 262 p.
- PL 1993–1995 – *Migne J.-P. Patrologiae Latinae Cursus Completus (PL)*. – On CD-Rom. – Chadwick-Healy, 1993–1995.

Литература

Ненарокова 2012 – *Ненарокова М.Р.* Каролингская эклога: теория и история жанра. М.: ИМЛИ РАН, 2012. 416 с.

References

Nenarokova, M.R. (2012), *Karolingskaya ekloga: teoriya i istoriya zhanra* [The Carolingian Eclogue: the theory and history of the genre], IMLI RAN, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Мария Р. Ненарокова, доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия; 121069, Россия, Москва, Поварская, д. 25а; maria.nenarokova@yandex.ru

Information about the author

Maria R. Nenarokova, Dr. of Sci. (Philology), A.M. Gorky Institute of World Literature (IWL RAS), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 25a, Povarskaya Street, Moscow, Russia, 121069; maria.nenarokova@yandex.ru

Исландские саги

УДК 82-131

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-42-57

Автор и его текст
(на материале древнеисландской «Саги о Кнютлингах»)

Татьяна Н. Джаксон
Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия,
Tatjana.Jackson@gmail.com

Аннотация. Материалом для статьи послужила написанная в середине XIII в. древнеисландская «Сага о Кнютлингах», перевод которой я в настоящий момент готовлю к публикации. «Исландская литература этой эпохи стоит на грани народного творчества и индивидуального авторства» [Гуревич 1972, с. 6]. Специфика жанра саги такова, что сага производит впечатление предельно объективного повествования: ее автор не говорит о том, чего не видел он сам или известные ему очевидцы, не описывает чувств и чаяний своих героев, не вторгается в текст своими комментариями и эмоциями. Однако объективность саг и отсутствие в них авторского участия – это вполне сознательный прием. Автор, со своего места во времени и пространстве, присутствует в саге объяснениями, ссылками, суждениями. Углубленная работа с текстом саги позволила выявить все без исключения случаи авторского проникновения в повествование, которые подразделяются на: 1) ссылки на источники; 2) авторские ремарки, суждения, оценки, комментарии событий и реалий прошлого; 3) авторские композиционные приемы. Автор «Саги о Кнютлингах» (вероятно, им был исландец Олав Тордарсон по прозвищу Белый Скальд), вне всякого сомнения, творчески активен и сознательно выстраивает свой нарратив.

Ключевые слова: «Сага о Кнютлингах», авторское проникновение в текст саги, «объективность» саг

Для цитирования: Джаксон Т.Н. Автор и его текст (на материале древнеисландской «Саги о Кнютлингах») // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 1. С. 42–57. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-42-57

© Джаксон Т.Н., 2021

The Author and his Text (based on the Old Icelandic *Knýtlinga saga*)

Tatjana N. Jackson

*Russian Academy of Sciences Institute of World History,
Moscow, Russia, Tatjana.jackson@gmail.com*

Abstract. The paper is based on the Old Icelandic *Knýtlinga saga* written in the middle of the 13th century, the translation of which I am currently preparing for publication. “Icelandic literature of this age stands on the boundaries of folk art and individual authorship” [Gurevich 1972, p. 6]. The specific feature of the saga genre is that the saga gives the impression of an extremely objective narrative: its author does not tell anything about what he himself, or eyewitnesses, had not seen, does not describe the feelings and aspirations of his heroes, does not invade the text with his own comments and emotions. However, the objectivity of the sagas and the lack of writer intrusion into them are deliberate literary devices. The author, from his position in time and space, is present in this saga with his explanations, references to sources, and judgments. An in-depth study of the saga text made it possible to identify all cases of the author’s penetration into the narrative, which are divided into: 1) references to sources; 2) the author’s remarks, assessments, comments on events and realities of the past; 3) compositional techniques. The author of *Knýtlinga saga* (probably the Icelander Óláfr Þórðarson, nicknamed the White Skald) is, without doubt, creatively active and organizes his narrative quite consciously.

Keywords: *Knýtlinga saga*, writer intrusion, saga “objectivity”

For citation: Jackson, T.N. (2021), “The Author and his Text (based on the Old Icelandic *Knýtlinga saga*)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 1, pp. 42–57, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-42-57

До середины прошлого века в саговедении господствовало представление о так называемой эпической объективности саг и объективной нейтральной точке зрения их авторов. Однако постепенно было доказано, что объективность саг и отсутствие в них авторского участия – мнимые, что это вполне сознательный прием и что позицию стороннего наблюдателя авторы саг XIII в. заимствуют у устных рассказчиков. Если хорошо присмотреться к текстам саг, то делается очевидным, что автор – со своего места во времени и пространстве – присутствует в саге объяснениями, ссылками, суждениями. Его нарратив оказывается не случайно организованным, а тщательно выстроенным. Такого рода авторско-

му проникновению в текст саги (в англоязычной терминологии оно обозначается как “writer intrusion”) в третьей четверти прошлого века было посвящено значительное число работ. Я в свое время опубликовала статью о творческой активности автора знаменитого исландского свода королевских саг «Круг Земной» Снорри Стурлусона [Джаксон 1983]. В ней можно посмотреть обзор и оценку литературы по теме авторского присутствия в сагах, к которой, насколько мне известно, исследователи практически больше не возвращались. Здесь мною будет рассмотрена проблема авторского проникновения в повествование на материале «Саги о Кнютлингах»¹.

«Сага о Кнютлингах» – это древнеисландская сага, причисляемая к «королевским сагам», но посвященная не норвежским, а датским конунгам – «Кнютлингам», т. е. потомкам Кнута². Которого Кнута это родовое прозвище имеет в виду, ученые сказать затрудняются: либо Кнута Могучего Свейнссона (*Knútr in ríki Sveinsson*), ум. 1035 г., самого могущественного представителя династии, объединившего на некоторое время под своей властью три державы, Англию (с 1016 г.), Данию (с 1019 г.) и Норвегию (с 1019 г.), либо мифического предка по имени Кнут (*Knútr fundni*), упоминаемого в «Саге о йомсвикингах» и «Большой саге об Олаве Трюггвасоне» (см.: [Bjarni Guðnason 1982, bls. lxxii–lxxiii; Ólafur Halldórsson 2000, bls. 8–10, 50, 51, 54, 86, 89, 90]; Сага о йомсвикингах 2018, с. 336–337). Не исключено, что этот последний присутствовал и в начальной, несохранившейся, части «Саги о Кнютлингах», которая в ее нынешнем виде начинается весьма неожиданно и нетипично для саг: она открывается фразой «Харальд Гормссон был избран конунгом в Данмёрке после своего отца».

Как и послуживший ее образцом «Круг Земной» Снорри Стурлусона, «Сага о Кнютлингах» распадается на три части: в центральной части повествуется о Кнуте Свейнссоне Святом, датском конунге с 1080 по 1086 г.; начальная часть посвящена предкам Кнута Святого от Харальда Гормссона Синезубого (ок. 940–986); в заключительной части говорится о потомках Кнута вплоть до 1186 г., который приходится на начальные годы правления Кнута Вальдимарссона (1182–1202). Итак, хронологический охват саги – два с половиной века, от ок. 940 до 1186 г.

¹ Все переводы из этой саги, цитируемые ниже, выполнены мною по изд.: Knýtlinga saga 1919–1925 (далее – Knýtл с номером главы).

² Поскольку я работаю с текстом исландской саги, то я привожу датские имена в древнеисландской огласовке: *Кнут*, а не *Кнуд*, *Вальдимар*, а не *Вальдемар*, и проч.

Время написания саги однозначно не установлено. Самые широкие рамки определялись от ок. 1235 г., приблизительного времени завершения Снорри Стурлусоном «Круга Земного», до 1300 г., которым датируется самый ранний сохранившийся фрагмент саги (см.: [Vjarni Guðnason 1982, bls. clxxix; Phelpstead 2005, p. 164]). Последний, однако, является копией, так что оригинал должен был быть написан раньше. Впрочем, эти рамки удалось сузить. В качестве *terminus post quem* для написания саги был определен 1251 г. – год бракосочетания норвежского конунга Хакона Хаконарсона Младшего и дочери шведского ярла Биргира Рикисы (см.: [Zernak 2000; Petrulevich 2016, p. 25]). Это событие упоминается в конце саги, в главе, посвященной смерти конунга Вальдимира Кнутссона (1157–1182) и перечислению его потомков (Knútl 127). Дата заключения этого союза известна из других источников и сомнения не вызывает, а сага, соответственно, писалась не раньше, чем этот брак был заключен.

Что касается верхней хронологической границы, то ее установление напрямую связано с вопросом авторства саги, тоже однозначно не решенным, поскольку «Сага о Кнютлингах» анонимна. Однако большое число исследователей (еще со времен П.А. Мюллера) считает, что ее автором был исландец Олав Тордарсон по прозвищу Белый Скальд ([Sigurður Nordal 1953, p. 226; Hallberg 1963, p. 24–26, 61–62; 1965; 1968, p. 57–60; Vjarni Guðnason 1982, bls. clxxix–clxxxiv; Zernak 2000; Petrulevich 2016, p. 25]; противники этой точки зрения: [Albeck 1946, p. 328; Axelson 1959, p. 140–144; Heller 1965, 1967; Ellehøj 1965, p. 102; 1966, p. 40]), автор хвалебных песней в честь норвежского конунга Хакона Хаконарсона (ум. 1263 г.) и его сына Хакона Хаконарсона Младшего (ум. 1257 г.), шведского конунга Эйрика Эйрикссона (ум. 1250 г.) и датского конунга Вальдимира Вальдимарссона (ум. 1241 г.), автор «Третьего грамматического трактата». Олав был племянником знаменитого исландского политика и историка Снорри Стурлусона и старшим братом не менее знаменитого Стурлы Тордарсона, автора «Саги о Хаконе Хаконарсоне», «Саги о Магнусе Исправителе Законов», одной из редакций «Книги о занятии земли» и др. В тексте «Саги о Кнютлингах», в той же 127 главе, содержится вот такая ремарка: «Детьми конунга Вальдимира и королевы Суффии были конунг Кнут и Вальдимар Старый, который позднее стал конунгом в Данмёрке и был самым знаменитым конунгом здесь в Нордрлэнд. *При нем был Олав Тордарсон, который от него почерпнул много знаний и услышал много превосходных историй*». Мне представляется, что в такой форме Олав Тордарсон расписывается в своем авторстве и называет своего главного информатора. Правда, его манифестация

авторства не столь открыта, как в «Книге об исландцах» (1122–1133) первого исландского историка Ари Мудрого (см.: [Успенский 2003]), и не так обильно он ссылается на своего сановного информатора, как почти за два века до него делал бременский хронист Адам («Я так же слышал из уст правдивейшего короля данов Свена...», «От многократно упоминавшегося короля данов Свена мы узнали...», «Свидетелем [этого] выступает король данов Свен, который жив и посеичас», и др. – Адам 2012, с. 324, 330, 343). «Знак собственности» (воспользуемся терминологией Ф.Б. Успенского) автора «Саги о Кнютлингах» выполнен в саговой стилистике, и, соответственно, автор назван, но остался «невидимкой». Здесь у меня возникает любопытная аналогия с тем, как брат Олава, Стурла Тордарсон, вводит в написанную им «Сагу о Хаконе Хаконарсоне» скальдические стихи собственного сочинения. Прочитую очень удачно это описавшую Е.А. Гуревич: «Стурла нигде не раскрывает своего авторства и, дистанцируясь от своего “я”, вводит цитаты из собственных песней традиционными “так говорит Стурла Тордарсон в Песни о Хаконе” или “так говорит Стурла”, и это есть «возведенные в канон анонимность и объективность саги» [Гуревич, Матюшина 1999, с. 354]. Если же Олав Тордарсон действительно был автором «Саги о Кнютлингах», то это означает, что сага была написана до его смерти в 1259 г. В результате запись саги может быть датирована в интервале от 1251 до 1259 г.

Говоря об авторском проникновении в текст, можно уже этот «авторский автограф» рассматривать как одну из его форм. Однако перейдем с зыбкой почвы догадок к чему-то более «материальному» и бесспорно обнаруживаемому в тексте саги.

1. Начнем с самого очевидного и наиболее хорошо исследованного, и это – *ссылки на источники*.

1.1. Прежде всего, это *ссылки на стихи скальдов*. В саге приводится 60 скальдических строф, из которых лишь одна не вводится в повествование как источник (при помощи оборотов “Svá segir ...”, “Þess getr ...”, “Sem ... segir” и аналогичных им), но и она подтверждает предшествующий прозаический рассказ: «В это время приплыл в Данмёрк священник Эйнар Скуласон. Он сложил песнь о конунге Свейне и не получил за нее никакого вознаграждения. Тогда Эйнар сказал такую вису (*þá kvæð Einarr vísu þessa*): “Не дождался Эйнар от благородного Свейна даров за песнь; славит люд щедрость бесстрашного конунга. Датский государь дороже ценит скрипки и дудки; с этого проку немного. Казной конунга распоряжается Ульв из Рипара”» (Кнýtli 108 – перевод висы А.В. Бусыгина).

1.2. Далее выделяются *ссылки на конкретные письменные источники*.

1.2.1. Первый источник – это «жизнеописание норвежских конунгов» (четыре раза: *æfi Nóregs konunga*) (Knútl 1, 21 (2), 100) / «саги о норвежских конунгах» (один раз: *sogur Nóregs konunga*) (Knútl 124). Дважды автор вводит ссылку словами «как написано в (*sem ritat er í*)» и трижды – «как говорится в (*sem segir í*)». Г. Сторм приводит три аналогичные ссылки, встречающиеся в «Книге с Плоского Острова» (Flat 1860, bls. 217; 1862, bls. 152; 1868, bls. 469) [Storm 1873, p. 4]. Вслед за Стормом я склонна считать, что под *æfi Nóregs konunga* понимается «Круг Земной» Снорри Стурлусона. Но надо сказать, что это – «творческая» ссылка: автор отсылает читателя не к конкретному месту в тексте Снорри, а демонстрирует знакомство с большим объемом текста, который он кратко суммирует. Так, заявление саги, что «конунг Харальд Гормссон стоял за предательством и убийством Харальда, сына Гуннхильд, конунга Норега, когда тот пал у Хальса в Лимафьорде, как написано в жизнеописании конунгов Норега» (Knútl 1), основывается на рассказе Снорри в гл. 10–14 «Саги об Олаве Трюгвасоне» по «Кругу Земному». А лаконичный рассказ о том, что, пока его побратим Хёрда-Кнут правил в Дании, Магнус, сын Олава Святого, «правил Норегом, как написано в жизнеописании конунгов Норега», а после смерти Хёрда-Кнута «взял власть в Данмёрке... и был тогда там конунгом, как говорится в жизнеописании конунгов Норега» (Knútl 21), строится на гл. 17–21 «Саги о Магнусе Добром» по «Кругу Земному».

1.2.2. Несколько раз автор «Саги о Кнютлингах» ссылается по ходу повествования на саги об отдельных королях: два раза на «Сагу об Олаве Святом» (Knútl 7, 16), один раз на «Сагу о Магнусе Добром» (Knútl 22) и два раза на «Сагу о Харальде Сигурдарсоне» (Knútl 22, 32). Как ни странно, но это тоже ссылки на «Круг Земной» Снорри, только более конкретные. Так, в «Саге о Кнютлингах» читаем о том, как Этельред Неразумный вернул себе власть в Англии в 1014 г. после смерти Свена Вилобородого: «Затем снова начались сражения, поскольку, как только умер конунг Свейн, конунг Адальрад приплыл назад в страну и вступил во владение своим королевством с военной помощью Олава Святого, как говорится в саге о нем на основании слов скальда Оттара Черного» (Knútl 7). Можно утверждать, что имеется в виду «Сага об Олаве Святом» по «Кругу Земному» (гл. 12–13), потому что именно в нем, в отличие от «Красивой кожи», повествование разбито на отдельные саги, а только в этих двух больших компендиумах королевских саг и «Саге о Кнютлингах» описывается помощь Олава Этельреду. Там же приводится и строфа из поэмы «Выкуп головы» Оттара Черного. «Легендарная сага об Олаве Святом» придерживается (в весьма специфической трактовке) версии норвежских синоптиков («Обзо-

ра саг о норвежских конунгах», «Истории Норвегии» и «Истории» Теодорика Монаха), согласно которой Олав, напротив, помогал Кнуту, сыну Свена Виллобородога, после смерти этого последнего завоевать Англию (см.: [Naki Antonsson 2018]). Или еще один пример. Рассказывая о противостоянии норвежского и датского короля Магнуса Доброго и его датского ярла Свена Эстридсена, «Сага о Кнютлингах» описывает очередную битву между ними: «Еще одна битва была у них незадолго до йюля у побережья Йотланда к югу от Аросса (Орхуса. – Т. Д.). Там была жестокая битва и большие людские потери. Конунг Свейн бежал оттуда, оставив там семь кораблей, как говорится в саге о Магнусе Добром» (Knútl 22). Эта битва описана во всех трех сводах королевских саг, но только в «Саге о Магнусе Добром» по «Кругу Земному» (гл. 30) упоминаются семь кораблей, оставленных Свейном на поле боя, и только здесь приводится соответствующая строфа скальда Тьодольва Арнорссона: «Магнус конунг захватил там у людей Свейна семь кораблей. Тьодольв говорит: “Семь ладей / – ликуйте / Девы в Согне! – сыну – / Идет он с победой – / Олава достались”» (КЗ 1980, с. 396).

1.2.3. Еще одна сага, на которую ссылается автор «Саги о Кнютлингах», – это «Сага о йомсвикингах». Речь идет о том, как Харальд Гормссон собрал войско против своего сына Свейна. «Тогда пришел на помощь Свейну Пальнатоки, его воспитатель, как говорится в саге о йомсвикингах, и направились они затем на Сьоланд и в глубь Исафьорда. Там тогда находился конунг Харальд со своими кораблями. Свейн тотчас бросился в бой с ним; было там большое сражение». Свейн проиграл битву и бежал, а Харальд в этой битве был насмерть ранен стрелой (Knútl 4). Это описание представляет собой любопытную комбинацию из пространного повествования «Саги о йомсвикингах» и краткого известия, содержащегося в «Саге об Олаве Трюгвасоне» по «Кругу Земному». В Jómsv 291, гл. 11 говорится о том, что Харальд собрал войско против сына, что они сражались на острове Борнхольм, что с обеих сторон были большие потери, что к вечеру Свейн со своими кораблями оказался заперт в гавани, а приплывший тогда же Пальнатоки коварно убил пущенной из лука стрелой гревшегося на стоянке у костра Харальда. Согласно «Саге об Олаве Трюгвасоне» по «Кругу Земному» (гл. 34), Свейн собирался в викингский поход, к нему присоединился Пальнатоки, они поплыли к Сьяланду и вошли в Исафьорд, где стоял со своими кораблями собиравшийся в поход Харальд; концовка этого рассказа та же, что и в Knútl 4, только без упоминания стрелы.

1.2.4. Присутствует в «Саге о Кнютлингах» и ссылка на «ученые датские книги»: «Так написано в ученых датских книгах (*Ðat finniz ri-*

tat í fróðum dǫnskum bókum), что у конунга Никуласа и Эйрика было между собой несколько сражений, но у нас нет сведений о том, чем они закончились; *но так написано, что* на второй год после того, как пал его брат, святой Кнут Лавард, была у Эйрика битва с конунгом Никуласом на Еллингской Пустоши, а вслед за тем у них, или их людей, была другая битва – в Фотвике на Скани; это недалеко от Лунда» (Кнýtл 95). «Роскильская хроника» середины XII в. (14, 15) сообщает о многих сражениях Нильса с Эриком на Ютландии, у острова Сейрё, на Зеландии при Вэребрё и проч. Авторы начала XIII в. Саксон Грамматик (XIII.8, 9, 11) и Свен Аггесен (14) говорят о нескольких сражениях между Никуласом и Эйриком, и в частности в Фотвике. Но о битве на Еллингской Пустоши эти источники молчат. Ее, однако, упоминают под 1131 г. целый ряд датских анналов («Погодная книга 1074–1255», «Лундские анналы») (DMA 1980, p. 17, 56) и «Старшая Зеландская Хроника» (SM 1970, b. II, p. 34). Так что точно сказать, о каких «ученых датских книгах» идет речь, затруднительно, но возможность реального знакомства с какими-то из них у автора саги была. Бьярни Гуднасон полагает, что автор саги имел в виду датские анналы, житие Кнута, написанное в первой четверти XII в. монахом Эльнотом, и труд Саксона Грамматика [Vjarni Gudnason 1976; Vjarni Gudnason 1981, p. 91].

1.3. Королевские саги в большой степени опирались на устную традицию, и «Сага о Кнютлингах», конечно же, не исключение. В основном ее автор апеллирует к общему мнению, причем делает это в ситуациях, связанных со знаменитыми конунгами, которые и впрямь могли широко обсуждаться. О норвежском конунге Олаве Харальдссоне, будущем Олаве Святом: «Там, как всем известно, пал конунг Олав, а сейчас он – святой и лежит в раке в Нидароссе» (Кнýtл 17). О датском короле Кнуте Свейнссоне, будущем Кнуте Святом: «Многие люди стали тогда подозревать, что их поступок, должно быть, не был столь богоугодным, как им часто говорили после того, как они лишили жизни конунга Кнута, и многие тогда сказали, что эта месть ниспослана Богом» (Кнýtл 61). Автор саги нередко использует оборот «как/так говорят люди/все люди/большинство людей/некоторые люди» и ему подобные (Кнýtл 18, 21, 22, 57, 59, 81, 90, 92, 102, 108). Имеется также одна ссылка на «знающих людей» (*sannfróðir menn*): «Так говорят знающие люди, что Толар Игральная Кость тоже умер чудовищной смертью» (Кнýtл 62). Обычно ссылка на «знающих людей» (хотя она и обезличенная) трактуется как показатель устной традиции, стоящей за данным известием. Лишь раз автор «Саги о Кнютлингах» ссылается на конкретного устного информатора: «После этого повелел конунг Вальдмар схватить Тетлейва Эдларссона и колесовать его.

Так говорил Атли Свейнссон, что он видел расправу над этим человеком, – он был тогда в Данмёрке» (Кнýтл 118). Саксон Грамматик тоже рассказывает об убийстве Тетлева на дыбе (XIV.19.16), но имени информатора не называет. Финнур Йоунссон отмечает, что этот Атли ниоткуда больше не известен, но можно думать, что это знатный исландец, раз он оказался в Дании очевидцем таких важных событий [Finnur Jónsson 1900, p. 5]. А события эти относятся к 1157 г., когда был убит Свейн III Эйрикссон, согласно саге – после битвы на пустоши Грате. Сага приводит еще и имя его убийцы, чего также не делает Саксон. То, что сага называет через 100 лет после события имя убийцы конунга и имя того, кто видел расправу над сторонником конунга, позволяет предположить, что в устной традиции рассказ передавался с этими именами, включенными в него.

2. Обратим внимание на весьма незаметные, но все же присутствующие в тексте саги авторские оценки, суждения и комментарии.

2.1. Иногда автор саги не просто сообщает, что так «говорится», но добавляет к этому – почти незаметно – свою собственную оценку: «*верно говорится*» (Кнýтл 19, 81); порой он приводит чужие слова, содержащие чужую оценку, но при этом добавляет от себя, что так оно и было: все «*сказали – вполне справедливо*», – что для Магнуса Никулассона подарок Кнута Лаварда – большая честь (Кнýтл 91).

2.2. Оценивает автор саги не только слова, но и поступки: после убийства Никуласом и Магнусом Кнута Лаварда «*даже те, кто раньше был их друзьями, говорили, что это наихудшее злодеяние – каким оно и было – и что ни один доблестный муж не захочет после этого им служить*» (Кнýтл 92); после убийства Свейном Грате Кнута Магнуссона: «*и назвали они этот поступок конунга Свейна наихудшим – как оно и было – из того, что тот совершил*» (Кнýтл 116). Ятварду Доброму «*был в Энгланде оказан хороший прием, как и следовало*» (Кнýтл 21); «*некоторые хотели оказать им помощь, а некоторые выступали против, как нередко может быть, что не все между собой согласны*» (Кнýтл 104); архиепископ «*подозревал, что Бурислав мог прибегнуть к обману, – а так оно и было*» (Кнýтл 129).

2.3. Зачастую в саге встречаются *историко-географические комментарии*, добавленные как бы из времени записи саги – что-либо объясняющие, уточняющие. Так, после описания битвы в Фюрисвеллир, в которой было много павших, а многие бежали, автор добавляет, что swei «*зовут это Погоней Фюрис*» (Кнýтл 2). Уточнение в настоящем времени указывает на современное словоупотребление, которое его исландской аудитории может быть неизвестно. Точно

так же, назвав местечко Сэваренди, где находился на пиру конунг Кнут, автор считает необходимым пояснить, где оно находится: *«это во внутренней части Лимафьорда»* (Knútl 46). Упоминание Вебьяргатинга (тинга в Виборге) тоже, по его мнению, требует комментария, и он сообщает, что *«там они всегда избирали конунгов»* (Knútl 28). Неизвестные исландцам «реинги» тут же определяются им как «жители того херада в Виндланде, который зовется Ре, большого и богатого» (Knútl 120).

2.4. Автор саги не упускает случая высказаться о святых королях. Полагаю, что именно эта информация была широко известна и не требовала дополнительных разъяснений, но христианский автор, помещающий в центральную часть своего повествования св. Кнута (как его предшественник Снорри Стурлусон отвел центральную часть «Круга Земного» св. Олаву), напоминает читателю, что Харальд Гормссон был *«первым конунгом данов, похороненным в освященной земле»* (Knútl 4), что норвежский конунг Олав пал в битве при Стикластадире, а сейчас *«он – святой и лежит в раке в Нудароссе»* (Knútl 17), что с того времени, как останки конунга Кнута были подвергнуты испытанию и была проведена трансляция святых останков Кнута, *«стали отмечать годовщину его гибели, и по всему Данмёрку его церковное празднование проводится как величайшее торжество»* (Knútl 77), что Кнут Лавард – *«истинный святой и совершает много красивых и славных чудес. День его убийства – день после тринадцатого дня Рождества, а сейчас служба святому Кнуту совершается по всему Данмёрку летом, на следующий день после Рождества Иоанна Предтечи, потому что тогда были извлечены из земли его святые останки»* (Knútl 92), что после вероломного убийства Кнута Магнуссона *«даны говорят, что он святой»* (Knútl 114).

2.5. Автор саги смотрит относительно времени рассказа как в прошлое (*«в старое время эти земли были владениями многих конунгов»* – Knútl 32), так и в будущее, в промежуток между временем рассказа и его собственным (Абсалон, *«который позднее станет архиепископом»* – Knútl 108, 115; сыном конунга Вальдимара и королевы Суффии был *«Вальдимар Старый, который позднее стал конунгом в Данмёрке и был самым знаменитым конунгом здесь в Нордрлэнд»* – Knútl 127). Сюда непосредственно примыкает комментарий, сделанный на основе знания о другой, более поздней, ситуации. Повествуя о паломничестве Эйрика Доброго в Святую Землю, автор саги сообщает, что по его прибытии в Миклагард (Константинополь) Эйрик был прекрасно и достойно принят *«конунгом греков»* Алексисом (Алексеем I Комниным), который предложил конунгу Эйрику на выбор

полласта (т. е. тонну) золота или устроенную в его честь весьма дорогостоящую «Падреймскую игру» (праздник на Ипподроме). Приведу следующий далее в саге пространный комментарий: «Но поскольку у конунга Эйрика были большие расходы из-за большого числа сопровождавших его людей и он очень нуждался в средствах, а впереди его ждал долгий путь, то он предпочел золото. Тот же самый Алексис, конунг греков, предлагал позднее конунгу Норега Сигурду Йорсалафари (Крестоносцу. – Т. Д.) такой же выбор. Но поскольку конунг Сигурд направлялся тогда домой и понес уже наиболее крупные расходы в своем путешествии, то выбрал он по этой причине игру. И расходятся люди в мнениях о том, какой выбор более пристал конунгу» (Knútl 81). Итак, автор саги сравнивает пребывание в Константинополе – с интервалом в пять лет – датского и норвежского королей. Такие визиты случались нечасто и, конечно же, широко обсуждались, так что до автора саги могли дойти различные рассказы и мнения. Но то, что он сравнивает выбор конунга Эйрика, о котором в данном месте ведет рассказ, с выбором конунга Сигурда, как раз и оказывается его авторским проявлением, признаком его творческого участия в построении нарратива.

2.6. Автор саги проявляет себя в тексте также *при перечислении потомков какого-либо персонажа*. Нарративная дистанция между временем рассказа и временем рассказчика в результате практически исчезает – потомки героев заполняют почти весь временной промежуток между персонажем и автором. Таких развернутых генеалогий в саге немало. Но я процитирую ту, о которой речь шла в начале статьи и на основании которой исследователи говорят о 1251 годе как *terminus post quem* написания саги, добавив для лучшего понимания некоторые даты, которых в саге, естественно, нет: «Детьми конунга Вальдмара (1157–1182. – Т. Д.) и королевы Суффии (их брак заключен в 1157 г. – Т. Д.) были конунг Кнут (1182–1202. – Т. Д.) и Вальдимар Старый, который позднее стал конунгом в Данмёрке и был самым знаменитым конунгом здесь в Нордрлэнд (1202–1241. – Т. Д.). При нем был Олав Тордарсон, который от него почерпнул много знаний и услышал много превосходных историй. Также дочерью конунга Вальдмара Кнутсона была Энгильборг, которую взял в жены (их брак заключен в 1193 г. – Т. Д.) Филиппус, конунг франков (Филипп Кривой, 1180–1223. – Т. Д.), отец Хлёдвеса, конунга франков (Людовик VIII Лев, 1223–1226. – Т. Д.), который завоевал Дамиад³. Другой дочерью конунга Вальдмара была Рикиса, которую взял в жены Эйрик Кнутссон, конунг свиев (1208–1216. – Т. Д.); их детьми были Эйрик, конунг свиев (1222–1229, 1234–1250. – Т. Д.),

и Энгильборг, которую взял в жены ярл Биргир в Свитьод (регент Швеции, 1248–1256. – *Т. Д.*); их детьми были Вальдимар, конунг свиев (1250–1275. – *Т. Д.*), и Эйрик, и Рикиса, которую взял в жены (их брак заключен в 1251 г. – *Т. Д.*) Хакон Младший, конунг Норега (1240–1257. – *Т. Д.*)» (Кнýтл 127).

3. В рамках рассматриваемой нами темы авторского присутствия в повествовании заслуживают рассмотрения также *авторские композиционные приемы*. Мы остановимся не на тех приемах, о которых надо догадываться и которые надо вычлениать из его текста, а на тех, которые нам «любезно преподносит» сам автор, оформляя их словесно.

3.1. Прежде всего это *зачины и концовки*. Поскольку, как было отмечено выше, у саги отсутствует начало, соответственно, в ее первой главе нет и специальных вводных слов. А вот у некоторых ее глав (причем эти главы все из одного рассказа – из центральной части, посвященной св. Кнуту) такие вводные слова («теперь нужно рассказать», «следует сказать, что», «теперь мы вернемся к тому, на чем мы прервались») имеются (Кнýтл 43, 48, 51, 62), равно как и заключительные слова у всей саги: «Тут кончается теперь рассказ о конунгах данов» (Кнýтл 130).

3.2. Обращают на себя внимание организующие повествование приемы вроде «*негативных ссылок*», т. е. указаний, что тот или иной источник не содержит нужной информации («несколько сражений, но у нас нет сведений о том, чем они закончились» – Кнýтл 95; «были в поездке... и многие другие хёвдинги, которые не названы» – Кнýтл 40; «...и многие другие очень храбрые люди, хотя только эти названы по имени» – Кнýтл 54; «ничего не говорится о том...» – Кнýтл 65; «было между собой несколько сражений, но у нас нет сведений о том, чем они закончились» – Кнýтл 95; «мы можем дать только некоторое представление о том, кто пал из благородных людей» – Кнýтл 97). Обратим внимание на то, что в двух последних случаях еще и появляется форма первого лица мн. ч. – «мы».

3.3. «Сага о Кнютлингах» изобилует, используя современную терминологию, «перекрестными ссылками». Это отсылки внутри текста. Имеются многочисленные отсылки назад: «как (раньше/только что) было (рас)сказано/написано» (Кнýтл 3, 25, 27, 30, 31, 47, 49, 53, 57, 74, 78, 83, 91, 95, 97, 98, 108, 120, 122, 124, 127). Есть отсылки вперед: «как будет рассказано/говориться скоро/позднее»

³Кратковременный захват Дамьетты Людовиком IX во время Седьмого крестового похода автор саги приписывает Людовику VIII. Здесь имеет место случающееся порой в сагах соединение в одном образе двух иностранных правителей – носителей одного и того же имени.

(Кнýtл 11, 75, 78, 82, 88). Любопытно, что на все это количество ссылок такого рода приходится лишь одна ошибка: «В тот же самый год послал папа Паскалий епископу Эцтуру паллий по просьбе и распоряжению конунга Эйрика, *как уже было рассказано*; с тех пор Эцур был долго архиепископом в Лунде» (Кнýtл 83). Либо из предшествующего текста этот рассказ по какой-то причине выпал, либо ссылка присутствовала в устном рассказе, начальная часть которого использована не была.

Итак, на материале «Саги о Кнютлингах» с очевидностью выделяются три основные разновидности авторского присутствия в повествовании: 1) ссылки на источники; 2) авторские ремарки, суждения, комментарии; 3) авторские композиционные приемы. Автор, как мы смогли убедиться, не просто «виден» (принято считать, что авторы саг «не видны») – он присутствует в организации повествования; в оценочных суждениях, умозаключениях, комментариях; в попытках придать своему сочинению видимость исторически точного свидетельства. Автор, вне всякого сомнения, творчески активен и сознательно выстраивает свой нарратив.

Источники и сокращения

- Адам 2012 – *Адам Бременский*. Деяния архиепископов гамбургской церкви / Пер. В.В. Рыбакова // *Немецкие анналы и хроники X–XI столетий*. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. С. 297–449.
- КЗ 1980 – *Снорри Стурлусон*. Круг Земной / Изд. подг. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М.: Наука, 1980.
- Сага о йомсвикингах 2018 – *Сага о йомсвикингах* / Пер. с древнеисл., ст., коммент. Ю.А. Полужктова. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018. 592 с.
- DMA 1980 – *Danmarks middelalderlige annaler* / E. Kroman. København: Selskabet for Utgivelse av Kilder til dansk Historie, 1980.
- Flat 1860–1868 – *Flateyjarbók*. En Samling af norske Konge-Sagaer med indskudte mindre Fortællinger om Begivenheder i og udenfor Norge samt Annaler / Guðbrandr Vigfússon, C.R. Unger. Christiania: P.T. Mallings Forlagsboghhandel, 1860, 1862, 1868. В. I–III.
- Кнýtlinga saga 1919–1925 – *Кнýtlinga saga* // *Sögur Danakonunga* / Carl af Petersens, Emil Olson (Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur. B. XLVI). København: Møller, 1919–1925. Bls. 29–294.
- SM 1970, b. II – *Scriptores minores historiae Danicae medii aevi* / M.Cl. Gertz. København, 1970. В. II.

Литература

- Гуревич 1972 – *Гуревич А.Я.* История и сага. М.: Наука, 1972. 202 с.
- Гуревич, Матюшина 1999 – *Гуревич Е.А., Матюшина И.Г.* Поэзия скальдов. М.: РГГУ, 1999. 752 с.
- Джаксон 1983 – *Джаксон Т.Н.* О творческой активности автора «Хеймскринглы» (Проблема авторского присутствия в повествовании) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1981 год. М.: Наука, 1983. С. 147–174.
- Успенский 2003 – *Успенский Ф.Б.* Манифестация авторства в «Книге об исландцах» священника Ари Торгильссона // Восточная Европа в древности и средневековье: XV Чтения памяти В.Т. Пашуто. М.: ИВИ РАН, 2003. С. 254–258.
- Albeck 1946 – *Albeck G.* Knytlinga. Sagaerne om Danmarks Konger. Kjøbenhavn: Nyt nordisk Forlag, 1946.
- Axelsson 1959 – *Axelsson S.* Om Knytlingasagas datering samt dens författare // (Norsk) Historisk Tidsskrift. 1959. B. 39. P. 141–144.
- Bjarni Guðnason 1976 – *Bjarni Guðnason.* Aldur og uppruni Knúts sögu Helga // Minjar og menntir. Afmælisrit helguð Kristjáni Eldjárn. Reykjavík: Háskóla Íslands, 1976. Bls. 55–77.
- Bjarni Guðnason 1981 – *Bjarni Guðnason.* The Icelandic sources of Saxo Grammaticus // Saxo Grammaticus. A medieval author between Norse and Latin culture / K. Friis-Jensen. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 1981. P. 79–93.
- Bjarni Guðnason 1982 – *Bjarni Guðnason.* Formáli // Danakonunga sögur / Bjarni Guðnason (Íslenzk fornrit. B. XXXV). Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1982. Bls. V–CXCIV.
- Ellehøj 1965 – *Ellehøj S.* Studier over den ældste norrøne historieskrivning (Bibliotheca Arnamagnæana XXVI), København: Munksgaard, 1965.
- Ellehøj 1966 – *Ellehøj S.* Omkring Knýtlingas kilder // Middelalder studier tilegnede Aksel E. Christensen på tresårsdagen 11. September 1966 / T.E. Christiansen et al. København: Munksgaard, 1966. P. 39–56.
- Finnur Jónsson 1900 – *Finnur Jónsson.* Knytlingasaga, dens Kilder og historiske Værd // Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskabs Skrifter. 6 Rk. Hist. Phil. Afd. 6, nr. 1. København, 1900. P. 1–41.
- Haki Antonsson 2018 – *Haki Antonsson.* King Knútr the Great in the Early Scandinavian Histories // Scandinavica. 2018. Vol. 57. P. 39–66.
- Hallberg 1963 – *Hallberg P.* Óláfr Þórðarson hvítaskáld, Knýtlinga saga och Laxdæla saga. Ett försök till språklig författarbestämning (Studia Islandica 22). Reykjavík: Háskóla Íslands, 1963.
- Hallberg 1965 – *Hallberg P.* Óláfr Þórðarson hvítaskáld, Knýtlinga saga och Laxdæla saga. En motkritik // Arkiv för nordisk filologi. 1965. B. 80. P. 123–156.
- Hallberg 1968 – *Hallberg P.* Stilsignalement och författarskap i norrön sagalitteratur. Synpunkter och exempel. Göteborg: Almqvist and Wiksell, 1968.

- Heller 1965 – *Heller R.* Laxdœla saga und Knytlinga saga. Studien über die Beziehungen zwischen den beiden Sagas // Arkiv för nordisk filologi. 1965. B. 80. P. 95–122.
- Heller 1967 – *Heller R.* Knytlinga saga: Bemerkungen zur Entstehungsgeschichte des Werkes // Arkiv för nordisk filologi. 1967. B. 82. P. 155–174.
- Ólafur Halldórsson 2000 – *Ólafur Halldórsson.* Danish kings and the Jomsvikings in the Greatest saga of Óláfr Tryggvason. L.: University College London, 2000. 105 p.
- Petrulevich 2016 – *Petrulevich A.* Ortnamnsanpassning som process: En undersökning av vendiska ortnamn och ortnamnsvarianter i Knýtlinga saga. Uppsala: Uppsala Universitet, 2016. 318 p.
- Phelpstead 2005 – *Phelpstead C.* Converting to Europe: Christian Themes in *Knýtlinga saga* // Viking and Medieval Scandinavia. 2005. Vol. 1. P. 163–177.
- Sigurður Nordal 1953 – *Sigurður Nordal.* Sagalitteraturen // Litteraturhistorie. B: Norge og Island. (Nordisk kultur VIII B). Stockholm, Oslo, København: Almqvist and Wiksell, 1953. P. 180–273.
- Storm 1873 – *Storm G.* Snorre Sturlassöns Historieskrivning: En kritisk Undersøgelse. Kjöbenhavn: Bianco Lunos Bogtrykkeri, 1873.
- Zernak 2000 – *Zernak Ju.* Knýtlinga saga // Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Berlin; New York: De Gruyter, 2000. Bd. 17. P. 68–70.

References

- Albeck, Gustav (1946), *Knytlinga. Sagaerne om Danmarks Konger*, Nyt nordisk Forlag, Copenhagen, Denmark.
- Axelson, Sven (1959), Om Knytlingasagas datering samt dens författare. (*Norsk Historisk Tidsskrift*, vol. 39, pp. 141–44.
- Bjarni Guðnason (ed.) (1982), *Danakonunga sögur* (Íslenzk fornrit XXXV), Hið íslenska fornritafélag, Reykjavík, Iceland.
- Bjarni Guðnason (1976), “Aldur og uppruni Knúts sögu Helga”, *Minjar og menntir. Afmælisrit helguð Kristjáni Eldjárni*, Háskóla Íslands, Reykjavík, Iceland, pp. 55–77.
- Bjarni Guðnason (1981), “The Icelandic sources of Saxo Grammaticus”, *Saxo Grammaticus. A medieval author between Norse and Latin culture*, ed. by K. Friis-Jensen, Museum Tusulanum Press, Copenhagen, Denmark, pp. 79–93.
- Ellehoj, Sven (1965), *Studier over den ældste norrøne historieskrivning* (Bibliotheca Arnamagnæana XXVI), Munksgaard, Copenhagen, Denmark.
- Ellehoj, Sven (1966), “Omkring Knýtlingas kilder”, *Middelalder studier tilegnede Aksel E. Christensen på tresårsdagen 11. September 1966*, ed. by T.E. Christiansen et al. Munksgaard, Copenhagen, Denmark, pp. 39–56.
- Finnur Jónsson (1900), “Knytlingasaga, dens Kilder og historiske Værd”, *Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskabs Skrifter*, 6 Rk., Hist.-Phil. Afd. 6, nr. 1, pp. 1–41.
- Gurevich, A.Ya. (1972), *Istoriya i saga* [History and saga], Nauka, Moscow, Russia.
- Gurevich, E.A. and Matyushina, I.G. (1999), *Poeziya skal'dov* [Skaldic poetry], RGGU, Moscow, Russia.
- Haki Antonsson (2018), “King Knútr the Great in the Early Scandinavian Histories”, *Scandinavica*, vol. 57, pp. 39–66.

- Hallberg, Peter (1963), *Óláfr Þórðarson hvítaskáld, Knýtlinga saga och Laxdæla saga. Ett försök till språklig författarbestämning*, Háskóla Íslands, Reykjavík, Iceland (Studia Islandica 22.)
- Hallberg, Peter (1965), “Óláfr Þórðarson hvítaskáld, Knýtlinga saga och Laxdæla saga. En motkritik”, *Arkiv för nordisk filologi*, vol. 80, pp. 123–56.
- Hallberg, Peter (1968), *Stilsignalement och författarskap i norrön sagalitteratur. Synpunkter och exempel*, Almqvist and Wiksell, Göteborg, Sweden.
- Heller, Rolf (1965), “Laxdæla saga und Knytlinga saga. Studien über die Beziehungen zwischen den beiden Sagas”, *Arkiv för nordisk filologi*, vol. 80, pp. 95–122.
- Heller, Rolf (1969), “Knytlinga saga: Bemerkungen zur Entstehungsgeschichte des Werkes”, *Arkiv för nordisk filologi*, vol. 82, pp. 155–74.
- Jackson, T.N. (1983), “On the creative activity of the author of *Heimskringla* (The problem of the author’s presence in the narrative)”, *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya. 1981 god*, Nauka, Moscow, Russia, pp. 147–174.
- Ólafur, Halldórsson (2000), *Danish kings and the Jomsvikings in the Greatest saga of Óláfr Tryggvason*, University College London, London, UK.
- Petrulevich, Alexandra (2016), *Ortnamnsanpassning som process: En undersökning av vendiska ortnamn och ortnamnsvarianter i Knýtlinga saga*, Uppsala Universitet, Uppsala, Sweden.
- Phelpstead, Carl (2005), “Converting to Europe: Christian Themes in *Knýtlinga saga*”, *Viking and Medieval Scandinavia*, vol. 1, pp. 163–77.
- Sigurður Nordal, (1953), “Sagalitteraturen”, *Litteraturhistorie. B: Norge og Island, Nordisk kultur VIII B*, Almqvist and Wiksell, Stockholm, Oslo, København, Sweden, pp. 180–273.
- Storm, G. (1873), *Snorre Sturlassöns Historiekrivning: En kritisk Undersøgelse*, Bianco Lunos Bogtrykkeri, Copenhagen, Denmark.
- Uspenskii, F.B. (2003), “A manifestation of authorship in the *Íslendinga bók* by Priest Ari Thorgilsson”, *Vostochnaya Yevropa v drevnosti i srednevekov’ye. XV Chteniya pamyati V.T. Pashuto*, IVI RAN, Moscow, Russia, 2003, pp. 254–258.
- Zernak, Ju. (2000), “Knýtlinga saga”, *Reallexikon der germanischen Altertumskunde*, De Gruyter, Berlin, Germany, vol. 17, pp. 68–70.

Информация об авторе

Татьяна Н. Джаксон, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр., д. 32а; Tatjana.Jackson@gmail.com-

Information about the author

Tatjana N. Jackson, Dr. of Sci. (History), Russian Academy of Sciences Institute of World History, Moscow, Russia; bld. 32a, Leninskii Avenue, Moscow, Russia, 119334; Tatjana.Jackson@gmail.com

УДК 82-131

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-58-72

Неуклюжая сага: повторы и неоднородная композиция в «сагах об исландцах»

Дарья С. Глебова

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия,

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия, darsgleb@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается несколько саг об исландцах (*Íslendingasögur*), нарратив которых целиком или частично построен на композиционном повторе: повторении последовательности из нескольких мотивов. Приводится анализ таких повторов и выделяется их функция в композиции саги в зависимости от особенностей повествования – причинно-следственного нарратива или эпизодического. Так, если в эпизодическом повествовании композиционный повтор помогает составителю саги организовать материал, то в последовательном рассказе он способствует выделению кульминационного момента конфликта. Такой подход позволяет дифференцировать саги с точки зрения характера композиционного повтора, а также уточнить представление о нарративном инструментарии составителей саг об исландцах в письменную эпоху.

Ключевые слова: древнеисландские саги, саги об исландцах, композиционный повтор, композиция саги, нарратив саги

Для цитирования: Глебова Д.С. Неуклюжая сага: повторы и неоднородная композиция в «сагах об исландцах» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 1. С. 58–72. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-58-72

Clumsy Sagas: Repetitions and Loose Structure in the “Sagas of Icelanders”

Daria S. Glebova

Russian Academy of Sciences Institute for Slavic Studies, Moscow, Russia,

National Research University “Higher School of Economics”,

Moscow, Russia, darsgleb@gmail.com

Abstract. This paper examines several sagas of Icelanders (*Íslendingasögur*) that are fully or partly based on recurring motif sequences, i.e. their narratives include repetitions of the same sequence of situations in different contexts.

© Глебова Д.С., 2021

Analysis shows that the function of repetitive structures can depend on their narrative environment, whether the narrative is hypotactic (tense and motivated) or paratactic (loose and episodic). Thus, while in a paratactic narrative the recurring motif sequence can help the narrator to organise his material, in a coherent hypotactic narrative it plays an aesthetic role and functions as a device for stressing the conflict. This approach can be used to differentiate *Íslendingasögur* in so far as structural repetition is concerned and also to shed light on the narrative art of written sagas.

Keywords: Medieval Icelandic sagas, Sagas of Icelanders, saga narrative, saga composition, repetitions

For citation: Glebova, D.S. (2021), “Clumsy Saga: Repetitions and Loose Structure in the ‘Sagas of Icelanders’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 1, pp. 58–72, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-58-72

В сагах часто встречаются повторы мотивов в определенной последовательности – герои могут оказываться в подобных ситуациях или определенная композиционная структура повторяется в рассказе о разных людях¹. Композиция одной части саги может повторяться в другой; повторы ситуаций могут скапливаться только в одном фрагменте саги. Особый интерес вызывают функции и происхождение таких композиционных повторов: обусловлены ли они эстетикой или нарративной прагматикой (например, необходимостью собрать разрозненный материал в одно длинное повествование)? Для того чтобы дать ответ на поставленный вопрос, рассмотрим несколько примеров композиционных повторов в родовых сагах и попытаемся описать различия в условиях их появления.

Композиционный повтор в эпизодическом повествовании

1. Зеркальная композиция и разрозненность

Повторы последовательностей из мотивов встречаются в сагах, за которыми закрепилась слава «неуклюжих», где как минимум часть повествования может показаться громоздкой и разрозненной.

¹ В работах о композиционных повторах в сагах об исландцах нередко рассматриваются индивидуальные саги, см., напр., «Сага о Ньяле» в [Cook 2001]. Внимание исследователей привлекали также композиционные повторы и в других типах древнеисландской прозы, например в королевских сагах (в «Саге об Инглингах» [Мельникова 2003]) и в легендарных сагах [Глазырина 2001].

Так, например, в «Саге о Бьёрне, герое из долины Хит» (*Vjarnar saga Hítðælakappa*) выделяется мотивная схема, которая используется сначала в норвежской части саги, когда скальды Бьёрн Арнгейрссон и Торд Кольбейнссон встречаются в Норвегии при дворе ярла Эйрика и у Олава Харальдссона, а позднее повторяется в исландской части, т. е. в рассказе после возвращения Бьёрна в Исландию. Повествование проходит следующие этапы: «Конфликт и встреча», «Совместная зимовка», «Новый конфликт», «Насилие», «Бьёрн получает поддержку союзника Торда», «Посредничество общего союзника при заключении мировой между Тордом и Бьёрном», «Кульминация», «Обвинение Торда при участии Оддню»². При этом для норвежской части характерна особая мотивированность и последовательность: сватовству Бьёрна к Оддню предшествует указание на их взаимное любовное влечение и общественное одобрение их союза (гл. 1); поездке в Норвегию – указание на интерес Бьёрна к норвежцам, которые остановились у его приемного отца, Скули (случаев такой мотивации в норвежской части повествования можно найти немало). Особенно показательны примеры, в которых желание рассказчика мотивировать происходящее начинает противоречить здравому смыслу. Так, Торд едет в Норвегию два раза, и для обеих поездок приводится одна и та же причина – рассказчик указывает на желание Торда получить наследство от его родича в Роскильде, Хрои Богача:

Þat sama sumar kom skip af Nóregi snimma sumars í Straumfjörð. Þórðr Kolbeinsson reið til skips ok varð viss, at kaupmenn ætluðu at fara tvívegis, ok því keypti hann part í skipi ok lýsti yfir útanferð sinni. Þórðr átti frænda þann í Danmörku, er Hrói inn auðgi hét. Hann var í Hróiskeldu ok átti þar garð; átti Þórðr at taka arf allan eptir hann (Vjarnar saga. Kap. 3. Bls. 115).

Тем же летом пришел в Страумфьёрд корабль из Норвегии, ранним летом. Торд сын Кольбейна поехал к кораблю и проведал, что торговцы собирались сразу возвращаться назад, и потому выкупил часть корабля, и заявил о своем отъезде. *У Торда был там родственник, в Дании, которого звали Хрои Богач. Он жил в Роскильде и владел там усадьбой. Надо было Торду получить от него наследство.*

Þat er nú til tíðenda sagt, at Þórðr Kolbeinsson spyr þau tíðendi, at Hrói hinn auðgi, móðurbróðir hans, var andaðr; Þórðr átti at taka arf eptir hann. Nú kaupir hann skip ok ætlar at fara utan á vit fjárens (Vjarnar saga. Kap. 7. Bls. 126).

² Схема композиции «Саги о Бьёрне» представлена и проанализирована в опубликованной ранее статье [Глебова 2018].

А теперь сказано, что Торд Кольбейнссон узнает о том, что Хрои Богач, его дядя, умер. Торду надо было получить от него наследство. Вот покупает он корабль и собирается уезжать за деньгами.

Однако нельзя не заметить, что Хрои пришлось бы умереть дважды для того, чтобы Торд дважды поехал в Норвегию и дважды получил его наследство; кроме того, в первом путешествии Торд совсем не заезжает в Данию³. При всей абсурдности ситуации двукратное повторение этой мотивировки вполне встраивается в общий стиль повествования норвежской части, для которого решительно невозможно отправить Торда в Норвегию без видимой цели.

Вторая часть саги резко меняется, так как тотальная мотивация исчезает – в гл. 12–14 события выстраиваются, следуя друг за другом без четкой связи, по принципу паратаксиса. С 15-й главы (по *ÍF*) разрозненность сменяется параллелизмом: вот Торда кусает тюлень, и Бьёрн сочиняет об этом вису, вот Бьёрн прикасается руками к новорожденному теленку, и уже Торд отзывается висой, вот Торд обнаруживает у себя древесный нид (*treníð*), и за этим следует виса от Бьёрна. Затем, в главах 18–20, Бьёрн трижды активизирует закон о снятии иммунитета (*óheilagr*), дважды убив подосланных Тордом убийц и один раз – почти неповинного Торкеля Далкссона за цитирование нида, сочиненного Тордом о Бьёрне. После этого следует еще несколько параллельных эпизодов (гл. 21–24): Бьёрн и Торд обвиняют друг друга в укрытии людей вне закона, сочиняют параллельные висы на конских боях, поднимают друг на друга оружие. Затем на Бьёрна трижды нападают группы убийц от Торда (гл. 24–26). Здесь внезапно появляется фигура Торстейна Куггасона, которому не удастся мировая между Тордом и Бьёрном и который позже будет защищать интересы Бьёрна посмертно на финальном тинге – при этом для фрагмента с его участием характерна последовательность и сцепленность эпизодов, действия героев мотивируются. Наконец, все эти события ведут к финальному столкновению, в котором Бьёрн героически умирает.

Так, в «Саге о Бьёрне» разрозненные эпизоды второй части сцепляются двумя разными способами. С одной стороны, как справедливо отметила английская исследовательница Элисон Финли, столкновения Бьёрна и Торда с момента возвращения в Исландию выстраиваются в нарративный ряд, организованный по принципу нарастания агрессии [Finlay 1990–1993]. С другой

³Элисон Финли этот повтор называет «техническим» (*technical*), случайным [Finlay 2000, p. 6].

стороны, этот ряд разворачивается на фоне зеркального повторения композиции норвежской части саги. Сюжет, заданный этой схемой, позволяет нюансировать повествование, представив его не просто цепочкой столкновений, но полноценной драмой, в которой Торд обвиняется дважды – то непосредственно устами Одню, то при ее участии.

В целом это желание выстроить одну историю по модели предыдущей кажется естественным для сагового нарратива – так часто организована композиция саг о нескольких поколениях, когда герои проходят тот же путь, что и их предки⁴. Можно предположить, что аналогичным образом осмысляется и история Торда и Бьёрна – ее повторение может быть обусловлено стремлением провести параллели с тем, что уже было, а не только желанием связать разрозненный материал в единый рассказ.

2. Линейная и цикличная части саги

В сагах, известных своей разрозненностью, композиционные повторы могут быть также менее масштабными: циклично может развиваться только одна часть повествования. Такая композиция встречается в «Саге об Эгиле» (*Egils saga Skallagrímssonar*), которую не раз называли «неказистой» [Tulinus 2014, p. 20–21]: после смерти Торольва Квельдильвссона в саге появляется так много на первый взгляд «лишних» деталей и эпизодов, что даже высказывалось предположение о ее гибридном авторстве [Vogt 1909, p. 58].

Как и в «Саге о Бьёрне», в «Саге об Эгиле» используются различные способы связать повествование. Если в рассказе о поколении отца Эгиля, Скаллаgrimма, все события сцепляются последовательно и закономерно ведут к смерти Торольва, то во второй части, в рассказе об Эгиле, эпизоды часто следуют обособленно, без ясных связей; не раз появляются эпизоды, которые как будто совсем не нужны. Например, может показаться, что появление рассказа о переселении Кетиля Лосося (гл. 23, *ÍF*) никак

⁴ Ср., например, композицию другой саги о поэтах, «Саги о Кормаке» (*Kormáks saga*), где Кормаке, как и его отец Огмунд, который побеждает на поединке с помощью заговора, несколько раз принимает участие в поединках, в связи с которыми упоминается или о волшебном действии, или о волшебном предмете. Следует заметить, что и для основной части «Саги о Кормаке» характерно непоследовательное повествование [O'Donoghue 1991, p. 1–7]. Однако важно, что в «Саге о Бьёрне» зеркальная композиция используется в рамках рассказа об одном поколении.

не повлияет на последующее повествование. Однако подобные «ненужные» эпизоды складываются в систему. Так, в повествовании после смерти Торольва Квельдульвссона, дяди Эгиля, было замечено несколько повторяющихся элементов. Это эпизоды с четырьмя различными людьми по имени Кетиль, среди которых: переселение Кетиля Лосося (гл. 23), переселение Кетиля Сони (гл. 39), появление Кетиля Хёда (гл. 56)⁵, переселение Кетиля Гувы (гл. 77). Ни один из этих персонажей не играет решающей роли в саге, однако после появления каждого следует последовательность мотивов: «Появление Кетиля Х», «Убийство», «Сын правителя в опасности», «Свадьба», «Убийство рабов/слуг» [Vjarni Einarsson 1975, p. 66; Tulinius 2014, p. 28–35]. История Эгиля Скаллаgrimссона проходит через это повторение цикла – как будто она основана не столько на событиях его собственной жизни, сколько на событиях внешних (на появлении Кетиля, убийстве рабов и т. п.).

Аналогичный пример циклизации одной части саги находим в «Саге о людях со Светлого Озера» (*Ljósvetninga saga*). Как и «Сага об Эгиле», это сага о двух поколениях – однако на этот раз циклами выстраивается рассказ первой части саги, о жизни Гудмунда Великого. Вплоть до смерти Гудмунда ее эпизоды, – некоторые из которых настолько обособлены, что их принято называть прядями, – сцеплены повтором одной мотивной последовательности: «Конфликт из-за женщины/женщин», «Дарение подарков», «Убийство/насилие», «Разрешение»⁶ (табл. 17).

⁵Кетиль Хёд появляется крайне редко: сначала говорится, что Кетиль – дружинник Эйрика Кровавая секира, а затем, что Эгиль убил его копьем, после чего завязывается битва между людьми конунга и Эгиля.

⁶Приведенный здесь анализ основывается на редакции С. Рукописная традиция «Саги о людях со Светлого Озера» характеризуется непростым соотношением ее двух редакций, А и С [Andersson Miller 1989, p. 64–74]. На протяжении долгого времени считалось, что три пряди редакции С являются поздней вторичной интерполяцией с беспорядочной логикой объединения – это мнение было оспорено Т.М. Андерссоном, который указал на единую тему первой части «Саги о людях со Светлого Озера», а также на возможные цитаты из прядей и основного текста саги в «Саге о Ньяле». Если это так, то редакция С в ее прядевой форме создается раньше «Саги о Ньяле» и существует уже к концу XIII в. [Ibid., p. 74].

⁷В таблице указываются только повторяющиеся элементы, хотя в каждом рассказе есть и вариативные мотивы. Ср. анализ «Пряди об Эймунде» Г.В. Глазыриной, которая заметила сходную организацию композиционной структуры – отдельные мотивные блоки повторяются, другие варьируют [Глазырина 2001].

Таблица 1

Главы ⁸	Конфликт из-за женщины/женщин	Подарки	Убийство/насилие	Разрешение
1–4	Солмунд забирает дочь Олвира без его согласия (гл. 1)	Солмунд высылает Гудмунду и Торгейру Вождю подарки из Норвегии (гл. 2)	Убийство Солмунда (гл. 2)	Тяжба после убийства Солмунда (гл. 3–4)
5–8	Сёрли навещает Тордис, дочь Гудмунда Великого, без его согласия (гл. 5)	Гудмунд получает подарки от Офейга (гл. 7)	Вёду-Бранд, сын Торкеля, stalkивается с норвежцем Хареком и убивает его (гл. 8)	Вёду-Бранд выплачивает компенсацию за Харека (гл. 8)
9–13	Вёду-Бранд остается зимовать у Торкеля, сына Гейти, и пристает к женщинам его дома (гл. 9)		Вёду-Бранд ранит человека из четверги Гудмунда (гл. 9)	Из-за Бранда начинается тяжба между Торкелем, сыном Гейти, и Гудмундом – мировая (гл. 10–13)
13–20	Гейрлауг в споре с Торлауг, женой Гудмунда, обвиняет Гудмунда в гомосексуализме (по слухам) (гл. 13)	Хельги дарит Гудмунду ценный плащ (гл. 13); Гудмунд дарит подарки Хельги; Гудмунд дарит ценный плащ своему брату Эйнару (гл. 14)	Гудмунд убивает одного из распространителей слуха, Торкеля Хека (гл. 18–19); двоюродный брат Торкеля Хека убивает человека Гудмунда, из-за чего Гудмунд почти сжигает своего собственного сына, но в последний момент отказывается (гл. 20)	Гудмунд выплачивает компенсацию за Торкеля Хека (гл. 19)

⁸Номера глав даны по изданию (Ljósvefninga saga).

Такое циклическое повествование исчезает после смерти Гудмунда: в рассказе о жизни его детей нарратив выстраивается последовательно, т. е. так же, как и в первых частях «Саги об Эгиле» и «Саги о Бьёрне». Таким образом, и в «Саге об Эгиле», и в «Саге о людях со Светлого Озера» последовательное повествование сочетается с разрозненным, которое, однако, организовано циклическим образом. При этом можно заметить, что в обоих случаях рассказ о главном герое (Гудмунд, Эгиль) вписан в повторяющиеся циклы внешних событий. Это отличает данные примеры от зеркальной композиции в «Саге о Бьёрне» и похожих на нее случаев, где с помощью композиционного повтора организуется жизнь самих героев или поколений рода.

Не очень ясно, почему именно в «Саге об Эгиле» и «Саге о людях со Светлого Озера» происходит замена линейности на цикличность, и наоборот. Возможно, эта особенность объясняется близостью этих саг к сагам королевским. Так, Т.М. Андерссон предположил, что «Сага о людях со Светлого Озера» больше укоренена в «политических» (термин М. Берман) и королевских сагах, чем в сагах родовых [Andersson 1989, p. 96]. В свою очередь, для королевских саг характерны фрагменты повествования, состоящие из малосвязанных между собой прядей и эпизодов⁹. Можно предположить, что композиционные повторы были одним из инструментов составителя письменной родовой саги, используемых для преодоления разрозненности, характерной для традиции королевских саг. Не исключено, что таким образом можно было бы объяснить и случай циклизации истории Эгиля, однако такое предположение требует более подробного исследования.

Композиционный повтор в эстетической роли

До сих пор рассматривались случаи, когда композиционный повтор так или иначе помогал организовать разрозненное повествование, т. е. имел функцию прагматическую. Можно предположить, что параллелизм последовательностей из ситуаций в отдельных случаях имеет в сагах эстетическую роль.

⁹Опираясь на наблюдения об эволюции повествования в королевских сагах, Андерссон предположил, что все саги об исландцах можно было бы датировать, классифицировав их по критерию большей и меньшей неоднородности. Если согласиться с его предположением, то наиболее разрозненные саги были бы более ранними, а более однородные соответственно более поздними [Andersson 2006].

Обратимся к «Саге о Курином Торире», в которой конфликт завязывается из-за того, что Кетиль Соня забирает у Курино Торира сено силой. Торир трижды просит влиятельных бондов о мести и наконец хитростью получает поддержку – Кетиль Соню сжигают. После этого сын Кетиль Сони, Херстейн, хочет мстить Куриному Торире. Он едет к трем бондам и каждый раз обманом добивается их помощи. В приведенном примере можно заметить параллелизм ситуаций: *кража сена у Торира – три поездки к бондам – сожжение Кетилья – три поездки к бондам* [Andersson 1967, p. 120]. Параллелизм становится еще более явным, когда мы замечаем, что при общении с бондами Торир и Херстейн используют схожие конструкции, в основе которых лежит одна формула: «₁нет + ₂иметь (hafa, v.) + ₃местоимение субъект действия + ₄теперь (nú, опционально) + ₅nýligr + ₆причастие в значении «новость» + ₇en (чем) + ₈обозначение новости»:

Поездка 1: Þórir svarar: “₁Ekki ₂hefi ₃ek ₄nú ₅nýligr ₆spurt ₇en ₈ránit”. (Hænsa-Þóris saga. Kap. 6. Bls. 17)

Поездка 2: “₁Ekki ₂hefi ₃ek ₅nýligr ₆frétt ₇en ₈ránit”. (Hænsa-Þóris saga. Kap. 6. Bls. 18)

Поездка 3: Отсутствие формулы.

Поездка 1: Отсутствие формулы.

Поездка 2: Þorkell segir, at ₃þeir ₂hafi nú ₁eigi ₆annat ₅nýligr ₆frétt ₇en ₈brennu Blund-Ketils (Hænsa-Þóris saga. Kap. 10. Bls. 30)

Поездка 3: Gunnarr svarar: “₁Ekki ₂höfum ₃vér ₄nú ₅nýligr ₆frétt ₇en ₈brennu Blund-Ketils bónda”. (Hænsa-Þóris saga. Kap. 11. Bls. 32–33)

Для рассказчика важно обязательно соблюсти зеркальную структуру. Ради этого он готов даже допустить и неточности¹⁰. Так, после сожжения Кетилья одна и та же формула используется в двух случаях «корыстной» помолвки: оба раза герои сначала сватают Херстейна за Турид, дочь Гуннара сына Хлив, а затем, когда помолвка совершена, оповещают влиятельного бонда о том, что Кетилья сожгли, и просят его о помощи. Существенно, что ситуация, когда помолвка проводится дважды, не встречается больше ни в каких источниках и может быть выдумкой рассказчика [Циммерлинг 2000, с. 313, сн. 27] – возможно, необходимой для сохранения параллельной структуры.

В отличие от рассмотренных ранее примеров, в «Саге о Курином Торире» разрозненные эпизоды отсутствуют, все события

¹⁰ См. схожую приверженность избранному стилю выше: обязательную мотивацию в «Саге о Бьёрне» в ее норвежской части.

развиваются по принципу причинно-следственных связей: Кетиль забирает сено, в ответ на это Торир ищет союзников, Кетиль сжигают. Очевидно, что в этой последовательности нет ничего лишнего. Прагматически композиционный повтор уже не нужен, так как повествование сцеплено причинно-следственными связями. Однако повтор здесь может иметь эстетическую функцию. Как кажется, параллелизм последовательности ситуаций появляется здесь уже как способ выделить кульминационный момент саги: кражу сена и последующее сожжение Кетилья Сони, распре после которого будет посвящено дальнейшее повествование.

Сходным образом организована кульминация и в «Саге о Гисли», известной своей сложной и в то же время максимально выверенной композицией¹¹. Повествование в саге развивается последовательно до момента, когда Торкель узнает о том, что его жене, Асгерд, нравится Вестейн. После этого все повествование вплоть до начала преследования Гисли Бёрком строится по принципу зеркального повтора одних и тех же мотивов – вслед за окончанием одной последовательности начинается новая (табл. 2).

Таблица 2

1) Переезд Торкеля: Торкель переезжает от Гисли к Торгриму	
2) Подготовка пира: Гисли готовит пир, на котором появляется копьё из Серого клинка	2) Подготовка пира: пир у Гисли и у Торгрима
3) Описание пути героя (подробное): Вестейн едет на пир к Гисли	3) Описание пути героя (подробное): Гисли идет в дом Торгрима
4) Проверка данных – шпионаж и официальная проверка: Ранвейг доносит Торгриму о появлении Вестейна у Гисли	
5) Убийство: смерть Вестейна	5) Убийство: смерть Торгрима
4) Проверка данных – шпионаж и официальная проверка: Гисли посылает Гудрид шпионить в дом Торгрима, чтобы узнать, не он ли виноват в смерти Вестейна	4) Проверка данных – шпионаж и официальная проверка: Торкель идет к Гисли узнать, не он ли виноват в смерти Торгрима

¹¹ Здесь наблюдения сделаны по варианту краткой редакции «Саги о Гисли» по изданию *Íslensk fornrit* (Gísla saga). См. подробнее о соотношении редакций [Lethbridge 2007, p. 59–70].

Окончание табл. 2

6) Похороны (подготовка к похоронам, подарок, разговор на кургане, план игр): похороны Вестейна	6) Похороны (подготовка к похоронам, подарок, разговор на кургане, план игр): похороны Торгрима
7) Игры: Гисли против Торгрима	7) Игры: Торкель и Бёрк против Гисли
	1) Переезд Торкеля: Торкель переезжает к Бёрку

Как можно заметить, в фрагменте об убийствах повторяется одна мотивная структура. Эта структура обрамлена эпизодом переезда Торкеля. Приверженность нарративным последовательностям не проявляется в других частях саги, только в той, которая связана с убийствами. Как и в «Саге о Курином Торири», где тот же самый прием используется в более простом виде, убийства оказываются кульминационным, переломным моментом саги – после них повествование разворачивается вокруг преследования Гисли, которое завершается эпической битвой и его смертью.

Выделение переломного момента с помощью композиционного повтора может быть укоренено в самой природе саг об исландцах, сосредоточенных вокруг правовых конфликтов и распрей: для распри естественна симметрия, когда насильственное действие должно быть соответствующе отплачено («зуб за зуб, око за око»). Отсюда желание выстроить рассказ об ответном действии по схеме первоначального события: месть Куриному Ториру выстраивается по плану, намеченному в рассказе о мести Торира Кетилу Соне; рассказ об убийстве Торгрима выстраивается по схеме убийства Вестейна.

* * *

Как было показано в статье, композиционный повтор в родовых сагах может появляться в разных условиях. С одной стороны, композиционный повтор может быть основой рассказа о двух и более этапах истории нескольких поколений рода (или одного, как показывает пример «Саги о Бьёрне»). С другой – симметричные цепочки ситуаций оказываются частью повествования о распрах – основной конфликт в них изображается как действие и симметричный ответ на него, после чего следует линейный рассказ о преследованиях и тяжбах. При этом сам момент конфликта оказывается выделенным особым видом повествования, основанным на композиционном повторе.

Между масштабным композиционным повтором, охватывающим несколько поколений, и эстетическим повтором, подчеркивающим конфликт, оказываются «Сага об Эгиле» и «Сага о людях со Светлого Озера». В этих сагах с помощью композиционного повтора организуется только одна из частей, для которой характерно разрозненное повествование. Возможно, в таких случаях композиционные повторы могут объясняться особенностями типа дискурса в целом – например, близостью этих саг к устройству саг королевских.

Публикация подготовлена в результате проведения работы (проект № 21-04-066) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2020 г. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2020 (grant № 21-04-066) and by the Russian Academic Excellence Project “5-100”.

Источники

- Bjarnar saga – Bjarnar saga Hítðælakappa / Sígurður Nordal, Guðni Jónsson gafu út. Reykjavík: Hið íslenska fórnritafélag, 1938. Bls. 111–211. (*ÍF – Íslensk Fornrit, Vol. III*).
- Gísla saga – Gísla Saga Súrssonar / Björn Þórólfsson, Guðni Jónsson gafu út. Reykjavík: Hið íslenska Fornritafélag, 1943. Bls. 1–118. (*ÍF – Íslensk Fornrit, Vol. VI*)
- Hænsa-Þóris saga – Hænsa-Þóris saga / Sígurður Nordal, Guðni Jónsson gafu út. Reykjavík: Hið íslenska fórnritafélag, 1938. Bls. 1–47. (*ÍF – Íslensk Fornrit, Vol. III*).
- Ljósvetninga saga – Glúma og Ljósvetninga saga / Guðmundur Þorláksson, Finnur Jónsson gafu út. Íslenskar fornsögur. Vol. 1. Copenhagen: Hið íslenska bókmenntafélag, 1880.

Литература

- Глазырина 2001 – Глазырина Г.В. О шведской версии «Пряди об Эймунде» // Горна у источника Судьбы: Сборник статей в честь Е.А. Мельниковой / Отв. ред. Т.Н. Джаксон. М.: Индрик, 2001. С. 61–69.

- Глебова 2018 – *Глебова Д.С.* К поэтике двухчастной саги: точка зрения и композиция в “*Bjarnar saga Hítðelakappa*” // Древнейшие государства Восточной Европы. 2016 год: Памяти Г.В. Глазыриной / Отв. ред. Т.В. Гимон, Е.А. Мельникова, Т.Н. Джаксон, А.С. Щавелев. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2018. С. 111–123.
- Мельникова 2003 – *Мельникова Е.А.* Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и «Сага об Инглингах») // Древнейшие государства Восточной Европы. 2001: Историческая память и формы ее воплощения / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: Восточная литература, 2003. С. 48–92.
- Циммерлинг 2000 – *Исландские саги* / Пер. и коммент. А.В. Циммерлинга. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Andersson 1967 – *Andersson Th.M.* The Icelandic Family Saga: An Analytic Reading. Cambridge: Harvard University Press, 1967.
- Andersson 2006 – *Andersson Th. M.* The Growth of the Medieval Icelandic Sagas (1180–1280). Ithaca: Cornell University Press, 2006.
- Andersson Miller 1989 – Law and Literature in Medieval Iceland: *Ljósvetninga Saga* and *Valla-Ljóts Saga* / Trans. by Th.M. Andersson, W.I. Miller. Stanford, CA: Stanford University Press, 1989.
- Bjarni Einarsson 1975 – *Bjarni Einarsson.* Litterære forudsætninger for Egils saga, Rit. 8. Reykjavík: Stofnun Árna Magnússonar á Íslandi, 1975.
- Cook 2001 – *Cook R.* The structure of *Njáls saga* // *Норна у источника Судьбы: Сборник статей в честь Е.А. Мельниковой* / Под ред. Т.Н. Джаксон и др. М.: Индрик, 2001. С. 206–213.
- Finlay 1990–1993 – *Finlay A. Nið,* Adultry and Feud in *Bjarnar saga Hítðelakappa* // *Saga-Book of the Viking. Vol. 23 (1990–1993).* P. 158–178.
- Finlay 2000 – *Finlay A.* The Saga of Bjorn, Champion of the Men of Hitardale. Enfield Lock: Hisarlik, 2000.
- Lethbridge 2007 – *Lethbridge E.* Narrative Variation in the Versions of *Gísla saga Súrssonar*. PhD thesis. Cambridge, 2007.
- O’Donoghue 1991 – *O’Donoghue H.* The Genesis of a Saga Narrative: Verse and Prose in *Kormaks Saga*. Oxford: English Monographs, 1991.
- Tulinus 2014 – *Torfi H. Tulinus.* The Enigma of Egill: the Saga, the Viking poet, and Snorri Sturluson / Transl. by V. Cribb. Ithaca: Cornell University Library, 2014.
- Vogt 1909 – *Vogt W.H.* Zur Komposition der Egils Saga. Kpp. I–LXVI. Görlitz: Hoffmann & Reiber, 1909.

References

- Andersson, Th.M. (1967), *The Icelandic Family Saga: An Analytic Reading*, Harvard University Press, Cambridge, USA.

- Andersson, Th.M. (2006), *The Growth of the Medieval Icelandic Sagas (1180–1280)*. Cornell University Press, Ithaca, USA.
- Andersson, Th.M. and Miller, W.I. (1989), *Law and Literature in Medieval Iceland: Ljósvetninga Saga and Valla-Ljóts Saga*, transl. by Th.M. Andersson, and W.I. Miller. Stanford University Press, Stanford, CA, USA.
- Bjarni Einarsson (1975), *Litterære forudsætninger for Egils saga*, vol. 8, Stofnun Árna Magnússonar á Íslandi, Reykjavik, Iceland.
- Cook, R. (2001), “The structure of *Njáls saga*”, Jakson T.N. (ed.), *Norma u istochnika Sud’by. Sbornik statei v chest’ E.A. Mel’nikovoi* [Norn at the source of fate. The collection of papers in honor of E.A. Melnikova], Indrik, Moscow, Russia, pp. 206–213.
- Finlay, A. (1990–1993), “Nið, Adultry and Feud in ‘Bjarnar saga Hítðælakappa’”, *Saga-Book of the Viking Society*, vol. 23, pp. 158–178.
- Finlay, A. (2000), *The Saga of Bjorn, Champion of the Men of Hitardale*, Hisarlik, Enfield Lock, UK.
- Glazyrina, G.V. (2001), “On the Swedish Verison of the ‘Eymundar þáttur’”, Jakson T.N. (ed.), *Norma u istochnika Sud’by. Sbornik statei v chest’ E.A. Mel’nikovoi* [Norn at the source of fate. The collection of papers in honor of E.A. Melnikova], Indrik, Moscow, Russia, pp. 61–69.
- Glebova, D.S. (2018), “To the Poetics of the Bipartite Saga: Point of View and Composition of ‘Bjarnar saga Hítðælakappa’”, T.V. Guimon, T.N. Jackson, E.A. Melnikova, A.S. Shchavelev (eds.), *The Earliest States of Eastern Europe. 2016: Galina V. Glazyrina: in memoriam*, Dmitry Pozharsky University, Moscow, Russia, pp. 111–123.
- Lethbridge, E. (2007), *Narrative Variation in the Versions of “Gísla saga Súrssonar”*, PhD thesis, University of Cambridge, UK.
- Mel’nikova, E.A. (2003), “Historical Memory in Oral and Written Traditions (The ‘Tale of the Bygone Years’ and ‘Ynglinga Saga’)”, E.A. Melnikova (ed.), *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2001: Istoricheskaya pamyat’ i formy ee voploshcheniya* [The Earliest States of Eastern Europe. 2001: Historical Memory and Its Manifestations], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia, pp. 48–92.
- O’Donoghue, H. (1991), *The Genesis of a Saga Narrative: Verse and Prose in Kormaks Saga*, English Monographs, Oxford, UK.
- Torfi H. Tulinius (2014), *The Enigma of Egill: the Saga, the Viking poet, and Snorri Sturluson*, transl. by V. Cribb, Cornell University Library, Ithaca, USA.
- Vogt, W.H. (1909), *Zur Komposition der Egils Saga, Kpp. I–LXVI*, Hoffmann & Reiber, Görlitz, Germany.
- Zimmerling, A.V. (2000), *Islandskie sagi* [The Icelandic Sagas], transl. and commentary by A.V. Zimmerling, Yazyki russkoi kul’tury, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Дарья С. Глебова, аспирант, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия; 1119991, Россия, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А;
преподаватель Школы филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 105066, Россия, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 3; darsgleb@gmail.com

Information about the author

Daria S. Glebova, postgraduate student, Russian Academy of Sciences Institute for Slavic Studies, Moscow, Russia; bld. 32 A, Leninskii Avenue, Moscow, Russia, 119991;
lecturer, School of Philological Studies, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia; bldg. 3, bld. 21/4, Staraya Basmannaya Street, Moscow, Russia, 105066; darsgleb@gmail.com

Скальдическая поэзия

УДК 82-131

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-73-85

Игра с каноном как иконический прием в поэзии скальдов

Денис А. Голованенко

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия,
ventofavente@gmail.com*

Фёдор Б. Успенский

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия;
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия,
fjodor.uspenskiy@gmail.com*

Аннотация. Настоящая статья посвящена выявлению и анализу образчиков иконичности в отдельных произведениях скальдов. В своей статье мы будем понимать под иконичностью стремление скальда добиться невербального эффекта вербальными средствами. При этом речь пойдет о некоторых поэтических приемах, по определению лишенных универсальности, не объединяющихся по своей внутренней структуре ни в какую целостную группу. Характеристика таких явлений не может быть легкой, потому что они находятся на грани того, что поддается формализации, и того, что ей практически не подлежит. Из всего разнообразия подобного рода штучных, порой уникальных, а зачастую почти окказиональных средств оформления поэтического текста нас будут интересовать более всего те, что участвуют в создании непосредственных зрительных или акустических образов.

Ключевые слова: иконичность, скальдическая поэзия, поэтика, средневековая поэзия, Скандинавия

Для цитирования: Голованенко Д.А., Успенский Ф.Б. Игра с каноном как иконический прием в поэзии скальдов // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 1. С. 73–85. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-73-85

© Голованенко Д.А., Успенский Ф.Б., 2021

Playing with the Canon as an Iconic Device in Skaldic Poetry

Denis A. Golovanenko

*National Research University "Higher School of Economics",
Moscow, Russia, ventofavente@gmail.com*

Fedor B. Uspenskii

*V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia;
National Research University "Higher School of Economics",
Moscow, Russia, fjodor.uspenskiy@gmail.com*

Abstract. The main aim of the present paper is to identify and analyse the examples of iconicity in skaldic poetry. In our paper, we understand iconicity to mean a skald's desire to achieve a non-verbal effect by verbal means. The poetic devices that will be considered here do not, by definition, possess universality, do not form any integral group based on their internal structure. It cannot be a trivial task to characterise such phenomena, for they are found on the boundary between what can be formalized and what is beyond it. Across the spectrum of those singular, sometimes unique and often almost occasional, means of shaping the poetic text we shall be looking mostly into those participating in the creation of immediate visual or acoustic images.

Keywords: iconicity, skaldic poetry, poetics, medieval poetry, Scandinavia

For citation: Golovanenko, D.A. and Uspenskii, F.B. (2021), "Playing with the Canon as an Iconic Device in Skaldic Poetry", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 1, pp. 73–85, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-73-85

Мысль о том, что скандинавская скальдическая поэзия была своеобразной лингвистической лабораторией, а сами скальды – стихийными, но весьма изощренными лингвистами, на сегодняшний день звучит почти тривиально. Характерно, что в их работе уровень конвенциональности, присущей языковому знаку как таковому, обыкновенно возрастает в несколько раз. Так, фонетическая оболочка, используемая в простой речи для обозначения жужжащего насекомого, может быть при соблюдении некоторых условий соотнесена с огромной птицей, и это не художественная метафора, продукт индивидуального авторского усилия, и не метафора общеязыковая, но лишь результат соблюдения некоторых вполне определенных семантических правил сложения кеннинга,

одной из главных единиц скальдической поэтики. Как известно, стандартный кеннинг не стремится уточнить, детализировать и расцветить зрительный образ того, к чему применен, спровоцировать у слушателя конкретное впечатление от конкретных свойств объекта или ситуации. Здесь достаточно вспомнить классические примеры его демотивированности, когда *вязом битвы* или *дробителем золотых обручей* может быть назван любой человек мужского пола – князь, простой ополченец, герой, трус, батрак на хуторе, зажиточный бонд или нищий.

Современному читателю приходится потратить столько сил на осознание этой особенности скальдического высказывания, что он может легко пропустить случаи проявления обратной тенденции, тем более что они весьма редки, нерегулярны и неединообразны и могут быть реализованы только на общем фоне повышенной конвенциональности. Тем не менее нам представляется важным продемонстрировать ряд эпизодов, когда скальд стремится напрямую уподобить языковые знаки, которые он создает, тому миру, который он изображает – не только описывая его, но пытаясь напрямую дать слушателю возможность его почувствовать. Такое внезапное понижение градуса конвенциональности – более существенное, чем то, что доступно в обычной речи – оказывается возможным, в частности, благодаря высокой сложности и чрезвычайной устойчивости формы скальдического стиха, а также отменной компетентности аудитории, умеющей мгновенно воспринимать подобные тексты на слух и сразу же ощущать малейшие колебания метрического канона.

При этом приходится помнить, что средства, применяемые скальдом для создания такого рода эффекта иконичности, по определению лишены универсальности и по своей внутренней структуре не объединяются ни в какую целостную группу. Как правило, ни в традиции в целом, ни даже в творчестве отдельного скальда они не тиражируются до масштабов приема. Характеристика подобных явлений не может быть простой и очевидной, потому что они находятся на грани того, что поддается формализации, и того, что ей практически не подлежит. Продемонстрировать, что мы вкладываем в понятие иконичности, и убедить читателя, что в скальдическом тексте она действительно есть, легче всего, отталкиваясь от конкретных казусов.

Первый из них, вися оркнейского ярла Рёгнвальда Кали, требует, пожалуй, меньше всего комментариев в силу своей прозрачности. В 1151 г. ярл со своими людьми отправляется в паломничество в Иерусалим, но их корабли терпят крушение у Шетландских островов. Им удается найти приют на хуторе неподалеку:

Þá vóru gjörvir fyrir þeim eldar stórir; ok bökuðust þeir við eldana. Ása hét heima-kona; Hón gèkk út til vatn, ok önnur kona með henni. En [er] þær kvomu til vatnins, steiptist Ása í brunninn í fjúkinu; en hon hljóp heim kalin mjök, ok mælti í skjálptanum; ok skildu men eigi hvat hon mælti. Jarl kveðst skilja túngu hennar, ok kvað: (Orkn. 1887, p. 151).

(Тогда развели большие огни, и они отогревались у них. Асой звали одну работницу. Она пошла наружу за водой, и другая работница вместе с ней. На улице был буран, и, когда они подошли к роднику, Аса упала в воду. Она прибежала домой очень замерзшая и говорила заикаясь, но никто не мог понять что. Ярл сказал, что понимает ее, и произнес:)

Dúsið ér, en Ása

– *atatata* – *liggr í vatni*,

– *hutututu* – *hvar skalk sitja?* –

– *heldrs mér kalt* – *við eldinn* (Orkn. 1887, p. 151).

(Вы <сидите> спокойно у огня, а Аса – *atatata!* – лежит в воде – *хутутуту!* Где мне сесть? Мне довольно холодно).

Как видно, основным прием, используемый здесь Рёгнвальдом, – это звукоподражание: речь трясущейся от холода служанки ярл воспроизводит с помощью междометий, *atatata* и *hutututu*. Существенно, однако, то обстоятельство, что эти междометия не просто отсылают к ситуации произнесения висы, пародируя одного из ее участников, но встраиваются в размер стиха: *atatata* создает и необходимую аллитерацию в первых двух строках (выделено курсивом), и рифму – во второй (выделено полужирным); аналогично функционирует и *hutututu*. Речь Асы, таким образом, будучи включенной в метрическую структуру висы, приобретает уже самостоятельное существование и становится поэтическим аналогом речи Асы, стоящей перед ярлом.

Второй пример, который мы хотели бы рассмотреть, – это виса исландского скальда Х в. Кормака Эгмундарсона, героя одноименной саги. Именно из нее нам известны и строфа, и обстоятельства ее сочинения; кратко их можно изложить следующим образом: по дороге на горные пастбища Кормак и пастух Гости останавливаются на ночь на хуторе Тунга, где в то время воспитывалась девушка по имени Стейнгерд, которая впоследствии станет роковой любовью скальда и сыграет драматичную роль в его жизни. Гости расположились в зале перед огнем, а затем

Um kveldit gekk Steingerðr frá dyngju sinni ok ambátt með henni. Þær heyrðu inn í skálann til ókunnra manna. Ambáttin mælti: “Steingerðr mín, sjám vit gestina.” Hon kvað þess enga þörf ok gekk þó at hurðunni ok sté upp á þreskjöldinn ok sá fyrir ofan hlaðann; rúm var milli hleðans og þreskjaldarins; þar kómu fram fœtr hennar. Kormákr sá þat ok kvað vísu: (Korm., p. 207)

(Вечером Стейнгерд вышла из своей каморки, и с ней была ее служанка. Они услышали незнакомые голоса в зале. Служанка сказала: «Стейнгерд, дорогая, посмотрим на гостей». Та ответила, что в этом нет нужды, но все-таки подошла к двери, встала на порог и заглянула под перегородку. Между порогом и перегородкой был промежуток, и в нем были видны ее ноги. Кормаке заметил это и произнес вису:)

Nú varðk mér í mínu
 (menreið) jótuns leiði
 (réttumk ristín) snótar
 ramma óst fyr skömmu;
 þeir munu fœtr að fári
 fald-Gerðar mér verða
 (alls ekki veitk ella),
 optarr an nú (svarra) (B1, p. 70)

(Вот появилась с недавних пор в моем ветре великанши [ДУХ] сильная любовь; носительница ожерелий [ЖЕНЩИНА=Стейнгерд] протянула в мою сторону стопу. Ноги Герд шапки [ЖЕНЩИНА=Стейнгерд] будут мне к опасности чаще, чем сейчас; ничего другого не знаю о деве).

Однако прежде чем перейти непосредственно к анализу этой висы, необходимо в самых общих чертах напомнить читателю о правилах скальдического стихосложения, потому что, именно актуализируя особенности поэтической формы, Кормаку удается создать словесный эквивалент действительности.

Дротткветт – размер, которым сложены висы Кормака, а также большая часть известных нам стихов других скальдов, – подразумевает строгую систему формальных правил¹. Дротткветтная строфа состоит из восьми строк, разделяемых на четные и нечетные; каждая из них содержит в общем случае шесть слогов, три из которых должны нести метрическое ударение. Обязательно ударными являются предпоследний слог каждой строки и первый слог четных строк – они же участвуют в создании аллитерации.

¹ Более подробно о них в [Clunies Ross 2012, pp. LVII–LXIV], [Гуревич, Матюшина 1999], [Frank 1978].

В поэзии скальдов аллитерация является одним из ключевых (наряду с внутренними рифмами, хендингами) способов звуковой и метрической организации поэтического материала. Она охватывает собой две соседние строки, нечетную и четную: первая должна содержать два аллитерирующих слога, в то время как вторая – так называемый главный слог (*hofudstafr*). В данном случае, как видно, первые шесть строк последовательно связаны аллитерацией на согласные: **mér, mínu | menreið; réttumk, ristín | ramma; fætr, fári | fald**, смещающейся в седьмой и восьмой строках на гласные: **alls, ella | oftar**. Сама по себе аллитерация на гласные несколько не противоречит требованиям размера, однако ее появление именно в конце этой строфы, как кажется, обусловлено внетекстовой реальностью. Вспомним, как организовано пространство, в котором находятся Кормак и Стейнгерд: сам скальд и Гости сидят у огня в зале; этот зал ограничен дверью, открывающейся сверху вниз; за этой дверью, не закрытой до конца, стоит Стейнгерд – так, что в промежутке виднеется нижняя часть ее ног.

В висе Кормака можно усмотреть точное воспроизведение описанной ситуации: первые шесть строк, аллитерирующие на согласные, выступают в качестве незакрытой твердой двери, за которой следует пустое пространство, обозначенное гласными. В пользу этого предположения говорят, во-первых, сильно, по сравнению с соседними, просодически нагруженная шестая строка (типа D4: // x | \ / x, где / обозначает полное ударение, \ – второстепенное, и x – безударный слог), как бы ограничивающая «дверь», во-вторых, – слово «девушка» (*svagra*), расположенное в этом промежутке, и при этом последним, и, наконец, в-третьих, – использование того же средства в следующей висе Кормака, сложенной практически сразу же вслед за предыдущей:

Nú finnr Steingerðr, at hon er sén; snýr nú í skotit ok sér undir skegg Hagbarði. Nú berr ljós í andlit henni. Þá mælti Tósti: “Kormákr, sér þú augn útar hjá Hagbarðs-höfðinu?”

Kormákr kvað vísu: (Korm., p. 208)

(Тогда Стейнгерд замечает, что ее увидели; она отскакивает в сторону и садится под бородой Хагбарда. Но вот на ее лицо падает свет. Тогда Гости сказал: «Видишь ли ты, Кормак, глаза там снаружи, под головой Хагбарда?»

Кормак произнес вису:)

**Brunnu beggja kinna
björt ljós á mik drósar
(oss hlœgir þat eigi)**

eldhúss of við feldan,
 en til okla svanna
 ítrvaxins gatk líta,
 (þrú muna oss of ævi
 eldask) hjá þreskeldi (B1, p. 70)

(Сверкнули мне яркие огни обеих щек [ГЛАЗА] девушки из-за упавшего [=дерева] палаты [ДВЕРЬ]; это нас не веселит; а на лодыжку благородно сложенной девы смог я посмотреть на пороге; желание наше никогда не состарится).

Здесь на согласные аллитерируют только первые две строки, в то время как во всех шести последующих созвучие создается с помощью гласных. На наш взгляд, изменение схемы аллитерации строфы может быть связано с изменением положения Стейнгерд: как и в предыдущей висе, согласные выступают здесь звуковым аналогом преграды, тогда как гласные – пустого неосвященного пространства, в котором прячется девушка. После того, как она приседает, объем этого пространства увеличивается, – в висе же Кормака новое положение Стейнгерд передается с помощью формальных средств, шести аллитерирующих на гласные строк подряд.

Нужно сказать, что время создания саги о Кормаке и аутентичность приведенных в ней вис не раз становились предметом дискуссий². И несмотря на то что аргументы тех исследователей, которые относят и сагу, и висы в ней к XIII в., представляются нам недостаточно вескими, – мы полагаем, что даже в том случае, если бы они были правы, это обстоятельство не противоречило бы нашей идее – о том, что в самых своих основных принципах скальдическая поэзия потенциально иконична. В данном случае не существенно, сопровождал ли висы Кормака прозаический комментарий изначально, считал ли его замысел составитель саги в XIII в. или сочинил эти висы сам – необходимым условием для того, чтобы любой из перечисленных сценариев осуществился, является сама возможность подобного применения поэтической формы.

Аутентичность нашего третьего примера подвергается меньшим сомнениям – это известная виса Халльфреда Трудного Скальда о мече, произнесенная перед его патроном, конунгом

²Если изображать эту дискуссию схематично, один из полюсов мнений представлен в ней исследователями, которые вслед за Теодором Мёбиусом и Финнуром Йоунссоном выводят и сагу, и висы из древней устной традиции, в то время как второй – теми, кто, подобно Бьярни Эйнарсону, видят в них результат работы одного автора XIII в. Подробнее см.: [O'Donoghue 1991, p. 7–16].

Олавом Трюггвасоном. Упомянутый меч Халльфред получает от Олава либо в награду за драпу о конунге (в отдельной саге о Халльфреде), либо в награду за имя Трудный Скальд, которое ему также дает конунг [вариант саги, включенный в «Большую сагу об Олаве Трюггвасоне» (“Ólafs saga Tryggvasonar en mesta”)]. Олав, однако, ставит скальду условие: ножны к этому мечу он получит, только если сможет пронести его три дня, не причинив никому вреда. В условленное время Халльфред явился за ножнами, однако конунг подготовил ему еще одно испытание: он должен был сложить вису, в каждой строке которой было бы слово «меч» (sverð).

Hallfredr segir: “Við mun ek leita, ef þér vilið, ok allt mun ek til vinna at koma af mér yðvarri reiði”. Konungur mælti: “Kved nú þá”. Hallfredr kvað þá vísu:

Eitt es **sverð** þats **sverða**
sverðauðgan mik gerði;
 fyrir svip-Njörðum **sverða**
sverðótt mun nú verða;
 muna vans**verða**ð verða,
 verðr emk þriggja **sverða**
 jarðarmens³, ef yrði
 umbgerð at því **sverði**.

Konungr þakkaði honum ok kvað honum mikla íþrótt í skáldskap sínum ok gaf honum umgerð mjök vandaða...” (Hallfr., p. 161–162)

³Это слово, использованное здесь Халльфредом и переданное в переводе буквально, «ожерелье земли», не ясно. Там, где оно встречается в сагах, оно обозначает полосу дерна, под которой нужно пройти, например, во время обряда побратимства (Gísl., VI); в поэзии «ожерелье земли» может быть кеннингом для змеи или океана (LP 1931, p. 402). Финнур Йоунссон предлагал в этом месте вариант из другого манускрипта, “jarðar hljótr” (B1, p. 159), что, однако, сомнительно с метрической точки зрения. Кроме того, это слово стоит именно в той единственной строке, где отсутствует слово «меч» (sverð). Но можно ли предположить, что эта строка все же принимает участие в иконичности? На наш взгляд, весьма интересна мысль Гудбрандура Вигфуссона, предположившего, что Халльфред использует здесь ofljóst: под “jarðar mens”, «ожерельем земли» или «полосой дерна», нужно поэтому понимать “svqrðr”, «дерн», «трава», – а также «кожа». Такое чтение позволяет получить, с одной стороны, кеннинг (хоть и необычный) для ножен без исправления текста висы, а с другой – слово «меч» в этой строке, благодаря созвучию “svqrðr” и “sverð” (СРВ., II, p. 575).

(Халльфред говорит: «Я попытаюсь, если ты хочешь, и я сделаю всё, чтобы снять с себя твой гнев». Конунг сказал: «Говори же тогда». Халльфред произнес тогда вису:

Один меч мечей <что> сделал меня мечебогатым. Для стремительных Ньёрдов мечей [ВОИНЫ/МУЖИ] мечеобилие будет сейчас. Не будет неполномечно, – стою я трех ожерелий земли мечей [НОЖНЫ]* – будь ножны к этому мечу.

Конунг поблагодарил его и сказал, что он проявил великое мастерство в своей поэзии, и дал ему ножны прекрасной работы...).

На иконичность этой висы обратил внимание еще двадцать лет назад Р. Пул, отметивший, что «меч полностью подчиняет себе стих, заполняя его, как если бы сама дротткветтная строфа была ножнами для словно вооруженной тяжелым мечом поэзии» [Poole 2001, p. 135]. Мы полагаем, что его ценное наблюдение можно развить и дальше: дротткветтная строфа, поэтическая форма в прямом смысле выступает здесь в качестве ножен, в которые Халльфред вкладывает свой меч. Напомним, что именно вокруг этого предмета выстроен весь эпизод: получив от конунга меч, скальд ждет и обещанную вторую часть дара, но вместо этого Олав предлагает ему очередное испытание. Халльфред мастерски с ним справляется – и в то же время напоминает конунгу о сделке, с помощью стандартных средств поэтического языка воссоздавая ситуацию, во внеязыковой реальности еще не произошедшую: его меч оказывается в ножнах.

Халльфреду принадлежит и еще один пример, который мы хотели бы продемонстрировать. После гибели Олава в битве при Свёлде (1000 г.) Халльфред сочиняет о нем поминальную драпу («Erfdrápa Óláfs Tryggvasonar»). 27-я строфа этой драпы⁴ выглядит следующим образом:

Fyr mun heimr ok himnar,
hugreifum Óleifi,
– hann vas mennskra manna
mest gótt – í tvau bresta,
áðr an glíkr at góðu
gæðingr muni fœðask;
kœns hafi Krístr inn hreini
konungs qnd ofar lqndum (SkP I, p. 439)

(Прежде небо и земля разойдутся на две части, чем родится – он был наилучшим благом среди людей – благородный муж, равный достоинством духом радостному Олаву; да хранит душу мудрого конунга чистый Христос высоко над землями).

⁴ О количестве и порядке строк в этой драпе см.: SkP I, p. 387, 400.

Более всего в этой строфе нас интересует синтаксическая граница между хельмингами (полустрофами). Независимо от того, насколько сложен синтаксический узор в каждом из них, в соответствии с метрическими правилами он должен найти свое разрешение в пределах хельминга – иными словами, каждый хельминг должен представлять собой замкнутое синтаксическое единство. В данном случае синтаксическая граница между четвертой и пятой строками отсутствует, и элементы второй строки, *hugreifum Óleifi*, завязят от *gæðingr glíkr at góðu* в пятой и шестой. Это самый ранний известный пример такого нарушения – в следующий раз оно встретится только в поэзии XIV в. [Гуревич, Матюшина 1999, с. 333; Frank 1978, p. 87–88].

Два обстоятельства неоднократно отмечались в исследовательской литературе: что раскалывающееся надвое небо Халльфреда имеет вполне определенный и устойчивый эддический прообраз и что отсутствие традиционной границы хельмингов может быть связано с желанием скальда еще более явно выразить мысль о том, что никогда не появится человек, равный Олаву: подобно тому как не разделяются хельминги висы, не разойдется и небо [Гуревич, Матюшина 1999, с. 333, 381, примеч. 47; Frank 1978, p. 66]. Нам остается только указать на то, что эффект, используемый здесь Халльфредом, есть не что иное, как иконичность. В отличие от ее образцов, приведенных выше и основанных на изобретательном, а в случае с предыдущей висой Халльфреда – и экстравагантном, но все же «легитимном» обращении со скальдическим каноном, в данном случае иконичность достигается благодаря прямому нарушению метрического правила, что, однако, позволяет скальду создать более ясную аналогию между образом, небом, раскалывающимся в конце времен, и структурой строфы, двумя хельмингами, ее составляющими.

Тот порядок, в котором мы приводили наши примеры, во многом обусловлен характером самого материала: Рёгнвальд и Кормак, создающие поэтические подобию конкретных ситуаций, поэтому находятся в начале, а виса Халльфреда, отсылающая к образу более абстрактному, основанному на другом тексте, – в конце. Допустимо было бы руководствоваться и другими критериями – теми элементами поэтического языка, с помощью которых иконичность достигается, или степенью взаимосвязи поэтического и прозаического текста (что, впрочем, может и увести нас в сторону). Для более строгой классификации необходим, однако, более обширный корпус примеров, поиск которых представляется нам задачей весьма перспективной.

В данной научной работе использованы результаты проекта «Запреты в средневековом обществе», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.; публикация подготовлена в ходе работы (№ 21-04-066) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2020–2021 гг.

The results of the project “Taboos in medieval Europe” carried out within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2021, are presented in this work.

Источники и сокращения

- B1 – Den norsk-islandske Skjaldedigtning. B: Rettet tekst / ved Finnur Jónsson. B. I. København, 1973.
- CPB (1883) – *Corpus Poeticum Boreale: The poetry of the Old Northern tongue from the earliest time to the thirteenth century* / Ed., classified and translated with Introduction, Excursus, and Notes by M.A. Gudbrand Vigfusson, F.Y. Powell. Vol. II. Oxford, 1883.
- Gísl. – Gísla saga Súrssonar [Электронный ресурс]. URL: <http://norroen.info/src/isl/gisli/on.html> (дата обращения 11.02.2020).
- Hallfr. – Hallfreðar saga vandræðaskálds // Íslenzk fornrit VIII / Einar Ól. Sveinsson gaf út. Bls. 133–200. Reykjavík, 1939.
- Korm. – Kormáks saga // Íslenzk fornrit VIII / Einar Ól. Sveinsson gaf út. Bls. 201–302. Reykjavík, 1939.
- LP 1931 – *Sveinbjörn Egilsson. Lexicon Poeticum Antiquae Linguae Septentrionalis* / Udg. ved Finnur Jónsson. København, 1931.
- Orkn. 1887 – *Orkneyinga Saga // Icelandic Sagas and Other Historical Documents Relating to the Settlements and Descents of the Northmen on the British Isles* / Ed. by Gudbrand Vigfusson. Vol. I. London, 1887. P. 1–222.
- SkP I – *Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages* / Ed. by D. Whaley. Vol. 1. Turnhout, 2012.

Литература

- Гуревич, Матюшина 1999 – *Гуревич Е.А., Матюшина И.Г.* Поэзия скальдов. М.: РГГУ, 1999.
- Clunies Ross 2012 – *Clunies Ross M., Gade K.E., Guðrún Nordal, Marold E., Whaley D., Wills T.* General Introduction // *Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages* / Ed. by D. Whaley. Vol. 1. Turnhout, 2012. P. XIII–XCV.

- Frank 1978 – *Frank R.* Old Norse Court Poetry. The ‘Dróttkvætt’ Stanza. Ithaca, 1978.
- O’Donoghue 1991 – *O’Donoghue H.* The Genesis of a Saga Narrative: Verse and Prose in ‘Kormaks Saga’. Oxford, 1991.
- Poole 2001 – *Poole R.* The Relation Between Verses and Prose in Hallfreðar saga and Gunnlaugs saga // *Skaldsagas: Text, Vocation, and Desire in the Icelandic Sagas of Poets* / Ed. by R. Poole. Berlin; N.Y., 2000. P. 125–172.

References

- Clunies Ross, M., Gade, K.E., Guðrún Nordal, Marold, E., Whaley, D. and Wills, T. (2012), “General Introduction”, Whaley D. (ed.), *Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages*, vol. 1, Turnhout, Belgium, pp. XIII–XCV.
- Frank, R. (1978), *Old Norse Court Poetry. The ‘Dróttkvætt’ Stanza*, Ithaca, USA.
- Gurevich, E.A. and Matyushina, I.G. (1999), *Poeziya skaldov* [Skaldic poetry], Moscow, Russia.
- O’Donoghue, H. (1991), *The Genesis of a Saga Narrative: Verse and Prose in ‘Kormaks Saga’*, Oxford, UK.
- Poole, R. (2001), “The Relation Between Verses and Prose in Hallfreðar saga and Gunnlaugs saga”, Poole, R. (ed), *Skaldsagas: Text, Vocation, and Desire in the Icelandic Sagas of Poets*, Berlin; New York, pp. 125–172.

Информация об авторах

Денис А. Голованенко, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 105066, Россия, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 3; ventofavente@gmail.com

Фёдор Б. Успенский, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук, Москва, Россия; 119019, Россия, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2;

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 105066, Россия, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 3; fjodor.uspenskiy@gmail.com

Information about the authors

Denis A. Golovanenko, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia; bldg. 3, bld. 21/4, Staraya Basmannaya Street, Moscow, Russia, 105066; ventofavente@gmail.com

Fedor B. Uspenskii, Dr. of Sci. (Philology), corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Vinogradov Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 18/2, Volkhonka Street, Moscow, Russia, 119019;

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia; bldg. 3, bld. 21/4, Staraya Basmannaya Street, Moscow, Russia, 105066; fjodor.uspenskij@gmail.com

Англосаксонская хроника

УДК 82-94

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-86-115

Вильгельм Завоеватель в Англосаксонской хронике: от коронации до кончины

Инна Г. Матюшина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, I.Matyushina@exeter.ac.uk*

Аннотация. В статье анализируются прозаические и поэтические анналы Англосаксонской хроники, повествующие о короле Вильгельме Завоевателе. В Абингдонской, Петерборской и Вустерской рукописях за 1066 г. вторжение Вильгельма на Британские острова осмысляется в контексте победы, одержанной Харольдом Годвинсоном над объединенными силами норвежского конунга Харальда Сурового и Тости Годвинсона. Создатель Паркерской хроники выражает свое отношение к завоеванию как к величайшему национальному бедствию, помещая сообщение о нападении Вильгельма в контекст других трагических событий 1066 г. О коронации Вильгельма упоминают лишь Петерборская и Вустерская рукописи за 1066 г.; обе рассматривают ее в контексте нарушенных обещаний короля и бедственных последствий для завоеванного им народа. В статье аргументируется предположение о том, что прозаическая часть анналов Петерборской рукописи за 1087 г., в которой рассказывается о кончине Вильгельма Завоевателя, создана под воздействием гомилетических жанров, в частности проповедей Вульфстана. Напротив, поэтическая вставка о Вильгельме Завоевателе в этой рукописи восходит к низовой традиции словесности, почти свободной от влияния аллитерационного стиха и основанной на использовании рифмы, обиходной лексики, упрощенного синтаксиса.

Ключевые слова: Англосаксонская хроника, нормандское завоевание, Вильгельм Завоеватель, Петерборская рукопись, гомилетическая традиция, проповеди Вульфстана

Для цитирования: Матюшина И.Г. Вильгельм Завоеватель в Англосаксонской хронике: от коронации до кончины // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 1. С. 86–115. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-86-115

© Матюшина И.Г., 2021

William the Conqueror in the Anglo-Saxon Chronicle: from Coronation to Death

Inna G. Matyushina

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,

I.Matyushina@exeter.ac.uk

Abstract. The aim of the article is to analyse the prose and poetic annals of the *Anglo-Saxon Chronicle* concerning William the Conqueror. In the annals for 1066 in the Abingdon, Peterborough and Worcester manuscripts, the success of William's invasion of the British Isles is viewed in the context of Harold Godwinson's victory over the joint forces of the Norwegian King Haraldr harðráði and Tostig Godwinson. The compiler of the Parker Manuscript treats the conquest as a great national disaster by putting it in the context of other tragic events of the year. Only the Peterborough and the Worcester manuscripts for 1066 mention William's coronation, and both refer to it in the context of direst consequences for the conquered nation and the King's broken promises. The analysis of the themes, rhetorical devices and stylistic organisation of the prose annals of the Peterborough manuscript for 1087 enables the author of the article to argue that they must have been composed under the influence of the homiletic tradition, in particular Wulfstan's sermons. The study of the style and meter of the poem about William the Conqueror inserted in the Peterborough manuscript shows that its colloquial vocabulary, simplified syntax, ornamental alliteration and plain rhyme go back to a lower poetic tradition than that of indigenous Anglo-Saxon alliterative verse.

Keywords: Anglo-Saxon Chronicle, the Norman Invasion, William the Conqueror, Peterborough Manuscript, homiletic tradition, Wulfstan's sermons

For citation: Matyushina, I.G. (2021), "William the Conqueror in the Anglo-Saxon Chronicle: from Coronation to Death", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 1, pp. 86–115, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-86-115

Герцог Нормандии Вильгельм вторгся на Британские острова в сентябре 1066 г., объявив, что король Эдуард Исповедник назначил его своим преемником. Вильгельм одержал победу в битве при Гастингсе 14 октября того же года, был коронован на Рождество и правил страной более 20 лет (с 25 декабря 1066 г. по 1087 г.). Наиболее ранние, возможно, прижизненные свидетельства о правлении первого нормандского короля Англии хранят рукописи Англосаксонской хроники, однако их анналы избирательны и по ситуативному контексту, и по эмоциональной оценке, а потому нуждаются в объяснении.

Рукописные записи Хроники прекращаются или сразу после нормандского завоевания, или несколько лет спустя: Абингдонская рукопись (MS C) обрывается в 1066 г., Паркерская (MS A) – в 1070 г., Вустерская (MS D) ведется до 1077 г. В отличие от других рукописей, Петерборская хроника (E: Bodleian MS Laud 636) продолжается до 1154 г., т. е. в течение почти 90 лет после нормандского завоевания. Имя Вильгельма впервые появляется в Петерборской рукописи в связи с его восшествием на престол: “Rodbertus comes obiit in peregrinatione. et successit rex Willelmus in puerili ætate” – «Роберт умер во время паломничества, и король Вильгельм наследовал ему ребенком»¹. Латинская запись о том, что Вильгельм стал герцогом Нормандии, датирована в Петерборской рукописи 1031 годом, хотя из других источников известно, что Роберт Великолепный скончался несколькими годами позднее (в 1035 г.) в Никее, когда возвращался из паломничества в Иерусалим (Van Houts 1992, p. 80–85). По свидетельству Вильгельма Жюмиежского, Роберт назначил сына своим преемником еще до того, как отправился в паломничество, возможно, поэтому Петерборская рукопись указывает более раннюю дату воцарения Вильгельма на престоле Нормандии.

Расширенный вариант записи о кончине герцога Нормандии Роберта и восшествии на престол его единственного сына Вильгельма, рожденного в конкубинате с Эрлевой (Арлеттой), повторяется в двуязычной рукописи Хроники, созданной в Кентербери (F, ок. 1100 г., British Library MS Cotton Domitian Aviii, ff. 30–70) на древнеанглийском и латинском языках: «И Роберт, герцог Нормандии, отправился в Иерусалим и там скончался; Вильгельм, который потом сделался королем в Англии, наследовал ему в Нормандии, хотя и был еще ребенком»². В обеих записях речь идет о смерти отца Вильгельма, герцога Роберта, который доводился племянником королеве Эмме Нормандской (состоявшей в первом браке с королем Этельредом, а во втором – с Кнудом Могучим) и двоюродным братом королю Эдуарду Исповеднику. Наследовавший Роберту Вильгельм был связан тесным родством с уэссекской династией: он был внучатым племянником Эммы Нормандской, матери последнего уэссекского короля Эдуарда Исповедника, умершего бездетным. Эдуард Исповедник и его брат Альфред Эте-

¹Здесь и далее текст Петерборской рукописи (MS E) цит. по: (The Anglo-Saxon Chronicle 2004). Перевод на русский язык автора статьи.

²Здесь и далее текст двуязычной рукописи Хроники, созданной в Кентербери (MS F), цит. по: (The Anglo-Saxon Chronicle 2000). Перевод на русский язык автора статьи.

линг провели детство и юность в изгнании при нормандском дворе, которым с 1027 по 1035 г. правил отец Вильгельма Роберт. По словам Вильгельма Жюмиежского, Роберт даже надеялся отвоевать для своих родственников (Эдуарда и Альфреда) английский трон и готовил от их имени вооруженное вторжение в Англию, но ему помешала буря (Van Houts 1992, p. 76–77). Согласно Вильгельму Малмсберийскому, походу Роберта воспрепятствовала непогода, однако остатки судов, «развалившиеся от долгого времени можно все еще видеть в Руане и в наш век» (*reliquiae ratium, multo tempore dissolutarum, Rotomagi adhuc nostra aetate uisebantur*, – Mynors 1998, p. 320–321)³. Очевидно, упоминание об отце Вильгельма Роберте, чьи планы вторжения в Англию и вещественные доказательства этих планов не были скрыты от современников, должны были напомнить им о том, что притязания нормандских герцогов на английский престол появились задолго до нормандского завоевания.

Важность следующей записи Хроники (MS D: Cotton Tiberius B. IV), в которой упоминается имя Вильгельма, трудно переоценить. В ней сообщается о том, что Вильгельм посетил короля Эдуарда Исповедника в 1052 г.: «И скоро эрл Вильгельм прибыл из-за моря с большим войском французов, и король (Эдуард) принял его и столько его спутников, сколько ему было угодно, и отпустил их восвояси»⁴. По мнению нормандских историков, во время этого посещения, если оно действительно состоялось, король Эдуард мог пообещать Вильгельму свой престол, тогда нормандское вторжение в Англию в 1066 г. предстает не как завоевание, но как единственная возможность, остающаяся у нормандского герцога, вступить в права наследования. Вероятность того, что король Эдуард назначил Вильгельма своим преемником, подтверждается тем, что именно в 1051–1052 гг. король был особенно враждебно настроен по отношению к могущественному уэссекскому эрлу Годвине и всем его сыновьям, включая Харольда Годвинсона.

Вражда короля Эдуарда с кланом Годвине началась с его юности, когда в 1036 г. по приказу Годвине был ослеплен, а затем погиб младший брат Эдуарда Альфред Этелинг. Вооруженный конфликт короля с Годвине и его сыновьями произошел в 1051 г., когда те

³ Вильгельм Малмсберийский не совсем точно называет Эдуарда и Альфреда внучатыми племянниками Роберта Великолепного (Mynors 1998, p. 320–321).

⁴ Здесь и далее текст Вустерской рукописи Хроники (MS D) цит. по: (The Anglo-Saxon Chronicle 1996): “*Da sone com Willelm eorl fram geondan sae mid mycclum werode Frencisra manna, 7 se cyning hine underfeng, 7 swa feola his geferan swa him to onhagode, 7 let hine eft ongean*”.

собрали войско и окружили короля в Глостере. В следующем году король Эдуард был вынужден согласиться на все требования Годвине, который вернулся с флотилией кораблей, соединился с кораблями своего сына Харольда Годвинсона, вошел в Темзу и заставил короля возвратить конфискованную у него собственность. Следовательно, если Вильгельм посетил короля Эдуарда в 1051 г., тот едва ли мог считать сына Годвине Харольда своим наследником. Однако сообщение о встрече короля Эдуарда с Вильгельмом встречается только в одной рукописи (Вустерской, D: British Library MS Cotton Tiberius B. IV) и не считается историками заслуживающим полного доверия⁵. Недостоверность анналов за 1052 г. подтверждается тем, что это единственная запись Вустерской рукописи до 1066 г., упоминающая имя Вильгельма.

Петерборская рукопись остается единственной, составители которой проявляют неизменный интерес к нормандскому королю; возможно, это свидетельствует о том, что ее записи были сделаны после нормандского завоевания⁶. В однострочной латинской записи за 1062 г. говорится, что Вильгельм, граф Нормандии, подчинил графство Мэн (*Nos anno subiugata est Synomannia comiti Normanniæ Willelmo*). За краткой строкой Хроники скрываются знаменательные события, которые допускают сопоставление с историей нормандского завоевания. Подобно королю Эдуарду Исповеднику, Герберт II, правитель графства Мэн (совр. Maine), скрывался в Нормандии, когда его враг (граф Анжу Жоффруа Мартел) захватил его земли. Как и король Эдуард, Герберт умер бездетным (он был обручен с дочерью Вильгельма). Своим наследником Герберт назначил Вильгельма, поэтому тот заявил свои права на графство Мэн, как только оно осталось без правителя. Вильгельм действовал от имени своего сына Роберта Куртгёза, с которым была обручена сестра Герберта Маргарита. Права Вильгельма оспаривали Биота, родная тетка Герберта, и ее муж Вальтер (Готье III), герцог соседней с Мэном провинции Вексин. Правитель Анжу выступил против Вильгельма, а местная знать Мэна принесла клятвы верности Вальтеру. Когда нормандское войско приблизилось, Вальтер перебросил своих воинов из Вексина в Мэн, однако Вильгельм стал грабить деревни, захватил множество замков и осадил столицу граф-

⁵ См. подробнее: [Douglas 1953, pp. 526–45]; [Oleson 1957, p. 221–228].

⁶ Оригинал Петерборской рукописи был уничтожен при пожаре 1116 г., поэтому сохранившиеся рукописи основаны на копиях церковных записей до 1120 г. Первое продолжение 1122–1131 гг. содержит уникальные записи о событиях в районе Петерборо, а второе продолжение (1132–1154) описывает правление Генриха I и короля Стефана (Clark 1958, p. XI–XXI).

ства Мэн, вынудив Вальтера и Биоту сдаться (они умерли в 1063 г., вероятно, от яда). Завоевание Мэна не только помогло правителю Нормандии защитить южные границы своего герцогства, но и сыграло роль в успехе его завоевательного похода, предпринятого три года спустя. Аналогии между присоединением Мэна к нормандской короне и завоеванием Англии, возможно, подразумеваемые создателем Петерборской хроники (кончина бездетного правителя, династический кризис, поражение тех, кто безнадежно пытались оспорить права нормандского короля), едва ли могли остаться незамеченными средневековой аудиторией. Упоминание создателя Петерборской рукописи об экспансионистской политике короля Нормандии, расширяющего свои владения, можно истолковать как предвосхищение повествования о нападении того же правителя на соседнюю страну в 1066 г.

В анналах за 1066 г. имя Вильгельма появляется во всех манускриптах Хроники. Паркерская рукопись (A: Corpus Christi College, Cambridge MS 173 ff. 1–32) содержит самое краткое сообщение о нормандском завоевании: «Тогда скончался король Эдуард, и эрл Харольд наследовал королевство и правил им сорок недель и один день, и тогда пришел Вильгельм и завоевал землю англов. И тогда сгорела церковь Христа (*Крайст Чёрч в Кентербери*), и тогда появилась комета в день XIV календ мая (*18 апреля*)»⁷. Создатель Паркерской хроники помещает сообщение о нападении Вильгельма в контекст других трагических событий того же года (кончины короля Эдуарда Исповедника, кратковременного правления Харольда, пожара в церкви, появления кометы) и тем, как можно предположить, выражает свое отношение к завоеванию как к величайшему национальному бедствию.

Абингдонская рукопись (C: British Library, MS Cotton Tiberius V. I) упоминает о том, что брат Харольда Годвинсона Тости «тогда собрал такой большой флот и такое сухопутное войско, каких прежде не собирал ни один король в стране, ибо ему твердо сказали, что король Вильгельм из Нормандии, родич короля Эдуарда, хотел прибыть сюда и завоевать эту страну, как это впоследствии и произошло», затем подробно описывает сражение при Стэмфорд Бридж (25 сентября 1066 г.) и победу Харольда Годвинсона над Тости Годвинсоном и норвежским правителем Харальдом Суровым,

⁷ Здесь и далее текст Паркерской рукописи Хроники (MS A) цит. по: (The Anglo-Saxon Chronicle 1986): “Her forðferde Eaduard king, 7 Harold eorl feng to ðam rice 7 heold hit .xl. wucena 7 æne dæg, 7 her com Willelm 7 gewann Ængla land. 7 her on ðison gearе barn Cristes cyrice. 7 her atiweде cometa .xiii. kalendas MAI”.

но ничего не говорит о битве при Гастингсе. Упоминание о нормандском завоевании в Абингдонской рукописи Хроники содержится только в придаточном предложении (*swa hit syddan aeode* – «как это впоследствии случилось»), следующем за заявлением о намерениях Вильгельма завоевать Англию. Известие о завоевании помещено здесь в контекст рассказа о битве при Стэмфорд Бридж и победе Харольда Годвинсона, которому несколько недель спустя было суждено потерпеть поражение в битве при Гастингсе, прежде всего, потому что он не мог успеть вовремя перебросить войско с севера на юго-восток страны. Можно предположить, что исторический контекст, в котором сообщается о завоевании, содержит объяснение причины, по которой оно произошло: создатель Хроники, вероятно, подразумевает, что Вильгельму не удалось бы одержать победы, если бы Харольд Годвинсон успел вовремя собрать войско, разрозненное после разгрома Тости и Харальда Сурового, и дать ему надлежащий отпор.

Краткое сообщение о завоевании Вильгельма содержится и в Петерборской рукописи: «И в то время эрл Вильгельм явился в Гастингс в день Святого Михаила. И Харольд приехал с севера, и сразился с ним, до того как прибыло все его войско, и там он пал со своими двумя братьями, Гурдом и Леофвине. И Вильгельм завоевал эту страну, и отправился в Вестминстер, и архиепископ Альдред помазал его как короля; и люди платили ему дань, и давали заложников, и потом покупали свои земли». В отличие от Абингдонской рукописи, Петерборская хроника дает прямое указание на причину гибели Харольда и его братьев (они были вынуждены сражаться «до того, как прибыло все их войско» – *eag þan þe his here come eall*). В серии равноправных простых предложений, объединенных сочинительными союзами, создатель Петерборской рукописи повествует о коронации Вильгельма, помещая рассказ об этом событии в контекст тех бедственных последствий, которые оно имело для жизни завоеванного народа, – с людей стали требовать заложников, им пришлось платить дань и выкупать у норманнов свои же земли. Подобно Паркерской и Абингдонской рукописям, Петерборская хроника содержит нейтральное по тональности сообщение о событиях и не выражает их непосредственной оценки, однако контекстуальная причинно-следственная связь между коронацией Вильгельма и последовавшими за нею притеснениями народа не оставляет сомнений в отношении повествователя к перечисляемым им фактам.

По сравнению с Петерборской, Абингдонской и Паркерской хрониками, Вустерская рукопись (D: Cotton Tiberius V.iv) включает более подробное изображение нормандского завоевания,

которое можно условно разделить на три части. Первая часть содержит описание битвы при Гастингсе и заключается придаточным предложением “swa heom God ude for folces synnon” – «так попустил Господь по людским грехам», объясняющим причину поражения англосаксов. Вторая часть рассказывает о сопротивлении норманнам и завершается придаточным предложением “þa hit God betan nolde for urum synnum” – «тогда Господь ничего не исправил из-за наших грехов», акцентирующим оценку произошедшего. Третья повествует о коронации Вильгельма и выражает упование на перемену к лучшему: «Да будет хорошим конец, если на то будет Божья воля». Составитель Вустерской хроники объясняет разгром англосаксов в битве при Гастингсе греховным поведением людей и воздаянием за эти грехи и заключает свой рассказ о событиях 1066 г. оптимистическим пожеланием.

Вустерская рукопись оправдывает поражение англосаксов почти словами Петерборской хроники: «Тогда эрл Вильгельм прибыл из Нормандии в Певенси накануне праздника Святого Михаила, и как только они были готовы, построил укрепление в порту Гастингс. Тогда это стало известно королю Харольду, и он собрал великую рать и прибыл к нему навстречу у серого яблоневого дерева. И Вильгельм напал на него врасплох, до того как войско было выстроено для битвы. Но король тем не менее яростно сражался против него с теми воинами, которые хотели его поддержать, и было много убитых с обеих сторон. Там был убит король Харольд, и эрл Леофвине, его брат, и эрл Гюрд, его брат, и много хороших людей. И французы завладели этим местом битвы, как и попустил Господь из-за людских грехов». В Вустерской рукописи утверждается, что Вильгельм прибыл из Нормандии в Певенси накануне дня Святого Михаила, т. е. 29 сентября, а затем построил укрепление в порту Гастингс, который находится примерно в 10 милях от Певенси. Свидетельство Вустерской рукописи подкреплено рассказом Вильгельма из Пуатье: «Они все добрались до Певенси и свободно там высадились, не встречая никакого сопротивления. Очень радуясь тому, что благополучно пристали, норманны захватили и укрепили сначала Певенси, а затем Гастингс». Сообщение о месте высадки норманнов Вильгельма из Пуатье, вероятно, восходит к свидетельству Вустерской рукописи, – оба говорят о том, что норманны успели укрепить свои позиции до того, как прибыл Харольд.

Контекст Вустерской хроники подчеркивает, что Вильгельм неизменно действовал с опережением: Харольд собрал войско лишь *тогда*, когда ему стало известно (Dis wearð þa Harolde cunge gescydd) о действиях Вильгельма, т. е. после того, как тот возвел свои укрепления. Подобно Петерборской рукописи, Вустерская хроника

утверждает, что Вильгельм напал на Харольда *до того* (æt), как его войско было «построено» (глагол *ge-fylcian* значит «приводить войско в боевой порядок»), и добавляет, что нормандский правитель застал англосаксов «врасплох» (*unwær*). Составитель хроники скорбит о том, что «было много убитых с обеих сторон», а потом перечисляет главные потери англосаксов: «Там был убит король Харольд, и эрл Леофвине, его брат, и эрл Гюрд, его брат, и много хороших людей». Харольд заплатил за свое опоздание жизнью, причем не только своей, но и своих младших братьев: Леофвине, правившего Кентом, Эссексом, Миддлсексом, Хартфордом, Саррей и Бакингемширом [De Vries 1999, p. 115], и Гюрда, владевшего Восточной Англией, Кембриджширом и Оксфордширом [De Vries 1999, p. 114]. Упоминание о гибели трех могущественных братьев, контролировавших большую часть страны, в контексте победы Вильгельма дает понять читателям Вустерской рукописи, что все преграды для установления нормандской власти были устранены.

В Вустерской рукописи рассказывается о сопротивлении норманнам после битвы при Гастингсе: «Архиепископ Альдред и войско в Лондоне хотели, чтобы королем стал этелинг Эдгар, как это ему полагалось по рождению, и Эдвин и Моркар обещали ему, что будут сражаться за него, однако, как всегда, день ото дня становилось, чем позднее, тем хуже, когда нужно было бы действовать; и так все в конце и случилось. Эта битва произошла в день папы Калликста (14 октября). И эрл Вильгельм вновь отправился в Гастингс, и ждал там, чтобы узнать, подчинятся ли ему. Но когда он понял, что никто не хочет к нему явиться, он отправился в глубь страны со всем своим войском, которое у него осталось и которое прибыло к нему из-за моря, и разграбил всю ту область, через которую он прошел, пока не добрался до Беркхэмстеда. И тогда встретить его прибыл архиепископ Альдред и этелинг Эдгар, и эрл Эдвин, и эрл Моркар, и все лучшие люди из Лондона; и они подчинились по необходимости, когда уже был нанесен наихудший вред; – и было очень неразумно не сделать этого раньше, тогда Господь ничего не исправил из-за наших грехов; – и они дали заложников и принесли ему клятвы; и он обещал им, что будет им верным правителем. И все же в середине этого времени они разграбили все, через что прошли».

Составитель Вустерской рукописи рассказывает о главном претенденте на престол (и, следовательно, основном сопернике Вильгельма) Эдгаре Этелинге, сыне Эдуарда Изгнанника, покинувшего Англию в 1016 г. вместе со своим братом Эдмундом после того, как был убит их отец король Эдмунд Железнобокий и английский престол перешел к датскому правителю Кнуту Могучему. Из хроники Вильгельма Мальмсберийского известно, что король Эдуард

Исповедник, не имевший прямых наследников, пригласил Эдуарда Изгнанника вернуться на родину (Mynors 1998, p. 228). Иоанн Вустерский был уверен в том, что Эдуард Исповедник призвал своего племянника для того, что передать ему престол: «Ибо король решил назначить его своим преемником и наследником короны» (Darlington 1995, p. 582). Король прислал приглашение Эдуарду Изгнаннику в 1054 г., однако по неизвестным причинам его приезд в Англию был отложен на три года. Вернувшись в Англию, Эдуард Изгнанник не смог увидеть своего дядю короля Эдуарда Исповедника, потому что умер или, как намекает создатель Вустерской хроники (sub anno 1057), был убит. Его кончина вызвала, как сказано в записи, горе «всего этого народа» (eallre þissere feode), которым он был предназначен править. Сын Эдуарда Изгнанника Эдгар Этелинг, которому было всего 14 лет, когда скончался его отец, вместе со своей матерью Агатой и сестрами Маргаритой и Кристиной оставался в Англии до самого нормандского завоевания, возможно, в надежде, что однажды станет королем. Однако у Эдгара Этелинга и его матери-чужестранки было недостаточно сторонников в Англии, чтобы бороться с другими претендентами на престол, особенно с могущественным Харольдом Годвинсоном. После гибели Харольда сын Эдуарда Изгнанника юный Эдгар Этелинг стал законным наследником престола, и именно он был избран королем на собрании старейшин в Лондоне. Хотя до наших дней не дошло сведений о его коронации, в Петерборской рукописи (sub anno 1066 г.) говорится о том, что «к Эдгару Этелингу был послан» (ond senden him þa to Ædgar ædeling) для утверждения новый епископ Петерборо, «ибо местные люди ожидали, что он (*Эдгар*) будет королем, и этелинг с радостью дал на то свое согласие» (fordan þet þe landfolc wendon þæt he sceolde cyng wurdan, ond se ædeling hit him geatte þa bliþolice). Весь север Англии почитал Эдгара как законно избранного короля и преемника уэссекской династии, хотя официально ему была дана только власть над Йорком. Как известно, королем стал Вильгельм Завоеватель, который, согласно Вильгельму из Пуатье, обращался с Эдгаром как с «одним из самых дорогих соратников» (Davis 1998, p. 161–163), воздавал ему надлежащие почести и жаловал земли.

О коронации Вильгельма сообщает третья часть Вустерской рукописи за 1066 г.: «Затем в день зимнего солнцестояния (22 декабря) архиепископ Альдред помазал его в король в Вестминстере, и он положил свою руку на книгу Христа и также поклялся, прежде чем он (*Альдред*) возложит корону на его голову, что он будет заботиться об этом народе так хорошо, как это делали лучшие из королей до него, если они будут ему верны. Несмотря на это, он обложил людей очень жестким налогом, и затем весной отправился по морю

в Нормандию, и взял с собой архиепископа Стиганда, и Этельнота, аббата в Гластонбэри, и этелинга Эдгара, и эрла Эдвина, эрла Моркара, и эрла Вальхтеова и много других хороших людей из Англии. И епископа Одо и эрла Вильгельма оставили на месте, и они строили замки по всей стране, и притесняли бедных людей, а потом стало еще хуже. Да будет хорошим конец, если на то будет Божья воля». Третья часть записи подразумевает контраст: за коронационной клятвой Вильгельма в том, что он будет заботиться о завоеванном им народе, как лучший из королей, следует противительный союз *Swa feah* – «однако, несмотря на», предвещающий сообщение составителя Вустерской рукописи о том, что он «обложил людей очень жестоким налогом». Контекст, в котором говорится о коронации, подразумевает нарушение клятвы короля, как только он взшел на престол: Вильгельм недолго оставался в Англии после коронации, однако его наместники начали притеснять бедных людей. Уезжая в Нормандию, Вильгельм проявил редкостную дальновидность и забрал с собой всех, кто мог бы составить ему конкуренцию в борьбе за престол, т. е. не только Эдгара Этелинга, но и нортумбрийских правителей Эдвина и Моркара, сестра которых состояла в браке с последним английским королем Харольдом Годвинсоном, убитым в битве при Гастингсе.

Создатель Вустерской рукописи, которая содержит единственный сохранившийся в английских источниках рассказ о битве, вероятно, составленный современником происходящих событий, видит в победе норманнов наказание Господа за людские грехи. Более поздние нормандские хронисты⁸, в частности Вильгельм Малмсберийский, говорят о том, что поражение англосаксов было закономерным следствием падения их нравов: они были привычны «к маленьким убогим домам», а норманны, напротив, жили умеренно «в гордых, больших зданиях» (*parius et abiectis domibus... amplis et superbis edifitiis*, – Mynors 1998, p. 458–459); англичане предавались «безудержной ярости», а норманны изучали «военную науку» (*hinc factum est ut, magis temeritate et furore precipiti quam scientia militari*, – Mynors 1998, p. 458–459). Вильгельм Малмсберийский не скрывает разрушительных последствий завоевания для корен-

⁸Описание битвы при Гастингсе дают нормандские источники: анонимная поэма, состоящая из 835 строк, из которых 262 строки посвящены рассказу о битве (Barlow 1999); Вильгельм Пуатье (Davis 1998, p. 128–133); Вильгельм Жюмьезский (Van Houts 1992, p. 168–169); Ордерик (Van Houts 1992, p. 176–177), Вильгельм Малмсберийский (Mynors 1998, p. 456), а также гобелен из Байо. См. подробнее: (Douglas 1981, p. 228–246); [Morillo 1994, p. 163–168].

ного населения, когда описывает состояние Йорка в 1069 г.: «Что же касается городов, которые однажды были столь знаменитыми, чьи башни своей высотой грозили небесам, поля были богаты пастбищами и орошаемы реками, то, увидев их, чужеземец вздохнет; а если он коренной уроженец, который пережил прошлое, то не сможет узнать их»⁹. Ордерик Виталий тоже осуждает жестокость (*crudelitas*), проявленную Вильгельмом на севере Англии, замечая, что тот действовал под влиянием гнева (*ira*) против восставших: Вильгельм «постыдно предался этому пороку», когда «не пожелал обуздать свой гнев и в наказание убил и невинных, и виновных»¹⁰. Из англо-нормандских источников известно, что спустя десятилетие после завоевания восстания против Вильгельма были жестоко подавлены, положение нормандской знати в Англии упрочилось, а национальный состав духовенства был изменен на исключительно нормандский.

Последние годы Завоевателя были омрачены угрозами скандинавского вторжения в Англию, войнами в Нормандии, мятежами старшего сына Роберта Куртгёза. Вильгельм умер в сентябре 1087 г. во время военных действий в северной Франции, завещав Англию своему среднему сыну Вильгельму Руфусу (Нормандия досталась старшему сыну Роберту Куртгёзу). Описаний кончины Вильгельма сохранилось немного: Вильгельм Жюмьежский и Вильгельм Пуатье прекратили писать задолго до кончины короля, а Вильгельм Малмсберийский и другие англо-нормандские историки, скорее всего, использовали свидетельства Ордерика. Сам Ордерик, писавший в начале 30-х годов XII в., возможно, опирался на показания очевидцев, которые присутствовали в Кане на похоронах короля. Ордерик рассказывает, что Вильгельм заболел во время кампании на южных границах нормандского герцогства, вернулся в Руан и приказал, чтобы его перенесли в монастырь Сент-Жерве на западной окраине города, так как его беспокоил городской шум (*Chibnall IV*, р. 78–81). Переезд короля, как считает Ордерик, был вызван тем, что тот уже был не в состоянии управлять страной и хотел приготовить душу к переходу в иной мир. По свидетельству Ордерика, тело Вильгельма было перевезено в Кан по Сене; его сопровождал

⁹ «*Urbes olim preclaras, turres proceritate sua in caelum minantes, agros laetos pascuis, irriguos fluuiis, si quis modo uidet peregrinus, ingemit; si quis superest uetus incola, non agnoscit*» (Mynors 1998, p. 464–465).

¹⁰ Здесь и далее текст Ордерика цит. по: *Chibnall 1969–1980*, римская цифра указывает номер тома: «*Nusquam tanta crudelitate usus est Guillelmus. Hic turpiter vitio succubuit, dum iram suam regere contempsit, et reos innocuosque pari animadversione peremit*» (*Chibnall II*, p. 230–232).

рыцарь по имени Херлуин, который был единственным человеком, позаботившимся о бранных останках короля; остальные слуги покинули его, чтобы упрочить свое положение при новом правителе; а те, кто направлялись в Руан, повернули назад в свои владения, дабы оградить их от посягательств соседей (Chibnall IV, p. 82–109). Ордерик повествует, как известие о смерти Вильгельма распространилось горожанами Руана; местное духовенство «в облачениях с крестами и с кадилами» (*processionem ordinauerunt, honeste indutis cum crucibus et thuribulis* – Chibnall IV, 102–103) проследовало в монастырь Сент-Жерве; и в Кане собрались аббаты соседних монастырей и епископы, чтобы присутствовать на похоронах короля. В рассказе Ордерика описывается реакция горожан на кончину короля, их ужас и растерянность (*ualde territi sunt* – Chibnall IV, p. 102–103), предвещающие тот хаос, который наступил в стране во время недолгого правления сына почившего.

Рассказ о кончине Вильгельма в анналах Петерборской летописи, которые описывают события 1086 и 1087 гг. (однако помечены 1086 г.), очевидно, представляют собой наиболее раннее свидетельство современника и предшествуют повествованию Ордерика. Текст записи датируется не только благодаря указанию в рукописи, но и потому, что содержит временные ориентиры правления короля (21-й год его царствования) и помещает его в контекст надмирной истории (одна тысяча восемьдесят семь лет, прошедшие с Рождества Иисуса Христа). Запись за этот год характеризовали как «книжный, ученый отклик на унаследованную культуру английской письменности до завоевания» [Lerer 1999, p. 12] и считали ее «наилучшей оценкой характера и достижений Вильгельма, данной достаточно объективным англичанином» [Whiting 1949, p. 89].

Можно заметить, что для анналов за 1086–1087 гг. характерна строгая организация: в первой части, создающей исторический контекст для описания основного события, идет речь о природных катаклизмах и бедственных событиях в Англии в 1086–1087 гг.; во второй части осуждаются несправедливые нравы и алчность Вильгельма и говорится о его преступлениях против церкви; в третьей части рассказывается о его кончине; в четвертой части дается его характеристика, сначала как человека, затем как правителя; наконец, последняя часть содержит поэтическую вставку, суммирующую все сказанное в прозе. Таким образом, семантический центр записи – рассказ о кончине короля – занимает центральный раздел анналов, обрамляемый двумя симметричными частями.

Первая часть анналов, состоящая из двух соподчиненных разделов (за 1086 и 1087 гг.), повествует о **бедствиях в Англии**: «(1086). И этот самый год выдался крайне тяжелым. И заставил

много трудиться, и был очень горестным годом в Англии, и был падеж скота. И зерно, и урожаи остались неубранными. И была такая неблагоприятная погода, что нельзя было себе и представить. И были такие сильные грозы и молнии, что убили много народа. И все для людей становилось хуже и хуже. Да улучшит это Всемогущий Господь, когда будет на то Его воля!» В первом разделе записи за 1086 г. идет речь о природных катаклизмах и их пагубном воздействии на людей; он завершается молитвенным обращением к Богу с мольбой о помощи.

Второй раздел описывает несчастья, случившиеся в 1087 г.: «После того, как минуло одна тысяча восемьдесят семь зим после Рождества Господа нашего Иисуса Христа, пришел двадцать первый год, как Вильгельм владел и правил Англией, как Господь ему попустил, и он выдался очень тяжелым и пагубным в этой стране. Такая болезнь напала на народ, что почти каждого второго человека поразила наихудшая немощь, то есть эта лихорадка, да так сильно, что многие люди умерли от этой пагубы. Потом из-за очень сильной непогоды, которая приключилась, как мы уже говорили раньше, на всю Англию обрушился такой сильный голод, что много сотен людей истребила ужасная смерть от этого голода. Увы! Какое горестное и какое печальное время это было! Тогда несчастные люди лежали почти доведенные до смерти. И потом пришел страшный голод и совсем их уничтожил. Кто может не горевать о таком времени? Или у кого такое жестокое сердце, что он может не плакать о таком горе? Но такие вещи случаются из-за людских грехов, потому что они не любят Господа и праведность. Так было в те дни, когда было мало праведности в этой стране в любом человеке, за исключением разве что монахов, там, где они хорошо себя вели».

Составитель записи эксплицитно не приписывает несчастья людей злой воле их правителя, однако несомненно подразумевает причинно-следственную связь. Он задает временной ориентир бедствиям, обрушившимся на страну, соотнося их с властью Вильгельма. Утверждая, что двадцать первый год правления короля, которое «Господь ему попустил» (*swa him God ude*), выдался «очень тяжелым и пагубным», создатель рукописи изображает его как наказание от Бога. Нельзя не заметить нарастающей эмоциональности тона в первой части: если в начальном разделе речь идет о природных явлениях (непогоде, грозах, молниях, падеже скота, неурожае), то во второй части говорится о бедствиях людей (эпидемиях, во время которых погибает каждый второй, смертельных болезнях и голоде). Повышенную экспрессивность записи сообщает и авторское вторжение составителя Хроники (*swa we beforan tealdon* – «как мы уже говорили раньше»), и использование рито-

рических приемов: повторов ключевых слов, обозначающих наиболее семантически важные понятия (*yfel* – «зло», *hungor* – «голод», *deað* – «смерть», *rihtwisnesse* – «праведность»), восклицаний (*Eala hu earmlice 7 hu reowlic tid wæs ða!* – «Увы! Какое горестное и какое печальное время было тогда!») и риторических вопросов (*Hwam ne mæg earmian swylcere tide? Oððe hwa is swa heardheort þæt ne mæg wepan swylces ungelimpes?* – «Кто может не горевать о таком времени? Или у кого такое жестокое сердце, что он может не плакать о таких горестях?»). Составитель Хроники предлагает читателям сострадать погибающим жертвам и плакать вместе с ним, объясняя, что страшные наказания посланы народу за его грехи и отступления от праведности. Единственными благочестивыми людьми в стране называются монахи, что позволяет высказать предположение о принадлежности создателя записи монастырским кругам.

Во второй части анналов за 1087 г. рассказывается о **неправедных нравах и алчности Вильгельма**: «Король и главные люди очень любили и слишком сильно алкали золота и серебра и совсем не заботились, насколько греховным путем оно было добыто, только бы его получить. Король дорого продавал свои земли, так дорого, как только мог. Тогда приходил другой и предлагал больше, чем тот, что был раньше. И король отдавал тем людям, которые предлагали больше. Тогда являлся третий и сулил еще больше. И король отдавал в руки тем людям, которые предлагали ему больше всех, и не заботился о том, сколь греховно судьи взимали это у несчастных людей, и как много неправедных поступков они совершали, но чем больше говорили о справедливых законах, тем больше незаконных дел они вершили. Они облагали несправедливыми налогами и совершали много других неправедных поступков, о которых трудно рассказать». Если в первой части неурожаи, падеж скота, несчастья, болезни и голод имплицитно ассоциировались с правлением Вильгельма, то вторая часть устанавливает эксплицитную связь между происходящим в стране и ответственностью монарха. События, на первый взгляд объективно излагаемые рассказчиком, служат развенчанию образа правителя, свидетельствуя о его алчности, корыстолюбии и беззаконии. Ключевыми словами становятся слова *unriht* – «несправедливость», *unlagu* – «беззаконие», *synlice* – «греховно», каждое из которых несколько раз воспроизводится в этой части записи. Составитель анналов, несомненно, подразумевает, что неправедность правителя стала главной причиной людских несчастий.

Осуждение незаконных действий Вильгельма ведет к рассказу о его **преступлениях против церкви**, которые образуют второй раздел второй части: «Также в тот же год перед самым урожаем

сгорела святая церковь Святого Павла с епископским престолом в Лондоне, и много других монастырских церквей, и самая большая и наилучшая часть во всем городе. В это самое время сгорел почти каждый крупный город по всей Англии. Увы, горестное и плачевное время наступило в тот год, которое принесло много несчастий! В тот же год, перед Успением Пресвятой Девы Марии, отправился король Вильгельм из Нормандии во Францию с войском и напал на своего господина, короля Филиппа, и убил большую часть его людей. И сжег город Мант¹² и все святые церкви, которые находились внутри города¹³. И там сгорели двое святых людей, которые служили Господу, живя в кельях отшельников». Следует обратить внимание на стилистическое сходство заключительного раздела второй части и окончания первой части: в обоих разделах используются повторы (halig – «святой», forbarn – «сгорел», forbearnde – «сгоревшие») и восклицания («Увы, горестное и плачевное время наступило в тот год...» – Eala reowlic 7 wependlic tid wæs þæs geares...). Тем не менее повышенная эмоциональность во второй части достигается скорее средствами семантики, чем риторики. Составителю Хроники достаточно заключить раздел сообщением о заживо сгоревших святых отшельниках, чтобы вызвать сострадание у аудитории и добиться осуждения несправедного короля.

За повествованием о преступлениях против церкви закономерно следует рассказ о **смерти короля**, которой посвящен центральный раздел анналов: «Сделав это, король Вильгельм вновь повернул в Нормандию. Он совершил ужасный поступок, и нечто более ужасное совершилось с ним. Как более ужасное? Он заболел, и это его сильно мучило. Что я могу сказать? Страшная смерть, которая не щадит ни могущественных, ни бедных, – она забрала его. Он скончался в Нормандии в день, последовавший за Рождеством Святой Марии (9 сентября), и был похоронен в Кане в соборе Святого Стефана, который он ранее построил и впоследствии наделял разнообразными пожертвованиями. Увы, как ложно и ненадежно изобилие в этом мире! У того, кто прежде был богатым королем и господином многих земель, не осталось никакой земли, кроме семи футов. И тот, кто был прежде одет в золото и драгоценности, лежал тогда, укрытый землей. Он оставил после себя трех сыно-

¹² Во время похода Вильгельма в Вексен был сожжен Мант (совр. Мант-ла-Жоли, Mantes-la-Jolie).

¹³ О пожаре в Манте и о том, что во время него погибло много людей, пишет Ордерик Виталис (Chibnall IV, p. 78–81), который упоминает, что Вильгельм раскаялся на смертном одре и попытался возместить ущерб, который был им причинен, отдав приказ восстановить сожженные церкви.

вей. Старшего звали Роберт, тот потом после него стал герцогом в Нормандии. Другого звали Вильгельмом, тот после него носил королевскую корону в Англии. Третьего звали Генрихом, тому отец заващел неисчислимые сокровища».

Эмоциональность тона рассказчика в повествовании о кончине Вильгельма повышается по сравнению с предшествующими разделами. В рассказе о кончине короля чаще встречаются и риторические вопросы («Как более ужасное?» – “Hu reowlicor?”), и авторские вторжения в первом лице («Что я могу сказать?» – «Hwæt mæg ic teollan?»), и восклицания («Увы, как ложно и ненадежно изобилие в этом мире!» – “Eala, hu leas 7 hu unwrest is þysses mid-daneardes wela!”), и повторы («Он совершил ужасный поступок, и нечто более ужасное совершилось с ним. Как более ужасное?» – “**Reowlic** þing he dyde. 7 **reowlicor** him gelamp. Hu **reowlicor**?”), подобные тем, которые использовались в первых частях. Особую экспрессивность центральной части записи передают контрасты в сочетании с параллелизмами («У того, кто прежде был богатым королем и господином многих стран, у него не осталось никакой земли, кроме семи футов. И тот, кто был временами одет в золото и драгоценности, лежал тогда, укрытый землей» – Se þe wæs ærug rice cyng. 7 maniges landes hlaford. he næfde þa ealles landes buton seofon fot mæl. 7 se þe wæs hwilon gescrið mid golde. 7 mid gimum. he læg þa oferwrogen mid moldan; «Страшная смерть, которая не щадит ни могущественных, ни бедных, – она забрала его» – Se scearpa deað þe ne forlet ne rice menn. ne heane. seo hine genam). Не только тематика (наказание за несправедливость и особенно за преступления против церкви), но и стилистика этой части записи роднит ее с устными гомилетическими жанрами, которые основаны на употреблении тех же риторических приемов: повторов ключевых слов, восклицаний, риторических вопросов, параллелизмов частных примеров и обобщающих максим.

Рассказ о кончине короля мотивирует создание «объективной» **характеристики Вильгельма** как человека и как правителя: «Если кто-то захочет узнать, каким он был человеком, или какие почести ему воздавались, или скольким землям он был господин, тогда мы напишем о нем так, как мы, которые сами его видели и некогда жили при его дворе, его воспринимали. Король Вильгельм, о котором мы говорим, был очень мудрым человеком, и очень могущественным, и более достойным и более сильным, чем любой из его предшественников. Он был добр к тем хорошим людям, которые любили Господа, и суровым без меры к тем, кто противился его воле». В характеристике Вильгельма неожиданно появляется прямое авторское вмешательство в текст повествования, рассказывающее

о самом составителе анналов: *Ponne wille we be him awritan swa swa we hine ageaton, Þe him on locodon an ore on his hirede weredon* – «тогда мы напишем о нем так, как мы, которые сами его видели и некогда жили при его дворе, его воспринимали». Предполагалось, что в этих строках содержатся биографические детали, которые сообщает о себе создатель записи о Вильгельме: его причисляли к королевским придворным или к дворцовой челяди¹⁴.

Однако возможно и другое объяснение авторского вторжения в текст Хроники. Нельзя не заметить изменения тональности и содержания записи: тон повествователя внезапно меняется на хвалебный, а образ Вильгельма в противоречии с предыдущими утверждениями получает положительную оценку: он оказывается не только «мудрым и могущественным», но и более достойным и более сильным, чем любой из его предшественников. Составитель Хроники, вероятно, нуждается в обосновании неожиданной перемены в создании образа, поэтому начинает панегирическую часть с авторского вторжения, т. е. обосновывает изменение тона тем, что он сам видел и знал правителя, так как принадлежал к его свите. Отдельные формульные фразеологизмы в записи за 1087 г. встречаются и в характеристиках королей или знатных людей в сагах (в «Саге о Ньяле» о Снорри Годи сказано: «Снорри был самым мудрым человеком в Исландии из тех, у кого не было дара предвидения, он был добр к своим друзьям, но суров к недругам» – *Snorri var vitrastr maðr á Íslandi, þeirra er eigi voru forspáir, hann var góðr vinum sínum, en grimmr óvinum, Brennu-Njáls saga, kap. 114*; в «Саге о плаще» о короле Артуре говорится, что он был «добрым с хорошими, суровым с плохими» – *mjúklyndur góðum, harður illum, Móttuls saga, kap. 1*), и в рассказах англосаксонских проповедников, в частности Вульфстана, об обязанностях правителей («и по справедливости он должен быть одновременно милостивым и суровым: милостивым к добрым и суровым – к злым»¹⁵). Следовательно, трудно представить себе, что в авторском вторжении в Хронику можно видеть нечто более, чем освященный традицией риторический прием.

Если во второй части анналов за 1087 г., предшествующей описанию кончины Вильгельма, шла речь о его преступлениях против церкви, то в характеристике короля внезапно появляются упоминания о его благих делах по отношению к церкви: «На том самом месте, где Господь попустил ему завоевать Англию, он воз-

¹⁴ “The one definite piece of information which he gives is that he was a member of William’s household” [Whiting 1949, p. 91–92].

¹⁵ Текст цит. по: [Jost 1959]; перевод см.: [Swanton 1975, p. 125].

двиг знаменитую монастырскую церковь, и поселил туда монахов, и внес пожертвования. В его дни был построен знаменитый собор в Кентербери и также много других по всей Англии. Кроме того, эта страна была обильно заселена монахами, и они жили по правилу Святого Бенедикта, и Христианство было таковым в его дни, что каждый человек, который хотел, следовал тому, что было присуще его ордену. Он также был весьма достойным, он надевал свою королевскую корону три раза каждый год, так часто, как бывал в Англии. На Пасху он носил ее в Винчестере, на Пятидесятницу – в Вестминстере, в середине зимы – в Глостере, и тогда с ним были все могущественные мужи из всей Англии: архиепископы и епископы диоцез, аббаты и эрлы, таны и рыцари». Характеристика Вильгельма, следующая за описанием его кончины, противоречит начальным частям анналов, в которых говорилось о том, что во время правления нормандского короля церкви сжигали. В Петерборской рукописи упоминается о строительстве собора в Кентербери и основании аббатства в Гастингсе в знак покаяния в кровопролитии (известно, что Вильгельм настоял, чтобы алтарь в главном храме аббатства был воздвигнут на месте гибели Харольда Годвинсона¹⁶). Тем не менее составитель записи немного может сказать о достойном поведении короля: лишь то, что он трижды в год надевал корону, причем неизменно в окружении епископов и другого церковного причта.

Продолжение записи противоречит утверждению о добрых отношениях короля с духовенством и свидетельствует о его суровом и не всегда справедливом обращении с епископами и наместниками аббатств: «Он был также весьма суровым и гневливым, так что никто не осмеливался сказать ему ничего против его воли; он налагал оковы на эрлов, которые шли против его веления; он изгонял епископов из их епархий и аббатов – из их аббатств, а танов он ввергал в тюрьмы; и наконец не пощадил и своего брата по имени Одо. Тот был могущественным епископом в Нормандии, его епископский престол находился в Байо, и он был первым человеком после ко-

¹⁶ Об этом приказании Вильгельма рассказывается в «Хронике Аббатства»: “*Iactis ergo tandem fundamentis prestantissimi ut tunc temporis habebatur operis, secundum regis statutum altare maius in eodem loco quo regis Harald signum, quod ‘standard’ uocant, corruisse uisum est, prouide statuunt*” – «И так наконец основание было заложено тому, что в те дни считалось самым выдающимся зданием, и они благоразумно возвели другой большой алтарь, по повелению короля, в том самом месте, где упало, как видели, знамя короля Харальда, которое называется его штандартом» (Searle 1980, p. 46).

роля. У него было в Англии графство, и когда король находился в Нормандии, он был господином в этой стране. И его посадили в тюрьму». Епископ Одо приходился Вильгельму единоутробным братом (оба были сыновьями Эрлевы), владел графством Кент и был фактически наместником короля, правившим Англией в те годы, когда Вильгельм уезжал в Нормандию. Именно он благословил нормандские рати перед битвой при Гастингсе, в которой сам принимал участие, был верховным судьей, возглавлял королевские войска и жестоко подавлял любое сопротивление англосаксов верховной власти. Причиной заточения Одо в 1082 г., продлившегося пять лет, был планируемый им военный поход в Италию; он был безжалостно лишен титулов и званий, а его владения были конфискованы королем и возвращены лишь в 1087 г. Судя по тону записи, жестокое обращение Вильгельма с братом вызывает неодобрение составителя рукописи.

Утверждению о суровости и гневливости (“*stearc man 7 wrafe*”), проявленной Вильгельмом в обращении с епископом Одо, противоречит продолжение анналов за 1087 г., в котором составитель Хроники вновь изменяет тональность и рассказывает о справедливости короля: «Что касается других вещей, то тот добрый порядок, который он установил в стране, никогда не будет забыт, ведь любой человек мог беспрепятственно путешествовать по всему его королевству с мощной, набитой золотом; и никакой человек не осмеливался убить другого, какое бы великое зло тот ему ни учинил. И если какой-то человек насиловал женщину против ее воли, он немедленно лишался тех членов, которыми забавлялся». Возможно, изменение тональности с негативной на положительную послужило основанием для некоторых исследователей отнести весь текст анналов за 1087 г. к хвалебным, назвав его «гомилетическим панегириком» [Jurasiński 2004, p. 131]. Однако даже в этой наименее критической части записи утверждение составителя рукописи трудно воспринять буквально; ведь если жители страны были вынуждены терпеть любое «великое зло» (*mycel yfel*), то порядок в этих землях едва ли можно назвать *gode frið* – «добрым миром». Нельзя исключать, что составитель рукописи намеренно ввел в свой рассказ аллюзию на «Церковную историю англов» Беды Достопочтенного (гл. 16), в которой та же формула встречается в рассказе о временах короля Эдвина Нортумбрийского: «женщина могла пройти с новорожденным младенцем от побережья до побережья безо всякого вреда для себя». Та же формула употребляется и в анналах Петербургской рукописи за 1135 г. в описании правления короля Генриха I (1100–1135 гг.), о котором сказано, что в те времена человек мог беспрепятственно «пронести через всю страну мешок с золотом». Можно предполо-

жить, что составитель анналов за 1087 г. использовал формульное описание идеального правления, поместив его в контекст критического повествования о временах Вильгельма и ожидая ироническое отношение читателя к высказываемой «хвале».

Окончание прозаической записи за 1087 г. тоже содержит, возможно, намеренное контекстуальное противоречие: «Он правил Англией и благодаря своей проницательности так ее изучил, что не было ни одного гайда земли в Англии, о котором он не знал, кому тот принадлежит и сколько стоит, и не поместил бы его в свою перепись. Уэльс был у него во власти, и он строил там замки и полностью подчинил тамошнее население. И Шотландию он также сделал своим владением благодаря своей великой силе. Нормандия была той страной, которая принадлежала ему по праву рождения, и он правил графством, которое называлось Мэн. И если бы он прожил еще два года, то он завоевал бы Ирландию благодаря своей предусмотрительности и без всякого оружия. Поистине в его время люди много трудились и терпели много оскорблений». Сообщая о составлении «его переписи» (*his gewrit*), создатель Хроники имеет в виду знаменитую Книгу Судного Дня (*Domesday Book*), первый в Европе свод всеобщей поземельной переписи населения, проведенный в Англии по приказу Вильгельма за год до его смерти. Перепись включала всех землевладельцев, церковных и светских, всех крестьян, площадь земельного владения в гайдах, размеры пастбищ, лугов и лесов в поместьях, их стоимость. Упоминание о переписи, благодаря которой «не было ни одного гайда земли в Англии, о котором он (король) не знал, кому тот принадлежит и сколько стоит», рассматривается в Хронике как свидетельство, казалось бы, положительных качеств Вильгельма: его *gearscipe* – «проницательности» (однако не исключая также хитрость и коварство) и *werscipe* – «благоразумия, предусмотрительности» (но допускающей осторожность и расчетливость). Однако окончание этой части анналов говорит о том, что от их составителя не были скрыты истинные задачи переписи, отвечавшей стремлению короля оценить возможные источники доходов в казну. Для его подданных, выносивших «много оскорблений» (*manige teonan*), эпоха правления проницательного и расчетливого короля оказалась особенно тяжелой.

Если в прозаической части анналов, несмотря на всю их противоречивость, упоминались немногие добродетели короля, то в поэтической вставке, которую они предваряют, тональность возвращается к первым частям записи за 1086–1087 гг., предшествующим описанию королевской кончины. Составитель Хроники опускает обычное вступление, содержащее временной ориентир («в этот год») и начинает свою поэму *in medias res*:

1	Castelas he let wyrcean,	Замки повелевал он строить,
2	ond earme men swiðe swencean.	и бедные люди много работали.
3	Se cyng wæs swa swiðe stearc,	Король был весьма суров
4	ond benam of his underþeoddan manig marc goldes	и отобрал у своих подчиненных много
5	ond ma hundred punda seolfres.	марок золота и сотни фунтов серебра.
6	ðet he nam be wihite	Это он брал с людей
7	ond mid micelan unrihte	совершенно несправедливо,
8	of his landleode,	с народа своей страны
9	for litte[]re neode.	без всякой необходимости.
10	He wæs on gitsunge befeallan,	Его обуяла жадность,
11	ond grædinæsse he lufode mid ealle.	и он возлюбил алчность превыше всего.
12	He sætte mycel deofrið,	Он устроил большие угоды для зверей
13	ond he lægde laga þærwið	и установил при этом законы:
14	þet swa hwa swa sloge heort oððe hinde,	если кто-то убьет оленя или лань,
15	þet hine man sceolde blendian.	то тот человек будет ослеплен.
16	He forbæd þa heortas,	Он запретил охоту на оленей,
17	swylce eac þa baras.	и также на вепрей.
18	Swa swiðe he lufode þa headeor	Он так сильно любил лесных зверей,
19	swilce he wære heora fæder.	как будто был их отцом.
20	Eac he sætte be þam haran	Он также постановил так для зайцев,
21	þet hi mosten freo faran.	чтобы они могли бегать свободно.
22	His rice men hit mændon,	Его могущественные люди жаловались
23	ond þa earme men hit beceorodan;	на это, и бедные люди об этом горевали;
24	ac he [wæs] swa stið	Но он был столь суров,
25	þet he ne rohte heora eallra nið.	что не заботился о всех их нуждах.
26	Ac hi moston mid calle	Однако они должны были во всем
27	þes cynges wille folgian,	следовать воле короля,
28	gif hi woldon libban,	если хотели жить,
29	oððe land habban,	или владеть землями,
30	land oððe eahta,	землями или имуществом,
31	oððe wel his sehta.	или его добрым расположением.
32	Walawa, þet ænig man	Горе, когда какой-нибудь человек
33	sceolde modigan swa,	так возгордится,
34	hine sylf upp ahebban	и себя возвысит,
35	ond ofer ealle men tellan.	и вознесется выше всех людей.
36	Se ælmihtiga God cyræ his saule	Пусть всемогущий Господь проявит
	mildheortnisse,	к его душе милосердие
37	ond do him his synna forgifenesse!	и дарует ему прощение за его грехи!

Издатели по-разному определяют длину поэмы (от 17 до 32 строк), а нередко и вовсе исключают ее из изданий поэтического корпуса (она знаменательно отсутствует в наиболее авторитетном шеститомном собрании англосаксонской поэзии, – Krapp, Dobbie 1931–1953). Как поэтическое произведение, этот текст не высоко оценивается исследователями и редко привлекает их внимание (по справедливому замечанию одного из ученых, «мы до сих пор мало

знаем об этой поэме XI в.» [Jurasiński 2004, p. 131]), хотя и считается пригодным для того, чтобы использовать его орфографию в определении морфологических особенностей древнеанглийских памятников¹⁷. Поэму критикуют за «отсутствие технического мастерства», за внезапный перескок от прозы к «небрежным, наспех скроенным стихам» [Whiting 1949, p. 89]. В ней видят «неудачную попытку сочинить рифмованную поэзию», отказывая ее создателю в умении соблюсти «регулярный метр, формальную разбивку на строки, внятную образность» [Lerer 1999, p. 7]. Эту критику едва ли можно считать справедливой, особенно если принять во внимание то, что поэма о Вильгельме представляет собой один из первых образцов рифмованного английского стиха [Матюшина 2007, с. 68–69].

В поэме отсутствует поэтическая лексика, встречается всего шесть сложных слов, причем все они образованы по продуктивным моделям и имеют прозрачную внутреннюю форму: *landleode* – «люди страны», *underþeodan* – «подвластный народ», *head-eog* – «лесные звери», *deorfríð* – «угодыя для оленей», *ælmihtiga* – «Всемогущий», *mildheortnisse* – «милосердие». Синтаксическая организация поэмы крайне проста: в ней употребляются преимущественно простые предложения, объединенные союзом «и»: «он повелевал строить замки, и бедные люди много трудились. Король был весьма суров и отобрал у своих подданных много марок». Рифмовка в стихотворении соблюдается регулярно, применяется и суффиксальная рифма (*wyrcēan* : *swencēan*), и корневая (*leode* : *neode*; *wihte* : *unrihte*), и объединяющая корневое созвучие с созвучием заударных слогов (*haran* : *faran*), причем, как видно из приведенных примеров, достаточно точная. Помимо рифмы, в стихотворении используется орнаментальная аллитерация, однако очень редко в организующей функции, характерной для классического аллитерационного стиха: лишь в единичном случае аллитерация, которая возникает благодаря лексемному повтору (**m**en), объединяет две краткие строки в одну долгую: *His rice men hit mændon, / ond þa earme men hit beceorodan* – «Его богатые люди жаловались на это, и бедные люди горевали». Аллитерация обычно применяется здесь в кульминативной функции, выделяя наиболее семантически важные слова в строке (например, *lægde laga* – «установил законы», *heort odde hind* – «олень или лань», *freo fara* – «свободно бегать»)¹⁸.

¹⁷ Редукция финального “n” в поэме считается признаком отпадения окончаний при переходе от древнеанглийского к среднеанглийскому периоду [Whiting 1949, p. 89].

¹⁸ О кульминативной и связующей функциях аллитерации в классическом аллитерационном стихе см.: [Смирницкая 1982, с. 190–191];

Индивидуальную особенность поэмы составляет употребление аллитерации в пределах кратких строк, что позволяет сравнить ее со скальдической аллитерацией. Ко времени сочинения поэмы о правлении Вильгельма поэзия скальдов была хорошо известна на Британских островах, поэтому ее влияние на создателя поэмы из Петерборской рукописи нельзя исключить.

Со скальдическим панегириком можно на первый взгляд сравнить и жанр поэмы, если согласиться с теми исследователями, которые относят ее к энкомиям (“popular encomium” [Lerer 1999, p. 15–16]), или к «элегиям, выражающим скорбь по всему веку и по королю» (“an elegy for an age as much as for a king” [Lerer 1999, p. 12]), или к памятникам, «увековечивающим прочность его положения на английском престоле» [Bredehoft 2001, p. 118]. Тем не менее, в отличие от всех предшествующих поэм, включенных в Хронику, стихотворение о Вильгельме трудно отнести к панегирикам, так как оно содержит критику короля, подводя неутешительный итог его правлению. Немногое новое, что добавляется в поэме к прозаической части анналов в плане семантики, состоит в критике лесных законов: Вильгельм больше заботится о благе оленей, которых любит, как родной отец, чем людей. Создатель поэмы противопоставляет участь подданных и вольготную жизнь зверей: народ обречен на голод, зато зайцы бегают на воле, потому что король приносит интересы людей в жертву собственной страсти к охоте. Некоторые исследователи, например Стефан Юрасинский, считали, что поэма сочинена самим составителем Петерборской летописи и начинает традицию литературной полемики XII в. против несправедливости лесных законов, однако едва ли ее содержание исчерпывается критикой лесных законов [Jurasinski 2004, p. 131–144]. Можно заметить, что поэтическая вставка представляет собой перечисление негативных поступков короля (он угнетал, отбирал, был жаден, алчен, ослеплял, запрещал, был суров и т. д.), т. е. концентрированную критику, не разбавленную (в отличие от прозаической части) упоминаниями о его положительных и нейтральных действиях.

Поэтическая вставка отличается от прозаической части анналов за 1087 г. и по стилю. Используя характерные для гомилетических жанров риторические приемы (повторы, параллелизмы, контрасты, эмфатические конструкции), создатель прозы выступает скорее как оратор или проповедник, чем как бесстрастный историограф (Clark 1958, p. LXXV–LXXIX). Стилистика прозаической части анналов

об использовании аллитерации в позднесредневековой английской поэзии см.: [Матюшина 1994, с. 204, 222–223].

заставляет вспомнить о проповедях Вульфстана¹⁹, основанных на использовании ритмизованной прозы, аллитерирующих коллокаций, рифмованных периодов и таких риторических приемов, как повторы, параллелизмы, формульные интенсификаторы с наречием *swyðe* (*swyðe þearle* – «очень ужасно», ср. четырехкратное употребление этого наречия в первой части анналов за 1086 г.: “7 þæs ilcan geares wæs **swiðe** hefelic gear. 7 **swiðe** swincfull 7 sorhfull gear innan Englelande on orfwealme. 7 corn. 7 wæstmas wæron ætstandene. 7 swa mycel ungelimp on wæderunge. swa man naht æðelice gepencean ne mæg. swa stor þunring. 7 lægt wes. swa þæt hit acwealde manige men. 7 aa hit wyrsoðe mid mannan **swiðor** 7 **swiðor**” – «И этот самый год выдался крайне тяжелым. И заставил много трудиться, и был очень горестным годом в Англии, и был падеж скота. И зерно, и урожаи остались неубранными. И была такая неблагоприятная погода, что нельзя было себе и представить. И были такие сильные грозы и молнии, что убили много народа. И все для людей становилось хуже и хуже»). Не только стилистика, но и тематика прозаических анналов за 1086–1087 гг. близка к излюбленным темам гомилетической прозы Вульфстана, особенно в его знаменитой проповеди к англам (*Sermo Lupi ad Anglos*): царящие в стране беззаконие и несправедливость; бедность, болезни и страдания народа; преступления, совершаемые против церкви; непомерные налоги, разоряющие людей; непогода, уничтожающая урожаи; чужеземные завоеватели, вторгшиеся в страну; гордыня, навлекшая на людей гнев Божий; поражение англосаксов в битве как наказание за их грехи. Можно предположить, что создатель прозаической части анналов Петерборской рукописи за 1087 г. опирался на гомилетическую прозу Вульфстана.

Отдельные стилистические приемы, регулярно воспроизводимые в прозаической части анналов за 1087 г., вероятно, под воздействием ритмической прозы Вульфстана, в упрощенном виде заимствуются и в поэме о правлении Вильгельма: ср., например, употребление повторов (одде *land habban*, / *land одде eahta* – «или владеть землей, землей или имуществом»), или параллелизмов (*wyrcan* : *swencean* – «строить : трудиться»), или контрастов (*rice men* : *earme men* – «богатые люди» : «бедные люди»). Как и в поэме (*heort одде hind* – «олень или лань»; *land одде eahta, goldes ond seolfres* – «золота и серебра»; *одде wel his sehta* – «землей или имуществом или его добрым расположением»), в ритмической прозе Вульфстана воспроизводятся формульные фразы, связанные аллитерацией, разными видами рифмы, ассонансами и консон-

¹⁹ О стиле Вульфстана см.: [McIntosh 1949, p. 109–142; Fowler 1966, p. 37; Orchard 1992, p. 244–249].

нансами: *Ne dohte hit nu lange inne ne ute, ac wæs here and hunger, bryne and blodgyte on gewelhwylcan ende and gelome. And us stalu and cwalu, stric and steorfa, orfcwealm and uncofu, hol and hete and rypera reaflac derede swyþe þearle, and us ungylda swyþe gedrehtan, and us unwedera foroft weoldan unwæstma* (II, 69–71) – «Сейчас в течение долгого времени ничего не процветало ни в стране, ни за ее пределами, но почти во всех краях часто и все время были разруха и голод, огонь и кровопролитие. И воровство, и убийство, чума и мор, язва и болезнь, клевета и ненависть, и набеги грабителей наносили нам большой урон, и непомерные налоги сильно разоряли нас, и непогода часто уничтожала наши урожаи» [Marsden 2004, p. 214]. Как и в поэтической вставке в Петерборскую рукопись, в ритмической прозе Вульфстана встречаются и рифмы (*totorene* : *ofhrorene*, *stalu* : *swalu*), и ассонансы (*ungylda swyþe*), и консонансы (*derede* : *unwedera*), и орнаментальная аллитерация²⁰, причем оба звуковых повтора нередко объединяются в наиболее эмоциональных отрезках текста (*bryne and blodgyte, stric and steorfa*). Аллитерация и рифма в проповедях Вульфстана приобретают особую экспрессивность в равноударных и стремящихся к равносложным синтагмам, как правило, объединяемых анафорой (*and us*) и параллелизмом (*inne ne ute, here and hunger*).

Как в гомилетической прозе Вульфстана, в поэме о Вильгельме повторы, объединяемым ритмико-синтаксическим параллелизмом, могут употребляться в экспрессивной функции (*gif hi woldon libban, / oððe land habban, / land oððe eahta* – «если хотели жить, / или владеть землями, / землями или имуществом»). В приведенных строках используется усиленный вариант параллелизма, триколон, представляющий конструкцию из трех элементов, – экономичный, эффективный и самодостаточный прием, дающий возможность закончить перечисление, не представляя его легковесным. Как и в ритмической прозе Вульфстана, в поэтической вставке в Петерборской рукописи наиболее эмоционально насыщенные строки заканчиваются созвучными глагольными формами, в которых применяются аллитерация, ассонансы и рифма (*wugcean, swencean, be-*

²⁰ Звуковая организация прозы Вульфстана скорее всего связана с латинской риторикой, однако его билингвизм (напомним, что он был ближайшим советником не только Этельреда, но и Кнута Могучего), объясняющий присутствие в его трудах огромного числа скандинавских заимствований, и возможное знакомство с поэзией скальдов, канонизовавшей использование рифмы (консонансов и ассонансов), позволяют предположить, что на звуковую организацию его прозы могла оказать влияние и скандинавская словесность.

feallan, *blendian*, *faran*, *mændon*, *becerodan*, *folgian*, *libban*, *habban*, *ahebban*). Ритмическая организация строк, которые заключаются личными формами глаголов, помещенными в абсолютный конец строки, позволяет передать гнев и возмущение создателя поэмы перечисляемыми им злодеяниями нормандского короля. Однако функция звуковых приемов в риторической прозе Вульфстана и в поэме из Петерборской рукописи различна. Если Вульфстан употребляет и рифму, и аллитерацию в эмфатической функции, то в поэме о Вильгельме рифма используется в композиционной роли, а аллитерация – в кульминативной (для выделения наиболее семантически важных слов в строке).

Тематически поэтическая вставка в Петерборской рукописи за 1087 г. подводит итог прозаической части анналов и представляет собой вариацию ее различных частей, в которых шла речь и о строительстве замков, и об угнетении бедных людей, и о суровости и алчности короля, и о его несправедливом правлении, и о страданиях могущественных людей, и о горестях бедноты. Воспроизводится и максима о наказании за гордыню, обобщающая характеристику короля в гномической перспективе, и обращение к Господу о даровании прощения за грехи, завершающее поэму. Можно заключить, следовательно, что поэма о правлении и кончине Вильгельма, в концентрированном виде суммирующая содержание прозы, была создана на основе прозаической части анналов за 1087 г., опирающейся на гомилетическую прозу Вульфстана. Поэма, вероятно, была сочинена позднее, чем та запись, в которую включена, и восходит к низовой традиции словесности, почти свободной от влияния аллитерационного стиха и основанной на использовании рифмы, обиходной лексики, упрощенного синтаксиса. Возможно, перед нами уникальное свидетельство отношения к нормандскому королю его подданных, которое включено составителем Англосаксонской хроники как подтверждение его собственной негативной оценки правления Вильгельма.

Источники

- Barlow 1999 – *Barlow F.* (ed.) *The Carmen de Hastingae Proelio of Guy bishop of Amiens* // *Oxford Medieval Texts*, 1999. 152 p.
- Clark 1958 – *Clark C.* *The Peterborough Chronicles*. Oxford: Oxford University Press, 1958. 126 p.
- Chibnall 1969–1980 – *Chibnall M.* (ed.) *The Ecclesiastical History of Orderic Vitalis*. Ordericus Vitalis, 1075–1143. Vol. 1–6. Oxford: Clarendon Press, 1969–1980.
- Darlington 1995 – *Darlington R.R., McGurk P., Bray J.* (eds.) *The Chronicle of John*

- of Worcester: Volume II: The Annals from 450 to 1066. Oxford: Clarendon Press, 1995. 804 p.
- Davis 1998 – *Davis R.H.C., Chibnall M.* (ed.) *The Gesta Guillelmi of William of Poitiers.* Oxford Medieval Texts. Oxford, 1998. 248 p.
- Douglas 1981 – *Douglas D.C., Greenway G.W.* (eds.) *English Historical Documents 1042–1189.* 2nd ed. London: Eyre Methuen, 1981. 1120 p.
- Van Houts 1992 – *Houts van E.M.C.* (ed.) *The Gesta Normannorum Ducum of William of Jumièges, Orderic Vitalis, and Robert of Torigni, Vol. I.* Oxford: Clarendon Press, 1992. 296 p.
- Krapp, Dobbie 1931–1953 – *Krapp G.P., Dobbie E. Van K.* (eds.) *Anglo-Saxon Poetic Records. A Collective Edition, New York: Columbia University Press, 1931–1953.* Vol. 1–6.
- Mynors 1998 – *Mynors R.A.B., Thomson R.M., Winterbottom M.* (eds.) *William of Malmesbury: Gesta Regum Anglorum.* Oxford Medieval Texts, Vol. I, Oxford: Clarendon Press, 1998. 912 p.
- Searle 1980 – *Searle E.* (ed.) *The Chronicle of Battle Abbey.* Oxford: Oxford University Press, 1980. 357 p.
- The Anglo-Saxon Chronicle 1986 – *The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition.* MS A / Ed. J.M. Bately; D.N. Dumville; S. Keynes. Cambridge: D.S. Brewer, 1986. Vol. 3. 124 p.
- The Anglo-Saxon Chronicle 2001 – *The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition.* MS C / Ed. D. Dumville, S. Keynes; K. O'Brien O'Keefe; Cambridge: D.S. Brewer, 2001. Vol. 5. 150 p.
- The Anglo-Saxon Chronicle 1996 – *The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition.* MS D / Ed. G.P. Cubbin; D. Dumville, S. Keynes. Cambridge: D.S. Brewer, 1996. Vol. 6. 192 p.
- The Anglo-Saxon Chronicle 2004 – *The Anglo-Saxon Chronicle. A Collaborative Edition.* MS E / Ed. S. Irvine. Cambridge: D.S. Brewer, 2004. Vol. 7. 174 p.
- The Anglo-Saxon Chronicle 2000 – *The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition.* MS F / Ed. P.S. Baker, D.N. Dumville; S. Keynes. Cambridge: D.S. Brewer, 2000. Vol. 8. 158 p.

Литература

- Матюшина 1994 – Возрождение аллитерационной поэзии в позднесредневековой Англии // Проблема жанра в литературе Средневековья / Отв. ред. А.Д. Михайлов. М.: Наследие, 1994. С. 175–228.
- Матюшина 2007 – Становление лирики в средневековой Европе // Лирика: генезис и эволюция / Сост. И.Г. Матюшина, С.Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2007. С. 54–122.
- Смирницкая 1982 – Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия / Изд. подгот. О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомиров. М.: Наука, 1982.

- Bredehoft 2001 – *Bredehoft T.A.* Textual Histories: Readings in the Anglo-Saxon Chronicle. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 2001. 250 p.
- De Vries 1999 – *De Vries K.* The Norwegian Invasion of England in 1066. Woodbridge: Boydell Press, 1999. 325 p.
- Douglas 1953 – *Douglas D.C.* Edward the Confessor, Duke William of Normandy, and the English Succession // *English Historical Review*, LXVIII, 1953. P. 526–545.
- Fowler 1966 – *Fowler R.* Old English Verse and Prose: An Annotated Selection with Introduction and Notes. London: Routledge, 1966. 250 p.
- Jost 1959 – *Jost K.* Die “Institutes of Polity, Civil and Ecclesiastical”: Ein Werk Erzbischof Wulfstans von York // *Schweizer anglistische Arbeiten*. Bd. 47. Bern: Francke, 1959. 274 s.
- Jurasinski 2004 – *Jurasinski S.* The Rime of King William and its Analogues, *Neophilologus* 88: (January 2004). P. 131–144.
- Lerer 1999 – *Lerer S.* Old English and Its Afterlife // *The Cambridge History of Medieval English Literature* / Ed. D. Wallace. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 7–34.
- Marsden 2004 – *Marsden R.* The Cambridge Old English Reader. Cambridge, 2004. P. 214.
- McIntosh 1949 – *McIntosh A.* Wulfstan’s Prose. Sir Israel Gollanz Memoria Lecture, 1948 // *Proceedings of the British Academy*. 1949. Vol. 35. P. 109–142.
- Morillo 1994 – *Morillo S.* Warfare under the Anglo-Norman Kings 1066–1135. Woodbridge: Boydell & Brewer, 1994. P. 163–168.
- Oleson 1957 – *Oleson T.J.* Edward the Confessor’s Promise of the Throne to Duke William of Normandy // *English Historical Review*, LXXI, 1957. P. 221–228.
- Orchard 1992 – *Orchard A.* Crying Wolf: Oral Style and the Sermones Lupi // *Anglo-Saxon England*. 1992. Vol. 21. P. 244–249.
- Swanton 1975 – Swanton M. Wulfstan’s Institutes of Polity. *Anglo-Saxon Reader* / Ed. by M. Swanton. London: J.M. Dent and Sons Ltd, 1975. 188 p.
- Whiting 1949 – *Whiting B.J.* The Rime of King William // *Philologica: The Malone Anniversary Studies* / Ed. by T.A. Kirby and H.B. Woolf. Baltimore: Johns Hopkins, 1949. P. 89–96.

References

- Bredehoft, T.A. (2001), *Textual Histories: Readings in the Anglo-Saxon Chronicle*, University of Toronto Press, Toronto; Buffalo; London.
- DeVries, K. (1999), *The Norwegian Invasion of England in 1066*, Boydell Press, Woodbridge, UK.
- Douglas, D.C. (1953), “Edward the Confessor, Duke William of Normandy, and the English Succession”, *English Historical Review*, vol. LXVIII, pp. 526–545.
- Fowler, R. (1966), *Old English Verse and Prose: An Annotated Selection with Introduction and Notes*, Routledge, London, 1966.

- Jost, K. (1959), Die 'Institutes of Polity, Civil and Ecclesiastical'. Ein Werk Erzbischof Wulfstans von York, *Schweizer anglistische Arbeiten*, Bd. 47, Francke, Bern, Switzerland.
- Jurasinski, S. (2004), "The Rime of King William and its Analogues", *Neophilologus*, vol. 88, pp. 131–144.
- Lerer, S. (1999), "Old English and Its Afterlife", *The Cambridge History of Medieval English Literature*, D. Wallace (ed.), Cambridge University Press, Cambridge, UK, pp. 7–34.
- Marsden, R. (2004), *The Cambridge Old English Reader*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Matyushina, I.G. (1994), "The Revival of Alliterative Poetry in Late Medieval England", A.D. Mikhaylov (ed.), *Problema zhanra v literature Srednevekov'ya*, Nasledie, Moscow, Russia, pp. 175–228.
- Matyushina, I.G. (2007), "The Emergence of Lyrical Poetry in Medieval Europe", *Lirika: genezis i evolyutsiya*, Comp. by I.G. Matyushina, S.Yu. Neklyudov, RGGU, Moscow, Russia, pp. 54–122.
- McIntosh, A. (1949), "Wulfstan's Prose. Sir Israel Gollanz Memoria Lecture", *Proceedings of the British Academy*, vol. 35, pp. 109–142.
- Morillo, S. (1994), *Warfare under the Anglo-Norman Kings 1066-1135*, Boydell & Brewer, Woodbridge, UK.
- Oleson, T.J. (1957), "Edward the Confessor's Promise of the Throne to Duke William of Normandy", *English Historical Review*, LXXI, pp. 221–28.
- Orchard, A. (1992), "Crying Wolf: Oral Style and the Sermones Lupi", *Anglo-Saxon England*, vol. 21, pp. 244–249.
- Smirnitckaya, O.A. (1982), "Anglo-Saxon Poetic Art", *Drevneangliyskaya poeziya*, (eds.) O.A. Smirnitckaya, V.G. Tikhomirov, Nauka, Moscow, Russia.
- Swanton, M. (ed.) (1975), *Wulfstan's Institutes of Polity. Anglo-Saxon Reader*, J.M. Dent and Sons Ltd, London, UK.
- Whiting, B.J. (1949), "The Rime of King William", *Philologica: The Malone Anniversary Studies*, T.A. Kirby and H.B. Woolf (eds.), Johns Hopkins, Baltimore, USA, pp. 89–96.

Информация об авторе

Инна Г. Матюшина, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; I.Matyushina@exeter.ac.uk

Information about the author

Inna G. Matyushina, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; I.Matyushina@exeter.ac.uk

Немецкий рыцарский роман

УДК 82-131

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-116-127

Повествовательные стратегии в баварской поэме о Лоэнгрине

Ольга В. Попова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, popova.olga13w@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности сюжетосложения баварской поэмы «Лоэнгрин» XIII в. в связи с различными источниками, на которые опирается ее создатель. Сюжет поэмы, с одной стороны, основан на сюжете старофранцузской жести «Рыцарь с лебедем», известной в немецких землях по одноименному переложению Конрада Вюрцбургского, с другой – восходит к романной традиции Вольфрама фон Эшенбаха, который связывает происхождение героя с миром Грааля. Тяготение создателя поэмы о Лоэнгрине к романному повествованию, заданному традицией Вольфрама фон Эшенбаха и сюжетной рамкой произведения, постепенно сменяется привлечением эпических повествовательных моделей. Данная тенденция может быть объяснена сохранением функции героя как божественного посланника, которая не позволяет придать подвигам героя характер авантюры.

Ключевые слова: средневековый эпос, рыцарский роман, Рыцарь с лебедем, Лоэнгрин

Для цитирования: Попова О.В. Повествовательные стратегии в баварской поэме о Лоэнгрине // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 1. С. 116–127. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-116-127

Narrative Strategies in the Bavarian Poem *Lohengrin*

Ol'ga V. Popova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
popova.olga13w@mail.ru*

Abstract. The article discusses the features of the plot structure of the thirteenth-century Bavarian poem “Lohengrin” in connection with various sources, on which its creator relies. On the one hand, the plot of the poem is

© Попова О.В., 2021

based on the that of the old French *chanson de geste*, “The Swan Knight”, known in Germanic lands by the eponymous version of Konrad of Würzburg, and on the other hand, it goes back to the tradition of Wolfram von Eschenbach’s tale of chivalry, which connects the origin of the hero with the world of the Grail. The attraction of the creator of the Lohengrin poem to the tale of chivalry in the tradition of Wolfram von Eschenbach and to the story frame of the work is gradually replaced by the attraction of epic narrative models. This tendency can be explained by his having retained the function of the hero as a divine messenger, which does not permit the representation of the hero’s feats in terms of adventure.

Keywords: medieval epic, tale of chivalry, The Swan Knight, Lohengrin

For citation: Popova, O.V. (2021), “Narrative Strategies in the Bavarian Poem *Lohengrin*”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*. 2020, no. 1, pp. 116–127, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-116-127

В статье рассматриваются нарративные стратегии немецкой поэмы «Лоэнгрин» (“Lohengrin”) конца XIII в. Поэма сохранилась в двух манускриптах, была создана анонимным баварским поэтом, предположительно, между 1283 и 1290 гг. и стала частью цикла о Состязании певцов в Вартбурге (“Wartburgkrieg, oder Sängerkrieg auf der Wartburg”) [Matthews 2015]. Повествование о Лоэнгрине входит в часть цикла, называемую «Игра в загадки» (“Räthselspiel”), и вложено в уста Вольфрама фон Эшенбаха, который, согласно сюжету, вступает в спор с другим участником поэтического состязания, Клингзором. Баварская поэма является одним из многочисленных произведений, сложившихся в Средние века и повествующих о Рыцаре с лебедем, герое, прибывающем из иного мира и заключающем брак со смертной.

Обращаясь к исследованию повествовательных стратегий поэмы, необходимо учитывать как особенности сюжета, так и ее жанровую специфику. Этот памятник находится на стыке эпической и романной традиции, что во многом обусловлено его источниками, которые принадлежат разным жанрам.

Сюжет поэмы «Лоэнгрин», по всей видимости, восходит к двум немецкоязычным произведениям: это последняя, XVI книга рыцарского романа Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль» (“Parzival”, начало XIII в.), в которой содержится рассказ о сыне главного героя Лоэрангрине, и поэма Конрада Вюрцбургского «Рыцарь с лебедем» (“Der Schwanritter”, 1257 г.) [Krüger 1936, p. 122]. Оба источника, в свою очередь, заимствуют сюжет о Ры-

царе с лебедем из французской эпической традиции – одной из поэм, входящих в цикл о Первом крестовом походе и повествующих о легендарном предке Готфрида Бульонского. Старофранцузская поэма «Рыцарь с лебедем» (“Le Chevalier au Cygne”), по всей видимости, была единственным источником, из которого Вольфрам заимствовал сюжетный блок о подвиге Рыцаря с лебедем [Blöte 1898].

Анонимная старофранцузская поэма, в исследовательской литературе условно называемая «Рыцарь с лебедем», известна по рукописям XIII в. [Nelson 1985, р. XI–XIV]. Она основана на сюжетном блоке о главном подвиге героя, который, наряду с сюжетными блоками его рождения и смерти, позднее, в XIV в., становится частью целостного «сюжета о Рыцаре с лебедем». Получив отдельное бытование, рассказ о подвиге героя заимствуется немецкой традицией вне контекста крестового похода. Повествование о предшествующих событиях, рождении и юности Рыцаря с лебедем, восходящее к фольклорному сюжету о детях-лебедях, не было воспринято немецкими поэтами, и присутствующие в нем сказочные мотивы в немецких памятниках отражения не находят.

Сюжет старофранцузской поэмы «Рыцарь с лебедем» основан на рассказе о герцогине Бульонской, оказавшейся в беде из-за нападения на ее земли герцога Саксонского, и Рыцаре с лебедем, которого Бог посылает ей на помощь и который прибывает в ладье, влекомой лебедем. Описываемые события разворачиваются в Неймегене, где находится императорский двор, поскольку герцогиня обращается к императору с жалобой, желая доказать свое право владеть Бульоном и оспорить притязания на него герцога Саксонского, родственника ее супруга, прежнего правителя этих земель. При дворе императора происходит и судебный поединок, в котором Рыцарь с лебедем одерживает победу над герцогом. Впоследствии герой вступает в брак с дочерью герцогини, становясь правителем герцогства Бульонского, и накладывает на нее запрет задавать вопрос о его имени и происхождении.

Рыцарский роман Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль» является первым произведением, созданным на территории Германии, в котором упоминается Рыцарь с лебедем; в романе этот герой получает имя Лоэрангрин. Представив Лоэрангрину сыном главного героя романа, Вольфрам фон Эшенбах связывает его происхождение с Артуровским миром и служением Граалю. В отрывке, посвященном Рыцарю с лебедем, действие происходит не в Неймегене и Бульоне, а в брабантском городе Антверпен. Вольфрам включает в повествование лишь отдельные мотивы старофранцузской поэмы. В «Парцифале» у герцогини Брабантской нет

противника, с которым мог бы сразиться Рыцарь с лебедем. В этом произведении она изображается как невеста, которая отказывает женихам, поскольку желает выйти замуж за того, кого пошлет ей Бог. Вследствие этого в романе редуцируются эпизоды судебного заседания и судебного поединка. Император как верховный судья в «Парцифале» также отсутствует. Герцогиня Брабантская просит Бога дать ей не защитника, который бы избавил ее от беды, а супруга. Миссия Лоэнгринина как божественного посланника обусловлена ответом Грааля именно на эту просьбу и не требует подтверждения с помощью героических подвигов.

В отличие от романа Вольфрама, в поэме Конрада Вюрцбургского «Рыцарь с лебедем» в целом сохранена мотивная структура французского первоисточника, за исключением реализации мотива сражения главного героя с родственниками побежденного им герцога Саксонского. Подобная редукция может объясняться особенностями жанровой природы этого памятника, в котором появляются как модели романного повествования, так и черты, свойственные жанрам городской литературы; некоторые исследователи видят в нем влияние традиции шванка [Gernentz 1972, p. 12]. Если во французском первоисточнике можно заметить тяготение к обширным описаниям и отступлениям, свойственным эпическому жанру, то действие поэмы Конрада Вюрцбургского развивается стремительно, повествование сконцентрировано на главной сюжетной линии – подвиге Рыцаря с лебедем, отстаивающего право герцогини в поединке, условии, которое он ставит перед женитьбой на ее дочери, и нарушении этого условия. Можно предположить, что Конрад был знаком не только с французской поэмой «Рыцарь с лебедем», но и с романом Вольфрама фон Эшенбаха, на что указывает упоминание Брабанта в немецкой поэме.

Учитывая влияние романа Вольфрама и поэмы Конрада, при анализе нарративных стратегий, используемых создателем баварской поэмы «Лоэнгрин», стоит обратить особое внимание на события, при изложении которых средневековый поэт заимствует повествовательные модели из первоисточников поэмы. В дальнейшем будут рассмотрены сюжетные элементы, позволяющие совместить эти модели или, напротив, предполагающие следование одной из них.

Поэма «Лоэнгрин», включенная в цикл о состязании певцов в Вартбурге, вводится как вставной жанр, представляется ответом на вопросы Клингзора и в то же время примером совершенной песни, исполняемой Вольфрамом фон Эшенбахом, который является одним из персонажей цикла. Очевидно, таким образом создатель поэмы стремится расширить повествование о сыне Парцифала

Лоэрангрине, содержащееся в последней книге рыцарского романа. На это указывают упоминания Грааля и Артуровского мира в начальной части поэмы, поскольку именно об Артуре и его рыцарях вопрошает Клингзор. Однако далее ее создатель дает намного более подробное описание брабантского города Антверпен, где правит герцогиня Эльза.

Можно предположить, что столь внезапный переход от одного локуса к другому объясняется следованием традиции, заданной источниками поэмы. Почти во всех памятниках, содержащих рассказ о прибытии Рыцаря с лебедем ко двору герцогини, повествование строится вокруг локуса, в котором происходят наиболее значимые для сюжета события. Основным местом действия становится город, в который прибывают и главный герой, и оказавшаяся в беде герцогиня. В старофранцузской поэме это Неймеген, где Рыцарь с лебедем участвует в судебном поединке и одерживает победу над противником. Несмотря на то что в дальнейшем он становится правителем герцогства Бульонского и сохраняет этот статус более семи лет, о событиях, происходящих с ним в этот период, почти не рассказывается. Единственным событием, локализованным в Бульоне, является нарушение его женой запрета. Прощание героя с супругой происходит уже в Неймегене при дворе императора.

Неймеген упоминается и в версии Конрада Вюрцбургского, однако создатель поэмы о Лоэнгрине, вслед за Вольфрамом фон Эшенбахом, переносит действие в Антверпен, который становится главным местом действия, и вводит дополнительный локус – замок Мунсальвеш, откуда прибывает Лоэнгрин. Император как персонаж присутствует в этом произведении (в данном случае это называемый императором Генрих Птицелов) и сохраняет функцию верховного судьи, однако, в отличие от эпических версий, покидает императорский двор и сам прибывает в Антверпен, чтобы выслушать жалобу Эльзы Брабантской.

Итак, создатель «Лоэнгрини», включая в повествование мотивы эпической версии, в отношении локализации места действия следует версии романной. В романе Вольфрама фон Эшенбаха смена пространства происходит так же неожиданно, как и в других источниках. Для сравнения можно привести два отрывка из романа «Парцифаль» и поэмы о Лоэнгрине.

В рыцарском романе рассказ о сыне Парцифалья прерывается и происходит перенос в другой локус. Повествователь дает характеристику правительнице Брабанта, упоминая, что она отказывает женихам, и лишь после этого возвращается к рассказу о Лоэрангрине:

Loherangrîn wuohs manlîch starc:
diu zageheit sich an im barc.
dô er sich rîterschaft versan,
ins grâles dienste er prîs gewan. 824
Welt ir nu hoeren fûrbaz?
sît über lant ein frouwe saz...
<...>
si was fûrstîn in Brâbant.

Лоэрангрин вырос,
в него вселилась тоска.
Усвоив рыцарские устои,
он был удостоен службы Граалю.
Хотите ли вы слушать дальше?
В другой стране жила дама...
<...>
Она правила в Брабанте
(здесь и далее перевод О. Поповой).

В поэме «Лоэнгрин» песнь Вольфрама также начинается с упоминания имени Эльзы Брабантской:

der Clingzor sprach 'nû singet, meister wîse.' 300
Elsam von Prâbant diu pflag,
swenn sie durch gebet an blôzen kniewen lac,
daz sie ein schellen got ze êren haete.

Клингзор сказал: «Пой, искусный мастер».
Эльза Брабантская терпела муку,
когда в молитве стояла на коленях,
у нее был колокольчик, чтобы чтить Бога.

Таким образом, несмотря на то что в обоих памятниках братство рыцарей короля Артура и служение Граалю вводятся как главные темы, собственно рассказ о Рыцаре с лебедем начинается с описания несчастья, постигшего герцогиню Брабантскую.

Если обратиться к изображению начальной ситуации в поэме «Лоэнгрин», с одной стороны, можно считать, что оно заимствовано из поэмы Конрада: у герцогини есть противник, однако она не может найти бойца, который согласился бы вступить с ним в поединок и доказать ее правоту. С другой стороны, «обидчик» Эльзы не захватывает земли герцогини, а претендует на ее руку. В этом отношении сказывается влияние Вольфрама фон Эшенбаха, у которого герцогиня отказывает женихам, в других версиях против-

ник герцогини вообще не выступает в роли жениха. Согласно сюжету баварской поэмы, Фридрих фон Тельрамунт желает насильно жениться на Эльзе, что причиняет ей горе. Можно предположить, что этот персонаж введен в повествование создателем поэмы, поскольку ни в одном из ее источников он не фигурирует.

Повествование о беде, постигшей герцогиню Брабантскую, в поэме «Лоэнгрин» сменяется переносом места действия при помощи привлечения комплекса мотивов и описаний, отсутствующих во всех созданных ранее памятниках о Рыцаре с лебедем: описывается мир Грааля и рыцарей Круглого стола, рассказывается о мессе, во время которой на Граале появляется надпись, передающая высшую волю. Эти сюжетные элементы восходят к рыцарскому роману Вольфрама фон Эшенбаха, но вместе с тем в поэме упоминаются персонажи, отсутствующие в романе: дочери Парцифалья, Ланцелота и Гавана, которые могут увидеть надпись на Граале (о том, что бойцом избран Лоэнгрин и на Граале появилось его имя, становится известно от дочери Парцифалья Элизы). Кроме того, представляя Артуровский мир и мир Грааля фактически тождественными, создатель поэмы отходит от одной из главных идей романа Вольфрама, в котором эти два мира скорее соответствуют разным этапам пути Парцифалья и противопоставляются друг другу, когда куртуазные ценности вступают в противоречие с общечеловеческими. Подобное противопоставление теряет значимость для создателя поэмы «Лоэнгрин». Именно на короля Артура Грааль, согласно появившейся надписи, накладывает миссию найти бойца для Эльзы Брабантской. В то же время семантика Грааля заимствована из романа «Парцифаль» – он описывается как камень и выступает одновременно как христианская святыня, благодаря которой рыцари узнают божественную волю, и как сказочный предмет, дающий изобилие.

Много внимания в поэме о Лоэнгрине уделено описанию путешествия героя в Антверпен. Так, рассказывается о лебедь, который везет его ладью: во время плавания он опускает голову в воду, как будто ловит рыбу, однако в клюве у него оказывается облатка. Согласно предположениям исследователей, в описании путешествия Лоэнгринна заметно влияние одной из версий сюжета о Св. Брендане [Hahn, 2000]. Также в поэме упоминается о том, что, приближаясь к берегу, лебедь усыпляет Лоэнгринна своим пением. На протяжении данного отрывка, который содержит мотивы, отсутствующие во всех первоисточниках, смена пространства происходит последовательно, повествование сконцентрировано вокруг перемещения героя между мирами. Однако в описании прибытия Лоэнгринна в Антверпен вновь можно наблюдать следование нарративной стра-

тегии одного из источников – поэмы Конрада Вюрцбургского. Повествователь достаточно резко переходит к изображению реакции Эльзы и других персонажей, наблюдающих за лебедем, который везет по воде героя, погруженного в сон.

Таким образом, в начальной части поэмы «Лоэнгрин» наблюдается постоянное чередование двух локусов: мира Артура и Грааля, далекого и сказочного, упоминание которого задано сюжетной рамкой (именно на вопрос о короле Артуре отвечает Вольфрам), и «исторического» Антверпена, основного места действия, описание которого в начале поэмы задано всеми сюжетными источниками, известными баварскому поэту. Подобную стратегию можно объяснить стремлением создателя поэмы о Лоэнгрине не последовательно, а одновременно дать представление о событиях, происходящих в обоих мирах. Вероятно, с этой целью в повествование вводится новый сюжетный элемент – мотив колокольного звона.

Звон колоколов упоминается в диалоге поэтов, предшествующем вставному рассказу, и является частью загадки Клингзора, которую предстоит разгадать Вольфраму фон Эшенбаху:

Klingzor

Artûs hât kempfen ûz gesant,
sît er von dirre werlte schiet, in Kristenlant
hoert wie die selben botenschaft ein glocke
wol über tûsent rast erwarp,
dâ von ein hôher grâve sît in kampfes tarp.
<...>

Wolfram

der Clingezor tuot uns niht bekant
wer sî der kempfe den Artûs habe ûz gesant. 265
er seit ouch niendert wer die glocken liutet.

Клингзор

Артур посылал бойцов,
с тех пор как удалился от этого мира, в христианские земли.
Услышьте, как один из бойцов для подобной миссии

колокольным звоном

за тысячу ночлегов был призван,
в бою с ним потом погиб знатный граф.

<...>

Вольфрам

Клингзор не рассказал нам ни о том,
кем был боец, посланный Артуром,
ни о том, кто звонил в колокола.

Действительно, из песни Вольфрама становится ясна сюжетная функция колокольного звона. В поэме рассказывается, как сокол Эльзы, взывающей к Богу с мольбой послать ей бойца, приносит колокольчик, герцогиня звонит в него, звон достигает небес, и в Мунсальвеше начинают звонить колокола, созывая рыцарей на торжественную мессу. Колокольчик Эльзы обозначается в тексте как “schelle” или “glockelîn”, а колокола, звон которых был слышен в Мунсальвеше, – “glocken”. К данному мотиву баварский поэт постоянно обращается вплоть до эпизода прибытия Лоэнгрин в Антверпен: появлению на воде лебедя предшествует речь капеллана, напоминающего Эльзе о чуде с колокольчиком, которое знаменует скорое утешение. Мотив колокольного звона можно назвать семантическим центром повествования; данный сюжетный элемент объединяет оба мира, позволяя легко переходить от одного локуса к другому.

Исследование дальнейших нарративных стратегий баварской поэмы также подтверждает их непосредственную связь с проблемой жанровой природы этого произведения и его первоисточников. В последующем повествовании вновь можно заметить как ориентацию на поэму Конрада Вюрцбургского, так и влияние рыцарского романа. В поэме «Лоэнгрин» получает реализацию мотив поединка главного героя с обидчиком герцогини, отсутствующий в романе Вольфрама. Однако в отличие от эпических версий, из которых, по всей вероятности, он заимствуется, в поэме «Лоэнгрин» поединку не предшествует эпизод судебного заседания, поскольку миссия Рыцаря с лебедем интерпретируется иначе. В эпической традиции этот герой выступает как защитник правды и справедливости, его победа в судебном поединке обусловлена тем, что Бог всегда на стороне правого. В поэме «Лоэнгрин», напротив, главный герой сражается не столько для того, чтобы отстоять права герцогини, сколько ради доказательства своего права вступить с ней в брак.

Как следует из текста поэмы, поединок сохраняет характер Божьего суда – герой объявляет Эльзе, что прибыл по воле Бога, чтобы сразиться за нее в судебном поединке (“ein kempfe vor gerichte”). Однако в связи с изменением мотивировки поединка эпизод судебного заседания в поэме о Лоэнгрине заменяется эпизодом пира, во время которого Рыцарь с лебедем и его противник произносят обвинительные речи. Теме пира в поэме уделяется значительное место: подробно описывается одеяние Лоэнгрин, которое выбрала для него сама герцогиня, забавы, которым предаются знатные сеньоры и дамы, пробуждение любви (“*minne*”) в сердцах Лоэнгрин и Эльзы. Тема любви к Прекрасной Даме проявляется и в описании самого поединка – любовное чувство придает силы главному герою и определяет его превосходство над противником.

Таким образом, из поэмы Конрада Вюрцбургского баварский поэт заимствует мотив судебного поединка, однако, в соответствии с миссией Рыцаря с лебедем, привнесенной сюжетом рыцарского романа, придает его подвигу характер любовного приключения. В результате совмещения этих двух тенденций повествование поэмы о Лоэнгрине приобретает черты, свойственные германскому рыцарскому эпосу, которые нельзя назвать характерными ни для одного из ее первоисточников.

В то же время перенесение акцента на миссию Лоэнгринина как жениха, данного герцогине Брабантской Богом, не влечет за собой изменения главной функции героя, присутствующей во всех без исключения памятниках о Рыцаре с лебедем, – функции божественного посланника. Можно предположить, что присутствие в поэме о Лоэнгрине обширных описаний и отступлений, которые нередко можно увидеть в поздних эпических текстах, наряду с сохранением религиозной миссии героя повлекло за собой появление еще одной темы, отсутствующей в первоисточниках, – темы борьбы христиан с неверными.

Значительную часть поэмы о Лоэнгрине занимает описание двух сражений, в которых участвует главный герой на стороне германского императора, – битвам с венграми (которые в тексте также называются гуннами) и сарацинами. Всего в поэме насчитывается 7670 стихов, и примерно 4300 стихов, т. е. более половины из них, посвящены описанию военных походов. Битва с венграми мотивирована необходимостью отразить их натиск, а поход против сарацин скорее вызывает ассоциацию с крестовым походом против неверных. Повествование о военных подвигах Лоэнгринина строится на характерных для эпического произведения тематических комплексах: посольства, сборы войск, речи перед войсками, битва как множество поединков, чествования и дары победителям. Композиционно включение в сюжет этих эпизодов соответствует мотиву сражения главного героя с родственниками побежденного им противника в старофранцузской поэме «Рыцарь с лебедем». Однако на знакомство создателя «Лоэнгринина» с французской поэмой, из которой он мог бы заимствовать мотивы сражений и контекст Первого крестового похода, напрямую ничто не указывает. Вероятнее всего, их появление связано с «возвращением» повествованию о Рыцаре с лебедем эпической природы, которая, в противовес стремительно развивающемуся действию рыцарского романа «Парцифаль» и поэмы Конрада Вюрцбургского, влечет за собой амплификацию сюжета и обращение к приему ретардации.

Можно заключить, что тяготение создателя поэмы о Лоэнгрине к романному повествованию, заданному традицией Вольфрама

фон Эшенбаха и сюжетной рамкой произведения, постепенно сменяется привлечением эпических повествовательных моделей. Эту тенденцию кажется возможным объяснить сохранением функции героя как божественного посланника, которая не позволяет придать подвигам героя характер авантюры.

Сделанный вывод полностью подтверждает исследование заключительной части поэмы, в которой вследствие нарушения супругой Лоэнгриня заложённого на нее запрета герой покидает Брабант, возвращаясь в мир Артура и Священного Грааля. Описание путешествия Лоэнгриня в Мунсальвеш в тексте не приводится. Его фактически заменяет подробный рассказ рыцаря о его родословной и служении Граалю. Обращение к миру воображаемого можно было бы интерпретировать как отступление от свойственного эпосу историзма, ранее проявившегося в поэме в описании битв с венграми, во времена Генриха Птицелова действительно нападавшими на германские земли, и борьбы с сарацинами, которая отражала исторические реалии того времени.

Однако сообщение о том, что герцогство Брабантское перешло к старшему сыну Эльзы и Лоэнгриня, служит для создателя поэмы предлогом для включения в повествование исторического контекста. Внимание баварского поэта обращается не на потомков Лоэнгриня, а на преемников Генриха Птицелова, ошибочно называемого в тексте поэмы императором. Рассказывается о его сыне Оттоне, который стал правителем Священной Римской империи, об окончательной победе над венграми и их христианизации. Главный герой представляется не как персонаж, принадлежащий сказочному миру (как это было в начале повествования), а как посланник Бога, выполняющий религиозную миссию и являющийся гарантом легитимности правления германских императоров. Создатель поэмы ограничивается изображением событий, происходящих в мире условно «историческом», и смены повествовательной стратегии в финале поэмы не происходит.

Литература

- Blöte 1898 – *Blöte J.F.D.* Das aufkommen des clevischen Schwanritters // *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1898. Bd. 42. S. 1–53.
- Gernentz 1972 – *Der Schwanritter*. Deutsche Erzählungen des 13. und 14. Jahrhunderts / Herausgegeben und aus dem Mittelhochdeutschen übertragen von H.J. Gernentz. Berlin: Rütten & Loehning, 1972. 488 S.
- Hahn 2000 – *Hahn R.* “Ein engel gap dem wîsen man ein buoch”. Anmerkungen zur Brandanlegende im „Wartburgkrieg“ // *Zeitschrift für deutsche Philologie*. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2000. Sonderheft zum Band 119. S. 112–129.

- Krüger 1936 – *Krüger A.G.* Die Quellen der Schwanritterdichtungen. Hannover: Gifhorn, 1936. 297 S.
- Matthews 2015 – *Matthews A.* The Ends of Polemic and the Beginning of Lohengrin // Polemic: Language as Violence in Medieval and Early Modern Discourse / Dr Almut Suerbaum, Dr George Southcombe, Dr Benjamin Thompson. Farnham: Ashgate Publishing, 2015. P. 43–64.
- Nelson 1985 – Le Chevalier au Cygne and La Fin d'Elias / ed. by Jan A. Nelson. Tuscaloosa et London: University of Alabama Press (The Old French Crusade Cycle, Vol. 2), 1985. 556 p.

References

- Blöte, J.F.D. (1898), “Das aufkommen des clevischen Schwanritters”, *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*, Weidmannsche Buchhandlung, Berlin, Germany, Bd. 42, pp. 1–53.
- Gernentz, H.J. (1972), *Der Schwanritter*. Deutsche Erzählungen des 13. und 14. Jahrhunderts, Herausgegeben und aus dem Mittelhochdeutschen übertragen von H.J. Gernentz, Rütten & Loehning, Berlin, Germany.
- Hahn, R. (2000), “Ein engel gap dem wîsen man ein buoch”, Anmerkungen zur Brandanlegende im ‘Wartburgkrieg’“, *Zeitschrift für deutsche Philologie*, Erich Schmidt Verlag, Berlin, Germany, Sonderheft zum Band 119, pp. 112–129.
- Krüger, A.G. (1936), *Die Quellen der Schwanritterdichtungen*, Gifhorn, Hannover, Germany.
- Matthews, A. (2015), “The Ends of Polemic and the Beginning of Lohengrin”, *Polemic: Language as Violence in Medieval and Early Modern Discourse*, Ashgate Publishing, Farnham, UK, pp. 43–64.
- Nelson, J.A. (ed.) (1985), *Le Chevalier au Cygne and La Fin d'Elias*, University of Alabama Press, Tuscaloosa et London (The Old French Crusade Cycle, Vol. 2).

Информация об авторе

Ольга В. Попова, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; popova.olga13w@mail.ru

Information about the author

Olga V. Popova, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; popova.olga13w@mail.ru

Французская литература Возрождения

УДК 82-32

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-128-148

Диалог, беседа и новелла во Франции эпохи позднего Ренессанса

Ирина К. Стаф

Институт мировой литературы РАН, Москва, Россия,

irina.staf@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется модель повествовательных сборников, которая сложилась во Франции в последней трети XVI в. и которую принято обозначать термином «пестрые рассказы и речи» (книги Ноэля дю Фая, Николая де Шольера, Гийома Буше). Рассматриваемые обычно как тупиковая ветвь новеллистики, эти произведения возникли под влиянием рецепции французской литературой диалога в различных его ипостасях – гуманистического, затем платоновского. Благодаря трудам переводчиков и интерпретаторов этот жанр послужил основой новой формы диалога, «академической беседы» (*conversation, devis*). Вторым образцом для «пестрых рассказов» послужили сборники общих мест (*loci communes*): гуманистическая форма, будучи апроприрована городской средой, не только послужила популяризации гуманистического знания, но и задала структуру, в рамках которой стал возможен синтез практически всех малых прозаических форм, от поговорки до новеллы.

Ключевые слова: Франция, позднее Возрождение, «пестрые рассказы и речи», новелла, диалог, беседа

Для цитирования: Стаф И.К. Диалог, беседа и новелла во Франции эпохи позднего Ренессанса // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 1. С. 128–148. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-128-148

© Стаф И.К., 2021

Late Renaissance Dialogue, Conversation and Novella in France

Irina K. Staf

*A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, irina.staf@gmail.com*

Abstract. The article analyses the model of narrative prose collections, which took shape in France in the last third of the 16th century, and which is commonly referred to as “sundry stories and speeches” (it includes books by Noël du Fail, Nicolas de Cholières, Guillaume Bouchet). Typically regarded as an abortive branch of novelistics, these works emerged under the influence of the reception in French literature of dialogue in its various hypostases – humanist, and later platonic. Due to the work of translators and interpreters, this genre became the basis of a new form of dialogue, “academic conversation” (or *devis*). The second model for “sundry stories” was the collection of common places (*loci communes*): the humanist form, when adopted by city culture, not only served to popularise humanist knowledge, but also to determine a structure within which it was possible to accommodate almost all the short prose forms, from a proverb to a novella.

Keywords: France, later Renaissance, “sundry stories and speeches”, novella, dialogue, conversation

For citation: Staf, I.K. (2021), “Late Renaissance Dialogue, Conversation and Novella in France”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 1, pp. 128–148, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-128-148

В последней четверти XVI в. во французской литературе возник феномен, получивший у историков название «пестрые рассказы и речи» (*contes et discours bigarrés*), «одно из самых поразительных явлений в литературе XVI века» [Lestringant 2011, p. 13]. Как правило, этим термином объединяются сочинения трех авторов – юриста, магистрата и писателя из Ренна Ноэля дю Фая («Рассказы и речи Этрапеля», 1585; изданы посмертно); литератора, либрария и печатника из Пуатье Гийома Буше («Вечерние беседы», 1584; 2-я часть – 1597; третья – 1598) и адвоката, затем приора Аббевиля Жана Дагонно, известного под псевдонимом Николя де Шольер [Loviot 1913] («Девять утренних бесед», 1585, и «Послеобеденные беседы», 1587).

Прежде чем попытаться выяснить специфику этих произведений, следует коротко остановиться на некоторых литературных

факторах, которые существенно повлияли на эволюцию сборника коротких рассказов во второй половине столетия.

Речь идет прежде всего о новой модели диалога, послужившей образцом для создателей «пестрых рассказов». Начиная с 1550-х гг. едва ли не вся французская словесность оказалась проникнута влиянием платоновских диалогов, переводы которых были призваны служить к украшению и славе национального языка [Flamand 2011, p. 42 sq.]. Платонизм 1540-х – начала 1550-х гг., возникший в окружении Маргариты Наваррской и в рамках первой французской «академии» – Плеяды [Yates 1947], сменился стремлением подражать Платону. При этом, вслед за *Proœtium* Фичино к переводу на латынь сочинений философа и его комментарием к «Пармениду», основной акцент ставился на разнообразии платоновского стиля и на фрагментарном, нелинейном характере изложения идей в диалогах. Луи Ле Карон в обращении к «любезным и благосклонным читателям», которым открывается диалог «Клер, или Об осмотрительности права», «настоящий манифест второй поэтической платоновской прозы во Франции» [Lecoïnte 1989, p. 49], пишет: «Полагаю я, что некоторые из вас читали “Диалоги” божественного Платона, каковой, рассуждая о философии... перемешивает разные речи – веселые, обыденные, домашние и вымышленные» (Le Caron 1554, f. aij v°). Понимание диалога как «смеси», пограничной между прозой и поэзией и заключающей в себе поиск истины через столкновение отдельных мнений (фрагментов), характерно и для Спероне Сперони, чьи «Диалоги» были переведены во Франции в 1551 г. В своей «Апологии диалогов» (1574) он объясняет выбор диалогической (платоновской) формы своих произведений тем, что не способен представить читателю некую единственную истину, достижимую посредством логики: «Что до меня, когда бы имел я некое твердое знание о том, о чем идет речь, то не создавал бы диалоги, а написал все по образцу Аристотеля» (Speroni 1596, p. 531).

Во многом благодаря рецепции платоновской формы диалога во французской (и не только) словесности сместилось само понимание жанра, унаследованное от диалога гуманистического. Развернутое изложение идей, конструирование культурно-нравственного идеала, характерное, например, для Кастильоне или Бембо, постепенно уступало место свободному разговору, беседе – тому, что во Франции обозначалось как *conversation* (или *devis*) и заключало в себе идею совместного приятного и в то же время полезного времяпрепровождения. Даже само слово «диалог» оказалось фактически вытеснено из заглавий большинства диалогических сочинений. Иллюстрацией этого различия между диалогом и *devis* может служить вводная часть «Диалога о добродетели» Беральда де Вер-

вила, продолжающего традицию «спора о женщинах»: собственно диалог между Дамой и Дворянином возникает на фоне вечернего собрания дам и кавалеров, где они ведут разговоры на самые разные темы. У добродетельных дам, пишет автор, в обычае вести беседы для времяпрепровождения и приобретения знаний; они «пользуются всяким моментом жизни для поиска знаний, обретая которые по праву считаются совершенными» (Bérolde de Verville 1584, f. 3 r°). Однажды во время этих «дружеских приятных бесед» одна из совершенных спорила о добродетели с неким дворянином, словно бы наставляя его, ни более ни менее... <...> ...Сочетая с обычной своей любезностью такое изящество, что могла бы убедить в чем угодно душу почти закоснелую...» (Bérolde de Verville 1584, f. 3 v°). Диалог, имеющий целью наставление и воспитание, вычленяется из дружеских бесед на досуге, во время которых дамы и кавалеры, обмениваясь знаниями, постигают моральную философию.

Вторым важным фактором, повлиявшим на распространение во Франции 1580-х годов нового типа диалога-*devis*, стал перевод диалогического трактата итальянского литератора и дипломата Стефано Гуаццо «Учтивая беседа» (1574). Невероятно популярный в Италии, он вышел по-французски в 1579 г. одновременно в Париже и Лионе – в двух переводах, выполненных Франсуа де Бельфоре и Габриелем Шапшюи. Трактат, или, по определению автора, «храм беседы» (*il tempio della conversazione*), представляет собой своеобразную сумму предшествующей диалогической традиции. Гуаццо создает первый в истории трактат о хороших манерах, предметом которого служит только и исключительно беседа: разговор предстает объединяющей силой общества и основой человеческой личности. «Ее высшая цель – взаимопомощь, ибо, лишь собрав вместе нескольких несовершенных людей, можно надеяться, что это собрание даст одного человека, обладающего всеми совершенствами... без нее никакого совершенства быть не может» [Guérin 2006, p. 243]. Тем самым главным ее достоинством служит разнообразие: «...более всех угодны... в разговоре те, кому Бог даровал благодатное умение (*grazia*) складно и без промедления рассуждать о чем угодно, ибо как весна с ее разнообразием цветов несет взору изумительную усладу, так и они подают невероятное утешение душам нашим разнообразием знаний» (Guazzo 1574).

Следствием подобного понимания *conversazione* оказывается парадоксальное противоречие между формой «Учливой беседы» и теми идеями, на которых возводится ее «храм». Гуаццо строит повествование по модели платоновских диалогов, где роль собеседника принадлежит рыцарю-меланхолику Гульельмо, а роль Сократа – врачующему его философу Аннибале де Маньокавалли.

Однако мудрость, которую проповедует Аннибале, предпочитающий говорить «скорее как простой горожанин, нежели как философ», разительно отличается от мудрости Сократа, опирающейся на логику и стремящейся к познанию неведомого. Учение Аннибале ближе всего к гигантской сумме *loci communes* (общих мест) (см.: [Moss 1996, Goyet 2018]), почерпнутых из множества античных философов, древних и новых поэтов, сборников-флорилегиев нападобие «Полиантеи» (1503) Нанни Мирабелли, а также пословиц и поговорок. Цель этой «настоящей энциклопедии Традиции, сокровищницы коллективного знания» [Guérin 2006, p. 245] – овладение «готовой» мудростью *auctores*, которую следует уметь применять к собеседникам и обстоятельствам и которая как раз и позволяет «складно и без промедления рассуждать о чем угодно».

Иначе говоря, *conversazione*, в отличие от платоновского диалога, – это беседа равных, основанная не на опровержении, а, напротив, на утверждении общепринятого, отлитого в форму сентенций и пословиц мнения. Ей чужда и логическая структура гуманистического диалога (тезис–антитезис–синтез); отказываясь от любой софистики, она предполагает не убеждение оппонента, а обмен теми фрагментами всеобщего знания, которыми обладает каждый из ее участников.

Ф. Герен, рассматривая мутацию диалога в *conversazione* (или *devis*) в период позднего Ренессанса, полагает, что речь идет «о смерти диалога, во всяком случае диалога гуманистического» [Guérin 2006, p. 236]. На наш взгляд, этот процесс имеет более сложный характер. Изменения, которые претерпевает диалог, можно назвать одной из форм апроприации ученой – в данном случае гуманистической – культуры широкими слоями читателей. Р. Шартье в своей статье о «народном» чтении ([Chartier 1995]; см. также: [Chartier 1984]) подчеркивает, что практически все тексты, составившие знаменитую «Синюю библиотеку», изначально принадлежат к «высокой» словесности и «к самым разным жанрам, но благодаря новой печатной форме... и новому способу распространения... попадают к публике, сильно отличающейся от той, что обеспечила им первый успех» [Шартье 2006, с. 202]. «Популяризация» диалога и связанных с ним культурных практик, как в рамках ренессансных академий XVI в., так и путем расширения читательской аудитории древних и новых образцов жанра благодаря переводам на народный язык и сравнительно большому для эпохи количеству изданий, привела к всплеску подражаний, ориентированных прежде всего на городского читателя. Диалог приобретает не только новое обличье, но и новые функции: руководство по «учтивому» поведению, предназначавшееся изначально образованной знати

и переработанное для всех и на все случаи жизни, включая беседы в семье, становится прежде всего средством обучения, своего рода пропедевтическим пособием для городского сословия, помогающим ему воспринять в доступной и занятой форме – поговорки, толкования к *loci communes*, фрагменты поэзии, фации, короткие новеллы и т. д. – массив знаний, который еще в начале века был достоянием гуманизма.

Влияние этого нового извода диалога в полной мере сказалось в «пестрых рассказах» Ноэля дю Фая, Гийома Буше и Николя де Шольера, возникших в эпоху, когда «читательская аудитория разнообразится, и эти сборники, сделавшиеся бестселлерами, позволяют более широкой публике получить доступ к культуре, почти неотделимой от развлечения. <...> Для авторов, за невозможностью охватить всю совокупность знания, речь идет скорее о том, чтобы предоставить будущим читателям “запас знания, и как бы [запас] из неких закров учености”, по словам Макробия к сыну в предисловии к “Сатурналиям”» [Thomine 2011, p. 211–213].

Несмотря на все различия между сочинениями трех этих авторов, общие черты в них безусловно преобладают. Трансформации, которые претерпел сборник коротких историй в последней трети столетия, особенно наглядно проявляются при сравнении двух текстов Ноэля дю Фая. «Рассказы и речи Этрапеля» (изд. 1585), продолжение более раннего сборника писателя, «Росказни, или Новые рассказы Этрапеля» (1548), более чем втрое превосходят по объему первую книгу и, при сохранении тех же главных персонажей – Этрапеля, Полигама и Лупольда, – значительно отличаются от нее по структуре.

«Росказни...» вписываются в традицию сборника развлекательных историй: об этом прямо говорит имя заглавного героя, почерпнутое, скорее всего, из «Разговоров запросто» Эразма и отсылающее к обширной античной (и средневековой) традиции, начиная с «Никомаховой этики» [Gaël 1970; Richard-Thomine 1997]. Основная функция Этрапеля – развеивать «меланхолию» у сельского дворянина Полигама (и у читателя). В начале главы IV он приглашает его на прогулку: «Сударь, вы словно проиграли в кости свои яички, такой вы меланхолический да унылый. Развеселитесь, ей-богу, так угодно королю» (Du Fail 1894, p. 44); в главе V призывает Лупольда «что-нибудь соврать» для развлечения господина. Он играет роль шута при сеньоре и ведет себя соответственно: во второй главе, будучи изгнан голодным с пирушки в доме некоего дворянина, он «как ни в чем не бывало вышел из-за стола, но в дверях залы громко испортил воздух со словами: “Детишки, становитесь приличными людьми”» (Du Fail 1894, p. 37–38). Нужно, одна-

ко, подчеркнуть, что шут этот, наподобие Панурга у Рабле, владеет всеми «языками культуры», от античной и придворно-куртуазной традиции до площадного юмора. Герой «Росказней...» сознательно изображает буффона, пародируя и высмеивая топику «высокой» словесности. Недаром его главным оружием служат прежде всего не проделки (как, например, в историях об Ойленшпигеле или Вийоне), но рассказы, а его голос часто неотличим от голоса автора-повествователя.

Совсем иначе организованы «Рассказы и речи Этрапеля», вышедшие без малого 40 лет спустя. Различие проявляется уже в названиях глав обоих сборников: если в «Росказнях...» повествование строится вокруг фигуры героя («Этрапель приводит к Полигаму крестьянина-рогоносца», «Этрапель рассказывает о собравшейся компании», «Этрапель, побывав на борьбе, отчаивается от голода»), то 33 главы «Рассказов и речей...» именуются «О Правосудии», «О времени нынешнем и прошлом», «Суды и последствия тяжбы», «О любви к себе», «О подагре», «О насмешке» и т. д. В заглавия выносятся морально-философские, медицинские, юридические вопросы, формулировка которых напоминает «Опыты» Монтеня.

Строятся «Рассказы и речи...» в полном соответствии с моделью *conversazione*. Бегло упомянув в начале коллективный характер дальнейших бесед, автор полностью отдает слово персонажам, троице нотаблей – насмешнику Этрапелю, осмотрительному Полигаму и вспльчивому Лупольду. Причем их разговоры ведутся на равных: собеседники делятся друг с другом историями, суждениями, пословицами, остротами. Исходя из наличия троих равноправных участников беседы (идеальное число, по Гуаццо), можно было бы предположить, что книга воспроизводит модель гуманистического диалога, т. е. что позиции антиподов, Этрапеля и Лупольда, обретут синтез в речах Полигама. Между тем ничего подобного не происходит. Так, в последней главе («Уход Этрапеля») заглавный герой, заявляя о своем желании покинуть Полигама и уединиться на покое в деревне, произносит развернутое похвальное слово сельской жизни; Лупольд отвечает на нее не менее обстоятельной апологией города, перечисляя тяготы существования вдали от средоточия культуры. Выслушав обоих, Полигам журит Лупольда за излишнюю горячность и поспешность суждений и объявляет, что правы оба (Du Fail 1585, f. 219 r°). Беседа, в отличие от диалога, не имеет целью поиск некоей общей истины: то, что верно и полезно одному, не годится для другого. Не случайно сборник завершается характерной фразой: «Удалились они, Полигам к своему хозяйству и книгам, Этрапель к своей сельской философии... А Лупольд –

в страну и край консультаций и бумажек, ведь у всех троих было разное ремесло и разный образ жизни» (Du Fail 1585, f. 223 v°). Поэтому главное в беседе – удовольствие от рассуждений «о чем угодно», обмен подходящими к случаю историями и мудрыми сентенциями и проистекающее из этого *согласие*. В главе «Музыка Этрапеля» заглавный герой, ссылаясь на Платона, произносит страстную речь в защиту своего права говорить свободно и без оглядки на авторитеты; Полигам, который упрекнул было его за нападки на музыку, немедленно, «устыдившись» (*en hontoyant*), вспоминает об обычае древних в своих спорах и диалогах «сплетать из честной непринужденности многие веселые и развлекательные манеры речи» и призывает «в состязании двух разных либо противных мнений брать от каждого из них хорошие места и лучшие куски, дабы из этих несогласий возникло доброе согласие» (Du Fail 1585, ff. 101 v°–102 r°). Иначе говоря, беседа несет удовольствие не потому, что в ее ходе достигается и постигается некое прежде неведомое знание, но потому, что каждый участник может, разделив ее ткань на фрагменты («лучшие куски»), выбрать те, что наиболее близки именно ему.

В полном соответствии с поэтикой *conversazione*, не только собеседники не приходят – и не стремятся прийти – к общей истине, но и само повествование движется, по знаменитому выражению Монтеня, «прыжками и курбетами» (*à sauts et à gambades*). «Не говоря уже о том, что нередко названия глав не отвечают их содержанию, а самые разнородные темы соединяются не только внутри глав, но даже в заголовках: примером тому – странная глава XXXII “Кто отказался, потом локти кусает; и о глубоких стариках” (*Tel refuse qui après muse ; et des hommes bien vieux*)» [Cordiner 2011, p. 55]. Однако акцентированная хаотичность структуры в ряде случаев оказывается мнимой: точнее, организующие ее связи проявляются на более глубоком уровне, рассчитанном на образованную аудиторию. Один из примеров подобного иллюзорного разрыва приводит в своей статье о Дю Фае Ж. Полици [Polizzi 2011, p. 71–72]: в главе XII, «Ловко прикрытый адюльтер», Полигам излагает сюжет из Апулея – о любовнике, сумевшем вернуть забытые у чужой жены сандалии (история о Филезитере и рабе Мирмексе из Девятой книги «Метаморфоз»). Этрапель не понимает смысла истории, а Лупольд, заявив, что слышит ее впервые, начинает рассказ якобы на другую тему и совсем из другой эпохи – о старухе, посадившей любовника под плетеную корзину. Но именно новелла о старухе следует у Апулея непосредственно за историей с сандалиями! «Такой монтаж... интересен тем, что создает в ткани “Рассказов” ложный шов, видимость пестроты (*bigarrure*) там, где в действительности

сти речь идет о сознательном подхватывании того же интертекста» [Polizzi 2011, p. 72]. Уточним: интерес такого монтажа не столько в «удовольствии от узнавания», которое доставляет просвещенному читателю Дю Фай, сколько в том, что этот традиционный для гуманистической словесности прием он использует для создания эффекта «пестроты», фрагментарной, «модульной» [Jeanneret 1994] структуры, перенося его с отдельных элементов этой структуры на связи между ними.

М.-К. Бишар-Томин, рассматривая в своей книге о Ноэле дю Фае влияние диалогического жанра на «Рассказы и речи Этрапеля», приходит к выводу, что «подлинно философские споры в этом произведении отсутствуют: отдельные главы с дискурсивной доминантой можно назвать обменом моральными суждениями о современном обществе, однако во многих других дело ограничивается чередой анекдотов, вложенных в разные уста и призванных проиллюстрировать какую-нибудь общеизвестную поговорку, как правило, вынесенную в заглавие» [Richard-Thomine 2001, p. 103]. Действительно, «Рассказы и речи...» ориентируются не на классическую модель гуманистического философского диалога, но на продукт ее апроприации городской – или «академической», в широком смысле – средой, т. е. на беседу-*conversazione*.

Сходный способ построения сборника и близкие поэтические принципы лежат в основе «Девяти утренних бесед» и «Послеобеденных бесед» Николя де Шольера (Жана Дагонно). Сборники представляют собой своеобразный диптих: оба содержат по девять глав, каждая из которых посвящена обсуждению какого-либо вопроса, вынесенного в заглавие. «Утренние беседы» строятся вокруг двух основных мотивов. Во-первых, это восходящий к Боккаччо и его многочисленным последователям мотив бегства кружка рассказчиков от «чумы» окружающей реальности, в данном случае от религиозных войн; во-вторых, это почти дословно почерпнутый из «Учтивой беседы» мотив целительного воздействия *conversazione* на индивида: подобно тому как Аннибале у Гуаццо врачует больного меланхолией Гульельмо, друзья автора-рассказчика за девять дней излечивают его беседами от недуга и «мрачных мыслей». Сборник воспроизводит

...кое-какие приятные беседы, что вел я с несколькими друзьями, каковые, прознав, что по предписанию врача отправился я за город, дабы очистить мозг свой от удручавших меня мрачных мыслей одиночества, решили разделить со мной мою участь. Но оттого, что послеобеденное время было у меня занято, а еще, несмотря на то, что они тысячью забав пытались заставить меня забыть о моем недуге,

в означенную пору обычно случалась у меня лихорадка, решено было, дабы не отказываться от утешения, каковое, по мнению моему, особенно могло меня возвеселить, что станем мы в утренние часы, подобно философам, обсуждать какой-либо вопрос. <...> Вот так из уединения моего в полях как бы заново возродился в сих краях прославленный Ликей. А число девять, каковое я здесь выбрал, не без тайны: то был словно девятидневный молитвенный обет, излечивший меня от страданий к полнейшему моему удовольствию (Cholières 1585, A Monseigneur, Messire Louys de La Chambre).

Шольер не случайно именуется описанные им дружеские собрания Ликеем: скорее всего, дистрибуция бесед в двух его сборниках по времени суток пародийно отсылает к аристотелевской практике утренних лекций для «эсотериков» и вечерних – для «эксотериков». В самом деле, «Послеобеденные беседы» отличаются от «Утренних» не столько тематикой, сколько более выраженной ориентацией на развлечение. Если во время болезни автора-повествователя утренние философские беседы наделяются функцией исцеления тела и души, то вечерние, призванные ознаменовать победу над недугом, уподобляются «играм, принятым в античности, большинство коих родилось из желания сохранить память о каком-либо смелом и великом предприятии» (Cholières 1863, р. 10). Одновременно Шольер отсылает к традиции увеселений после вечерней трапезы, ссылаясь на пример древних греков, императоров Адриана, Нерона, Октавия, Тиберия, а также Альфонсо Арагонского – но не упоминая, возможно, основной свой образец, «Застольные беседы» Плутарха, где во второй книге «проводится разделение внутри жанра симпозиа: некоторые вопросы относятся к “застольным речам” (те, что касаются поведения за столом и дружеским манерам), а другие – к “речам после трапезы”, посвященным “какому-либо приятному рассуждению”» [Thomine-Bichard 2015, р. 295]. Так или иначе, послеобеденное время у Шольера эксплицитно отводится для дружеских забав, которые противопоставлены утренним «серьезным делам». Читателям же предлагается разделить с беседующими удовольствие, предавшись после обеда чтению. Иначе говоря, книга, пусть и имплицитно, сближается с традицией трактатов о хороших манерах, предлагая образец полезного и приятного времяпрепровождения, позволяющего всякому обрести довольство и радость.

Как и в «Утренних беседах», обсуждение каждый вечер строится вокруг какого-либо одного вопроса, мнение каждого подкрепляется сентенциями древних и новых авторов, пословицами, новеллами, латинскими цитатами и пр., однако интонация спора

и сами принципы поведения компании несколько меняются. Если утренние философские диспуты нередко ведутся агрессивно и едва не доходят до драки, то в послеобеденных усиливается роль повествователя (отождествляемого с автором), чья «функция – направлять разговор, регулировать его ритм», выступая не только свидетелем-секретарем, но и, «благодаря своему умиротворяющему вмешательству, гарантом воздействия произведения» [Arnould 2011, p. 136]. На первый план выходит, как и у Ноэля дю Фая в его последнем сборнике, – согласие, без которого общее удовольствие невозможно. Так, из авторского пролога к огромной главе IV («О Древе жизни») явствует, что компания даже договорилась о штрафах для тех, кто, заскучав, захочет уйти до конца очередной беседы:

...Придержал я вежливо свои соображения, дабы послушать, к какому решению придет эта послеобеденная беседа. Но не все из присутствующих разделяли мое мнение: трое или четверо, что около трех четвертей часа без труда выслушивали как сеньора Теофана, так и мадмуазель Эвтелию, после явно захотели броситься наутек. Однако ж из боязни штрафа, каковой, по общему нашему уговору, предписан был всякому, кто покинет компанию, пришлось им держаться до *plaudite* (Cholières 1863, p. 123–124).

Наконец, мы находим у Шольера настоящую развернутую апологию того утешительного для души разнообразия, какое Гуаццо полагал главным достоинством учтивой беседы. В обращении к читателям «Послеобеденных бесед» автор, предвосхищая возможные упреки в бессвязности рассказов, пишет:

Все, кто живет под одной крышей, дышат одним воздухом, однако ж чувства и желания у них не всегда и везде одинаковы. *Juxta illud, tot capita tot sensus* [Сверх того, сколько голов, столько и мнений. – И. С.]: сколько голов, столько и шляп. Каждому свое. Один хочет серую, другой зеленую, а третий любит только красные. Сперва совместите все эти различия либо засуньте все головы в одну шапку, тогда и допустим, что здесь все должно быть связано и соединено как-то иначе. ... стоит ли удивляться, что несколько человек не сходятся в одном? (Cholières 1863, p. 12–13).

Но наиболее полное выражение эта «академическая» модель диалога находит в «Вечерних беседах» Гийома Буше – несмотря на то, что в прологе-посвящении ко второй книге этого громадного компендиума автор подчеркнуто отказывается именовать описан-

ные им собрания Академией, ссылаясь на разнородный состав беседующих, среди которых есть и люди необразованные (Bouchet 1615, sine pag.), и на то, что, в отличие от членов академии, участники кружка днем вынуждены трудиться, а не предаваться ученым удовольствиям. Если учесть, что в обращении к читателям в первом томе Буше, напротив, опирается на авторитет платоновской Академии и «школы Аристотеля, именуемой Lycium» (Bouchet 1585, sine pag. Discours de l'Autheur sur son livre des Serees), подобный отказ свидетельствует скорее об уточнении образца, на который ориентируется печатник и судья из Пуатье. Несмотря на то что для Буше, как и для Шольера, основной моделью диалога служат прежде всего «Застольные беседы» Плутарха, к которым у него добавляются «Аттические ночи» Авла Геллия и «Сатурналии» Макробия [La Charité 2011], он настойчиво подчеркивает не только дружеский и демократичный, но и соседский характер описанных им собраний, представляя их как типично французский обычай, осененный славной античной традицией:

Не устану я восхвалять достойный обычай и образ жизни, какой в ходу во многих городах нашей Франции, когда родные, друзья и соседи стовариваются принести каждый немного своей еды домой то к одному, то к другому из них; каковые собрания по сей причине называли у латинян *convivia per vices agitata*, то есть такие, что устраиваются поочередно, одно за другим, среди соседей. И без всяких чрезмерных расходов и, как говорит Гесиод, со многим удовольствием и малыми тратами, услаждаются сотрапезники сим ужином, сведенные вместе приятным союзом и согласиём. Посему греки именовали эти пирушки *Symposia philetica*, а латиняне – *amica convivia*, то есть дружеские пиры (Bouchet 1585, sine pag. Discours de l'Autheur sur son livre des Serees).

Если у Гуаццо демократизм беседы предстает важнейшей, но скорее потенциальной чертой – поскольку ее идеалом, «храмом», служит беседа, возглавляемая герцогом Гонзага, который, как явствует из четвертой книги, поочередно посещает собрания своих подданных, – то у судьи из Пуатье он превращается в основополагающий принцип. Дабы избежать любого неравенства, как в «восстановлении тела» (*refection du corps*), так и в «восстановлении и услаждении духа» (*refection & contentement de l'esprit*), т. е. в еде и в разговорах, дружеское общество собирается за круглыми столами. Более того, книга Буше открывается не одним, а двумя прологами: обширной «речи» автора, обращенной к читателям, предшествует посвящение «Господам торговцам города Пуатье». Изъявляя благодарность за честь быть избранным коммерческим

судьей, автор, по его словам, хочет «оставить некий знак», свидетельствующий, насколько он обязан и признателен собратьям по купеческому цеху (Bouchet 1585, sine pag. A messieurs les marchands de la ville de Poitiers). Таким знаком и становится «книжечка» (*petit livre*), где, возможно, отразились обстоятельства – и бесспорно отразилась среда, в которой сложился замысел и которой адресованы «Вечерние беседы». В отличие от «Речи автора о своей книге», посвящение городским торговцам апеллирует отнюдь не к античной традиции и даже не к рыцарским романам, но к «добрым старым временам»:

...Свободные и веселые речи, что содержатся в оной [книге], отдают еще былым прямодушием добрых старых времен и простотой отцов наших, что с открытой душой проводили время, вместе беседуя и смеясь, прежде чем их бесхитростное и доброе естество испорчено было злосчастьем гражданских войн, в противостоянии коих исчезла дружба, согласие и вольность, коих не может быть без доверия между людьми (Bouchet 1585, sine pag. A messieurs les marchands de la ville de Poitiers).

Сочинение Буше развивается сразу в двух регистрах: с одной стороны, книжное знание, античные *auctores* (Гесиод, Пифагор, Платон, Аристотель, Плутарх, Цицерон, Зенон), высокий стиль; с другой – устная беседа, провинциальные горожане, обилие комических и скабрёзных историй, поговорок и реплик. Последнюю особенность автор, конечно, также стремится обосновать античной традицией, ссылаясь, в частности, на Цицерона и особенно на Платона; но взаимосвязь двух регистров у Буше гораздо глубже и объясняется не только и не столько подражанием древним. В «Вечерних беседах» куда отчетливее, чем у Дю Фая и Шольера – и за четыре года до выхода Третьей книги «Опытов» Монтеня с их главой о беседе, – звучит восходящая к трактату Гуаццо идея познавательного значения бесед, в ходе которых каждый может приобрести «познания в разных науках», недоступные для него в частной жизни (Bouchet 1585, sine pag. A messieurs les marchands de la ville de Poitiers). Коллективное знание сотрапезников бесспорно превосходит познания отдельного человека, которые он в одиночку черпает из книг.

Эта «пропедевтическая» установка подчиняет себе всю структуру сочинения Буше, доминируя над их диалогической формой (по словам Н. Кенни, «чистый объем учености, изложенной в каждой Вечерней беседе, далеко выходит за рамки подражания» живому разговору [Kenney 2011, p. 107]). Обрамляющая конструкция бук-

важно растворяется в массиве суждений и изречений философов, историков, ученых, ехемпра, забавных анекдотов и высказываний представителей различных сословий по самым разным вопросам.

Каждая из трех частей компендиума Буше разбита на 12 глав-бесед, посвященных какой-либо одной теме. Показательно, однако, что, несмотря на заявленную в «Речи автора» опору на авторитет Платона, Аристотеля и Пифагора, среди этих 36 тем – как, впрочем, и у Шольера и Дю Фая – полностью отсутствуют собственно философские. Среди них можно выделить две важные группы. Во-первых, значительное место в беседах занимают темы медицинские и, шире, телесные («О врачах и медицине» в Первой книге; «О хро-мых», «О зрении, глазах, слепых, кривых и косоглазых», «О горбу-нах, увечных и чудовищах», «О глухих и немых» во Второй; «О цир-рюльниках и зубной боли» в Третьей). Во-вторых, в Третьей книге отдельные главы посвящены «живописцам и живописи» и «музыке и музыкантам (*joüeurs d'instrument*)».

Все изобилие и разнообразие *loci communes*, от философских сентенций до новелл и анекдотов, которые автор подносит торговцам из Пуатье и читателю, прочно связано с повседневной жизнью горожан – во всех ее аспектах, от социальных и семейных отношений до болезней и увечий. Более того, эта повседневность обуславливает и внешне хаотичную структуру «Вечерних бесед». Н. Кенни, развивая брошенную вскользь ремарку А. Жанье, главного специалиста по творчеству Буше, о том, что застольный разговор у него чаще всего вводится словами «случай» (*occasion*) и «повод» (*cause*) [Janier 2006, p. 764, n. 57], справедливо отмечает стремление литератора из Пуатье «прежде всего нащупать связь между знанием и тем, что можно условно назвать жизнью, в том числе способ, каким первое может вклиниться во вторую... Буше представляет эти “поводы” и “случаи” для знания как очень част-ные; они коренятся в конкретных пространственно-временных рамках и скорее в непосредственном опыте телесной жизни, но в ходе беседы знание выходит на более общий уровень... Именно в таком понимании знания, неотделимого от частных жизней, Буше, по-видимому, видит главный смысл слегка измененного горациевского *locus*, который служит ему девизом на титуле книги: “*Et nugae seria ducunt*”, “И эти безделки ведут к серьезным вещам”» [Kenney 2011, p. 107]. Упомянутые в «Беседах» местный карнавал, церковная служба, свадьба, новогодние празднества или день рождения одного из гостей выступают не только ритуалами, вокруг которых строится жизнь горожан, но и повествовательными центрами притяжения, вокруг которых организуется беспорядочный «ворох» сентенций, почерпнутых из ученых авторов.

Этот «ворох» призван снабдить собеседников и читателя запасом мудрости, позволяющей применяться к превратностям бытия, познавая их и встраивая в более широкую философскую, научную и историческую перспективу.

Иными словами, Буше создает некое подобие народной энциклопедии, сборника *loci communes*, предназначенного для провинциальной городской среды, которая, впитав в себя начатки гуманистической учености, стремится расширить свои познания, а главное, найти им применение в практической жизни. «Есть сочинения... формальное строение которых неотделимо от смысла. Но есть и другие, где смысл обусловлен не столько присущими им структурами и формами, сколько целью, которая перед ними ставится, публикой, которой они предназначены, функцией, которой они наделены. Именно к этой категории сочинений относятся, на мой взгляд, “Вечерние беседы”», – пишет Ф. де Лажарт [Lajarte 2011, p. 99]. С этим выводом нельзя не согласиться – но с одной поправкой: диалогическая форма, которую выбирает Буше для своего поучительно-развлекательного компендиума, несет в «Беседах» не меньшую нагрузку, нежели их прагматическая функция.

Г.-А. Перуз, отмечая, что обрамляющая конструкция у печатника-судьи из Пуатье «находится при последнем издыхании» и автор не раз выступает от собственного имени, тем самым «приближаясь к жанру эссе, “опыта”» [Régouse 1977, p. 376], сетует на «насилие», которому Буше, подобно Ноэлю дю Фаю и Шольеру, подверг жанр новеллистического сборника [Régouse 1977, p. 370]. Между тем эксплицитно заявленная Буше ориентация на модель платоновского диалога (а не «Гептамерона», как полагает Перуз) обнажает еще одну особенность его замысла. Мы видели, что в восприятии позднего Возрождения стиль Платона создавал возможность, смешав в обсуждении несколько голосов, отказаться от единой для всех истины в пользу разнообразия частных мнений: именно по этому критерию Сперони противопоставляет его Аристотелю [Ménier 2013, p. 595–596]. Этот отказ от однозначности, от «навязывания» автором окончательного суждения, который отличает весь корпус текстов, объединяемых понятием «пестрые рассказы и речи», не только придает компендиуму Буше развлекательный, игровой характер, позволяющий читателю «приобрести всю эту энциклопедическую сумму познаний менее нудным образом, нежели в рамках жанра эссе» [La Charité 2011, p. 124], но и привносит в него заметный элемент скептицизма. Истина у Буше всегда относительна и обусловлена конкретным «поводом», которые в изобилии создает городская жизнь эпохи религиозных войн, не раз упомянутых в «Вечерних беседах». Подобно Сократу,

сомневающемуся во всем, и вслед за Сперони, Луи Леруа, Ноэлем дю Фаем, автор-рассказчик не поучает читателей, но предоставляет им, благодаря диалогической форме, свободу решать, какие из бесчисленных фрагментов знания, собранных им воедино, лучше всего применимы к определенной жизненной ситуации или проблеме.

Как мы попытались показать, сочинения Дю Фая, Шольера и Буше, которые предстают читателю «складами достопамятных деяний и речей, репертуарами культурных благ, принадлежащих всем и никому», где «анекдоты и ученые заметки, происшествия и моральные примеры, рассказы и каламбуры, обрывки вероучения и фрагменты народной культуры соседствуют друг с другом вперемешку» [Jeanneret 1994, p. 59], связаны с традицией новеллистического сборника не прямо, а опосредованно. Решающим фактором, вызвавшим к жизни этот тип произведений, стала рецепция во Франции диалога – сначала гуманистического, затем платоновского, который под пером переводчиков и толкователей лег в основание концепции «академической беседы», *conversazione* (во Франции – *devis*). Еще одной моделью для них послужили сборники *loci communes*: изначально гуманистическая, модель эта, будучи апроприирована городской средой, послужила не только средством распространения гуманистического знания, его популяризации, но и с точки зрения поэтики структурой, в рамках которой возник синтез едва ли не всех малых прозаических форм, от пословицы до новеллы.

Источники

- Béroalde de Verville 1584 – *Béroalde de Verville F.* Dialogue de la vertu. Par Francois de Beroalde sieur de Verville. Paris: pour Timothee Jouan, M D LXXXIII.
- Bouchet 1585 – *Bouchet G.* Serées de Guillaume Bouchet, Juge et Consul des Marchands, à Poitiers. Livre premier. Imprime sur la copie faite à Poitiers, 1585.
- Bouchet 1615 – *Bouchet G.* Les Serées de Guillaume Bouchet, sieur de Brocourt, divisées en trois livres... Dernière edition. Reveüe et augmentée par l'auteur. Lyon: imprimerie de S. Rigaud, 1615.
- Cholières 1585 – *Cholières N. de.* Les Neuf Matinees du Seigneur de Cholieres. Paris: chez Jehan Richer, ruë saint Jehan de Latran, à l'enseigne de l'Arbre Verdoiant, 1585.
- Cholières 1863 – *Cholières N. de.* Les Apres Disnees du seigneur de Cholieres. A Paris, chez Jean Richer, 1587. Raretés bibliographiques. Réimpressions faites, pour une Société de bibliophiles, à cent exemplaires numérotés... Bruxelles: Imprimerie de A. Mertens et fils, 1863.

- Du Fail 1585 – *Du Fail N.* Les Contes et Discours d'Eutrapel. Par le feu Seigneur de la Herissaye: Gentil-homme Breton. Rennes: pour Noël Glamet, de Quimpercorentin, 1585.
- Du Fail 1894 – *Noël du Fail.* Les Baliverneries et Contes d'Eutrapel / Avec notice par E. Courbet. T. I. Paris: A. Lemerre, 1894.
- Guazzo 1574 – *Guazzo S.* La Civil conversazione // Biblioteca Italiana [Электронный ресурс] <http://ww2.bibliotecaitaliana.it/xtf/view?docId=bibit000235/bibit000235.xml> (дата обращения 28.09.2020).
- Le Caron 1554 – Le Caron L. La Claire, ou De la prudence de droit, Dialogue premier. Plus, La clarté amoureuse. A Paris, par Guillaume Cavellat, 1554.
- Speroni 1596 – *Speroni S.* Dialoghi del sig. Speron Speroni nobile padovano, di nuovo ricorretti; A quali sono aggiunti molti altri non più stampati. E di più l'Apologia de i primi. Venetia: Appresso Roberto Meietti, M D XCVI.

Литература

- Шартье 2006 – *Шартье Р.* Письменная культура и общество / Пер. с франц. и послесловие И. Стаф. М.: Новое издательство, 2006. 270 с.
- Arnould 2011 – *Arnould J.-C.* *Les Matinées et Les Apresdisnées* du seigneur de Cholières: la bigarrure des «exercices philosophiques» // Contes et discours bigarrés / Sous la dir. de M.-C. Thomine-Bichard. Paris: Presses de l'université Paris-Sorbonne, 2011. P. 133–144.
- Bichard-Thomine 1997 – *Bichard-Thomine M.-C.* Les avatars du genre facétieux: facétie et eutrapélie chez Noël du Fail // La nouvelle de langue française aux frontières des autres genres, du Moyen Age à nos jours. Actes du colloque de Metz, juin 1996. Vol. I. / Sous la dir. de V. Engel et M. Guissard. Ottignies: Quorum, 1997. P. 122–135.
- Bichard-Thomine 2001 – *Bichard-Thomine M.-C.* Noël du Fail conteur. Paris: Honoré Champion, 2001. 627 p.
- Chartier 1984 – *Chartier R.* Livres bleus et lectures populaires // Histoire de l'Édition Française / Sous la dir. de H.J. Martin et R. Chartier. T. II. Le livre triomphant. 1660–1830. Paris: Promodis, 1984. P. 498–511.
- Chartier 1995 – *Chartier R.* Popular Appropriation: The Readers and Their Books // Forms and Meanings. Text, Performances, and Audiences from Codex to Computer. Philadelphia: Pennsylvania University Press, 1995. P. 83–97.
- Cordiner 2011 – *Cordiner V.* “Si les exemples servent de quelque chose, je sais un beau conte à ce propos”. Mélanges récréatifs et (surtout) didactiques dans *Les Contes et discours d'Eutrapel* // Contes et discours bigarrés / Sous la dir. De M.-C. Thomine-Bichard. Paris: Presses de l'université Paris-Sorbonne, 2011. P. 53–67.
- Flamand 2011 – *Flamand J.-M.* Loys Le Roy, traducteur et commentateur du Sympose de Platon (1558) // Loys Le Roy, renaissance & vicissitude du monde. Actes du

- colloque tenu à l'université de Caen (25–26 septembre 2008) réunis par D. Duport. Caen: Presses universitaires de Caen, 2011. P. 31–50.
- Gaël 1970 – *Gaël M.* Les Baliverneries d'Eutrapel de Noël du Fail (Etude historique et littéraire) // *Annales de Bretagne*. 1970. T. 77. № 4. P. 553–558.
- Goyet 2018 – *Goyet F.* Le Sublime du “lieu commun”. Invention rhétorique dans l'Antiquité et à la Renaissance. Paris: Classiques Garnier, 2018. XIV, 785 p.
- Guérin 2006 – *Guérin Ph.* La *Civile Conversation* de Stefano Guazzo: “du dialogue à la conversation” // Le dialogue, ou les enjeux d'un choix d'écriture (pays de langues romanes). Actes du colloque international organisé par l'Equipe d'accueil ERILAR les 17 et 18 octobre 2003 / Sous la dir. de Ph. Guérin. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2006. P. 235–296.
- Janier 2006 – *Janier A.* “Les Serées” (1584–1597–1598) du libraire-imprimeur Guillaume Bouchet (1514–1594) / Texte revu et corrigé par J.-Cl. Arnould. Paris: Champion, 2006. 1040 p.
- Jeanneret 1994 – *Jeanneret M.* Le récit modulaire et la crise de l'interprétation. A propos de l'*Heptaméron* // Jeanneret M. Le défi des signes. Rabelais et la crise de l'interprétation à la Renaissance. Orléans: Paradigme, 1994. P. 53–74.
- Kenny 2011 – *Kenny N.* “Ce qui occasionna ceste serée fut...”: les “causes” du savoir dans Les Serées de Guillaume Bouchet // *Contes et discours bigarrés* / Sous la dir. de M.-C. Thomine-Bichard. Paris: Presses de l'université Paris-Sorbonne, 2011. P. 103–116.
- La Charité 2011 – *La Charité C.* Les *Serées* de Guillaume Bouchet ou les saturnales polyphoniques // *Contes et discours bigarrés* / Sous la dir. de M.-C. Thomine-Bichard. Paris: Presses de l'université Paris-Sorbonne, 2011. P. 117–129.
- Lajarte 2011 – *Lajarte Ph. de.* *Pravus nunc vobis videor, quia vobis jam non intelligor*: le dessein de Guillaume Bouchet dans les Serées // *Contes et discours bigarrés* / Sous la dir. de M.-C. Thomine-Bichard. Paris: Presses de l'université Paris-Sorbonne, 2011. P. 89–101.
- Lecoite 1989 – *Lecoite J.* Naissance d'une prose inspirée: “prose poétique” et néoplatonisme au XVIe siècle en France // *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*. 1989. Vol. 51. № 1. P. 13–51.
- Lestringant 2011 – *Lestringant F.* Bigarrures // *Contes et discours bigarrés* / Sous la dir. de M.-C. Thomine-Bichard. Paris: Presses de l'université Paris-Sorbonne, 2011. P. 7–13.
- Loviot 1913 – *Loviot L.* Le mystérieux Seigneur de Cholières // *Revue des livres anciens*. Documents d'histoire littéraire, de bibliographie & de bibliophilie. 1913. fasc. 1. P. 37–49.
- Méniel 2013 – *Méniel B.* Comment la Renaissance percevait-elle le style de Platon? // *Cahiers de recherches médiévales et humanistes* [Электронный ресурс]. 25 | 2013, mis en ligne le 30 juin 2016, consulté le 08 novembre 2016. URL: <http://crm.revues.org/13138> (дата обращения 08.11.2016).
- Moss 1996 – *Moss A.* Printed commonplace-books and the structuring of Renaissance thought. Oxford: Clarendon Press, 1996. 345 p.

- Pérouse 1977 – *Pérouse G.-A.* Nouvelles françaises du XVIe siècle: images de la vie du temps. Genève: Droz, 1977. 576 p.
- Polizzi 2011 – *Polizzi G.* L'effet de la bigarrure: les *Contes et discours d'Eutrapel* comme danse macabre // *Contes et discours bigarrés / Sous la dir. de M.-C. Thomine-Bichard.* Paris: Presses de l'université Paris-Sorbonne, 2011. P. 69–86.
- Thomine 2011 – *Thomine M.-C.* Des “propos de table”? // *Contes et discours bigarrés / Sous la dir. de M.-C. Thomine-Bichard.* Paris: Presses de l'université Paris-Sorbonne, 2011. P. 209–224.
- Thomine-Bichard 2015 – *Thomine-Bichard M.-C.* Etat du dialogue en France dans les années 1580: autour des “discours bigarrez” // *Les états du dialogue à l'âge de l'humanisme / Sous la dir. de E. Buron, Ph. Guérin et C. Lesage.* Tours: Presses univ. François-Rabelais, Presses Univ. de Rennes, 2015.
- Yates 1947 – *Yates F.A.* The French Academies of the Sixteenth Century. London: The Warburg Institute, University of London, 1947.

References

- Arnould, J.-C. (2011), “*Les Matinées et Les Apresdisnées* du seigneur de Cholières: la bigarrure des ‘exercices philosophiques’”, *Contes et discours bigarrés*, M.-C. Thomine-Bichard (ed.), Presses de l'université Paris-Sorbonne, Paris, France, pp. 133–144.
- Bichard-Thomine, M.-C. (1997), “Les avatars du genre facétieux: facétie et eutrapélie chez Noël du Fail”, *La nouvelle de langue française aux frontières des autres genres, du Moyen Age à nos jours. Actes du colloque de Metz, juin 1996*, V. Engel, M. Guissard (eds.), Quorum, Ottignies, France, pp. 122–135.
- Bichard-Thomine, M.-C. (2001), *Noël du Fail conteur*, Honoré Champion, Paris, France.
- Chartier, R. (1984), “Livres bleus et lectures populaires”, *Histoire de l'Édition Française*, H.J. Martin, R. Chartier (eds.), t. II, *Le livre triomphant, 1660–1830*, Promodis, Paris, France, pp. 498–511.
- Chartier, R. (1995), “Popular Appropriation: The Readers and Their Books”, *Forms and Meanings. Text, Performances, and Audiences from Codex to Computer*, Pennsylvania University Press, Philadelphia, USA, pp. 83–97.
- Chartier, R. (2006), *Pis'mennaya kul'tura i obshchestvo* [Writing culture and Society], I. Staf (transl., afterword), Novoye izdatel'stvo, Moscow, Russia.
- Cordiner, V. (2011), “‘Si les exemples servent de quelque chose, je sais un beau conte à ce propos’. Mélanges récréatifs (surtout) didactiques dans ‘Les Contes et discours d'Eutrapel’”, *Contes et discours bigarrés*, M.-C. Thomine-Bichard (ed.), Presses de l'université Paris-Sorbonne, Paris, France, pp. 53–67.
- Flamand, J.-M. (2011), “Loys Le Roy, traducteur et commentateur du Sympose de Platon (1558)”, *Loys Le Roy, renaissance & vicissitude du monde.* Actes du colloque tenu à l'université de Caen (25–26 septembre 2008), D. Duport (ed.), Presses universitaires de Caen, France, pp. 31–50.

- Gaël, M. (1970), "Les Baliverneries d'Eutrapel de Noël du Fail (Etude historique et littéraire)", *Annales de Bretagne*, t. 77, no. 4, pp. 553–558.
- Goyet, F. (2018), *Le Sublime du "lieu commun". Invention rhétorique dans l'Antiquité et à la Renaissance*, Classiques Garnier, Paris, France.
- Guérin, Ph. (2006), "La 'Civile Conversation' de Stefano Guazzo: du dialogue à la 'conversation'", *Le dialogue, ou les enjeux d'un choix d'écriture (pays de langues romanes)*. Actes du colloque international organisé par l'Equipe d'accueil ERILAR les 17 et 18 octobre.
- Janier, A. (2006), "*Les Serées*" (1584–1597–1598) du libraire-imprimeur Guillaume Bouchet (1514–1594), J.-Cl. Arnould (ed.), Champion, Paris, France.
- Jeanneret, M. (1994), "Le récit modulaire et la crise de l'interprétation. A propos de l'*Heptaméron*", Jeanneret M. *Le défi des signes. Rabelais et la crise de l'interprétation à la Renaissance*, Paradigme, Orléans, France, pp. 53–74.
- Kenny, N. (2011), " 'Ce qui occasionna ceste serée fut...': les 'causes' du savoir dans Les Serées de Guillaume Bouchet", *Contes et discours bigarrés*, M.-C. Thomine-Bichard (ed.), Presses de l'université Paris-Sorbonne, Paris, France, pp. 103–116.
- La Charité, C. (2011), "Les 'Serées' de Guillaume Bouchet ou les saturnales polyphoniques", *Contes et discours bigarrés*, M.-C. Thomine-Bichard (ed.), Presses de l'université Paris-Sorbonne, Paris, France, pp. 117–129.
- Lajarte, Ph. de (2011), " 'Pravus nunc vobis videor, quia vobis jam non intelligor': le dessein de Guillaume Bouchet dans les Serées", *Contes et discours bigarrés*, M.-C. Thomine-Bichard (ed.), Presses de l'université Paris-Sorbonne, Paris, France, pp. 89–101.
- Lecoite, J. (1989), "Naissance d'une prose inspirée: 'prose poétique' et néo-platonisme au XVIe siècle en France", *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*, vol. 51, no. 1, pp. 13–51.
- Lestringant, F. (2011), "Bigarrures", *Contes et discours bigarrés*, M.-C. Thomine-Bichard (ed.), Presses de l'université Paris-Sorbonne, Paris, France, pp. 7–13.
- Loviot, L. (1913), "Le mystérieux Seigneur de Cholières", *Revue des livres anciens. Documents d'histoire littéraire, de bibliographie & de bibliophilie*, fasc. 1, pp. 37–49.
- Méniel, B. (2013), "Comment la Renaissance percevait-elle le style de Platon?", *Cahiers de recherches médiévales et humanistes*, available at: <http://crm.revues.org/13138> (accessed 08.11.2016).
- Moss, A. (1996), *Printed commonplace-books and the structuring of Renaissance thought*, Clarendon Press, Oxford, UK.
- Pérouse, G.-A. (1977), *Nouvelles françaises du XVIe siècle: images de la vie du temps*, Droz, Genève, Switzerland.
- Polizzi, G. (2011), "L'effet de la bigarrure: les *Contes et discours d'Eutrapel* comme danse macabre", *Contes et discours bigarrés*, M.-C. Thomine-Bichard (ed.), Presses de l'université Paris-Sorbonne, Paris, France, pp. 69–86.
- Thomine, M.-C. (2011), "Des 'propos de table'?", *Contes et discours bigarrés*, M.-C. Thomine-Bichard (ed.), Presses de l'université Paris-Sorbonne, Paris, France, pp. 209–224.

- Thomine-Bichard, M.-C. (2015), "Etat du dialogue en France dans les années 1580: autour des 'discours bigarrez' ", *Les états du dialogue à l'âge de l'humanisme*, E. Buron, Ph. Guérin and C. Lesage (eds.), Presses univ. François-Rabelais, Presses Univ. de Rennes, Tours, France.
- Yates, F.A. (1947), *The French Academies of the Sixteenth Century*, The Warburg Institute, University of London, London, UK.

Информация об авторе

Ирина К. Стаф, кандидат филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия; 121069, Россия, Москва, Поварская, д. 25а; irina.staf@gmail.com

Information about the author

Irina K. Staf, Cand. of Sci. (Philology), A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 25a, Povarskaya Street, Moscow, Russia, 121069; irina.staf@gmail.com

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
О.Н. Картамышева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Подписано в печать 09.02.2021.

Формат $60 \times 90^{1/16}$.

Уч.-изд. л. 8,6. Усл. печ. л. 9,4.

Тираж 1050 экз. Заказ № 1106

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6

www.rgggu.ru

www.knigirgggu.ru